

Распределение (Тринадцатая Мелодия) 1
А. М. Мелодия
Ленинград (Мелодия), А. М. Мелодия
Н. И. А. — М. В. М. Карпов
Ленинград, А. М. Мелодия
Омск, А. М. Мелодия
Томск, В. М. Карпов
Русская Печать, М. В. — со
Домик, М. В. — со
В. М. Карпов
Омск, А. М. Мелодия
Земля, со
Земля, со
Земля, со
РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ЗА КАЛЕНДАРЬ

Р И Г Б

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

изъ послѣдней половины шестнадцатаго столѣтія.

ВВЕДЕНІЕ.

Болѣ прехъ сошь дѣшь повелѣвали Гермей-сперы Тевпонскаго Ордена важнѣйшею часнїю Лифляндіи. Наконецъ непрерывныя войны съ могущесивенными сосѣдсивенными державами, оспавляя Обществу дншь крапкїя минушы счастїя и спокойсївїя, довели его до крайняго безсїлія. Особенно богашо гореснїными событїями и зрѣлищами кровавыми было для него 16-шое спольнїе, когда необузданныя полчища Іоанна Грознаго опустошали несчастную спрану огдемъ и мечемъ. Напрасно угнѣпенные мирные граждане молили своихъ власнїпелей и еспесивенныхъ защїпниковъ о помощи. Орденъ былъ сплшкомъ слабъ, чпобы оборонїпть своихъ подданныхъ ошь многочисленныхъ, воїнсивенныхъ рашей Царя Русскаго. Сїя слабоспть общесива, нѣкогда споль могущесивеннаго, происходила болѣ ошь постепенной

порчи въ нравахъ членовъ его. Всѣ историческія произведенія и лѣтописи того времени наполнены описаніями праздной и изнѣженной жизни погдашнихъ орденскихъ рыцарей. Наконецъ Готгардъ Кепшлеръ, послѣдній Гермейсперъ Тевтонскаго Ордена, увидѣлъ, что не осталось другаго средства избѣжать совершенной гибели, какъ оказаться опъ господства надъ принадлежащими оному землями и покориться со всѣми рыцарями и ихъ владѣніями, власти чуждой. Выборъ его палъ на Сигизмунда Августа Короля Польскаго, копорый еще прежде того дѣлалъ Лифляндіи выгодныя предложенія. Въ Октябрѣ 1560 года Король со многими Польскими и Липовскими вельможами прибылъ въ Вильну на сеймъ, для заключенія условій съ обласію. Со спороны сей послѣдней явились на оный Епископъ Маркграфъ Вильгельмъ, Готгардъ Кепшлеръ, представители Лифляндскаго дворянства, и уполномоченные опъ городовъ. 28-го Ноября переговоры были приведены къ концу, условія подданства опредѣлены, и съ обѣихъ споронъ утверждены клятвою. Изъ нихъ слѣдующія спашь заслуживають особеннаго вниманія:

- 1) Король Сигизмундъ ручается Лифляндцамъ, что подданство ихъ не навлечетъ на нихъ олады Императора.

- 2) Король и его приемники обязываются обеспечить для всех и каждого в Лифляндии свободу Люшеранскаго вѣроисповѣданія, и не дѣлать въ немъ никакихъ измѣненій, ни дозволять сего другимъ.
- 3) Область сохраняетъ все свои преимущества и вольности, какъ въ дѣлахъ духовныхъ такъ и свѣтскихъ; особенно дворянство удерживаетъ все свои имущества, права, привилегіи и т. п.
- 4) Все правительственныя должности будутъ исправляемы одними туземцами, говорящими на Нѣмецкомъ языкѣ.
- 5) Гермейсперу присвоится впредь титулъ Герцога; онъ приобретаетъ въ удѣлъ, для себя и своихъ приемниковъ, Курляндію и Семигалию, съ зависимоścią отъ Польскаго Короля, оставаясь при томъ Правителемъ остальной части Лифляндіи.

5-го Марта 1562 года грамоты на подданство были выданы въ Рижскомъ замкѣ сословіямъ области Королевскимъ Коммисаромъ Николаемъ Радзивиломъ. Въ этотъ же день рыцари, по примѣру своего Гермейспера, сняли съ себя орденскую одежду. Крестъ и большая орденская печать, вмѣстѣ съ Императорскими дипломами и грамотами, а также ключи замка и города Риги, были

вручены Королевскому Коммисару, и Лифляндія стала съ сего времени Польскою провинціею. Въ слѣдъ за тѣмъ Кешплеръ, въ качествѣ Герцога Курляндіи и Семигаліи, принялъ присягу отъ дворянства сихъ областей, а на слѣдующій день объявленъ въ городской Рапушѣ безсмѣннымъ Правителемъ Лифляндіи, и получилъ обратно ключи отъ замка и городскихъ воротъ.

18-го Іюля 1572 Король Сигизмундъ скончался въ Гнѣзно, въ Липвѣ, и въ продолженіи чепырехъ лѣтъ Польша была преисполнена раздоровъ и смутъ, нераздѣльныхъ тогда въ семь Королевствъ съ выборомъ Короля. По сей причинѣ Стефанъ Баторій, короновавшійся 4-го Мая 1576 въ Краковѣ, слишкомъ былъ занятъ въ первые годы своего правленія, чтобы обратитъ прістальное вниманіе на вновь пріобрѣтенную Лифляндію. Благодаря симъ обстоятельствомъ, процвѣтающая и обогащенная своею торговолею Рига около 20 лѣтъ пользовалась почти всѣми правами вольнаго города, и это произвело въ городской Думѣ и гражданахъ Рижскихъ непобѣдимую склонность къ независимости и самовластію, соединенную съ нѣкоторою надменностію, довольно естественнымъ слѣдствіемъ богатства и силы. Въ 1581 году были посланы отъ города къ Королю, въ Дрогоичинѣ депутатами Бургомистры Николай Ейке

и Каспаръ Бергенъ, Синдикъ Готгардъ Веллингъ, Совѣтникъ Думы Юганнъ Таспіусъ и Секретарь Оппо Кане. Башорій, знавшій, что Рига, пользуясь слабостію прежняго правительсва, присвоила себѣ совершенную независимость, и даже, съ оружіемъ въ рукахъ, отказала въ повиновеніи Геллману Хопкевичу, заступившему мѣсто Кепплера, счель лучшимъ избрать путь снисхожденія, и прежде всего расположилъ посланныхъ въ свою пользу. Милостіями, подарками и почестіями достигъ онъ своей цѣли, а особенно Ейке, Веллингъ, Таспіусъ и Кане навлекли на себя въ послѣдствіи подозрѣніе согражданъ въ томъ, что сдѣлали Королю, пропивъ своей присяги и даннаго имъ наставленія, многія уступки, вредныя для города, и тѣмъ измѣнили опечесву. Въ 1582 году Король, прибывъ самъ въ Ригу, подвергся недовѣрчивости и негодованію гражданъ, назначивъ въ ней одну церковь, для Каполическаго богослуженія. Когда же онъ не только ввелъ въ Лифляндію Іезуитовъ, но даже основалъ для нихъ въ Ригѣ коллегію и поспановилъ въ Венденѣ Каполическаго Епископа, неудовольствіе увеличилось и обнаружилось громкимъ ропотомъ. Волненіе въ народѣ усилилось, когда, по повелѣнію Короля, назначено было ввести исправленный Григоріанскій календарь. Эпохѣ

случай произвелъ кровавыя позорища и безпокойства, возмущавшія городъ нѣсколько лѣтъ сряду, пока наслѣдникъ Баторія, Сигизмундъ, сынъ Шведскаго Короля Іоанна, въ 1589 году совершенно порабощилъ мяпежный городъ, велѣлъ казнить зачинщиковъ мяшежа, и такимъ образомъ воспановилъ пишину и порядокъ.

Сіи событія представляють разительное доказательство, какъ часто непросвѣщенная толпа увлекается людьми легкомысленными и злыми, не только къ безпорядкамъ, но даже къ жестокостямъ и пресушленіямъ, какъ часто лучшія и полезнѣйшія нововведенія спановяются средствомъ къ доспиженію пресушннхъ замысловъ, и какъ тщательнo должно осперегаться возбужденія малѣйшей недовѣрчивости между правительствомъ и подданными; ибо послѣдствія ея бывають споль пагубны, и проспираются иногда такъ далеко, что ихъ не можеть предвидѣть никакое человеческое благоразуміе.

Главнѣйшіе испочники, изъ которыхъ сочинитель почерпнулъ предлагаемую повѣсть сунь: Kelch, Liefländische Chronik. Thiel, Unterhaltungen für die Jugend aus der vaterländischen Geschichte. Hupel, Nordische Miscellen. St. Petersburgische Monathschrift zur Unterhaltung und Belehrung, Jahrg. 1804 et 1805.

Карнаваль, проведенный въ празднествахъ и веселостяхъ, приближался къ концу. Черноголовые, вѣрные старинному обычаю, днемъ соспавляли верхами родъ хоровода [Stechreigen], а вечеромъ такимъ же образомъ танцовали по площади и улицамъ города (*). По обыкновенію, въ одномъ домѣ Черноголовыхъ выпито, въ продолженіи карнавала, 144 бочки пива и 24 бочки меда. Въ заключеніе празднованія, было съ шоржеспивомъ сожжено на городской площади праздничное древо [Fastnachtsbaum]. Но въ этотъ годъ веселость была не столь шумна и порывиста какъ прежде. Тысяче сходились старшіе братья Черноголовыхъ въ толпы, и вмѣсто того, чпобы пѣть и веселиться, одни въ тихихъ разговорахъ передавали другъ другу свои опасенія; другіе громко жаловались на измѣну и предашельство. Когда младшіе братья, оспавляя по временамъ танцы, подходили на минупу къ

(*) Мѣстное обыкновеніе того времени.

старшимъ, но часто у первыхъ вырывались такія выраженія, копорья хопя и были не неприятны послѣднимъ, но строго ими запрещались. Даже и по прошествіи шумнаго празднества, граждане сходились большими нежели прежде толпами въ *новый домъ* (мѣсто сборищъ Черноголовыхъ) и въ питейные дома, и продолжали разговоры карнавала. Но молодые граждане менѣе посѣщали новый домъ. Съ нѣкопорого времени они любили собираться въ одномъ питейномъ домѣ, въ шорговой улицѣ, у шакъ называемаго Варѣоломея-Бочки, копорый обязанъ былъ эшимъ прозваніемъ, или огромному своему шуловищу на коропенькихъ пучныхъ ножкахъ, или тому, что съ званіемъ пракпирщика соединялъ и ремесло бочара. Общество у Варѣоломея было всегда очень неспрое; но послѣ карнавала, по желанію нѣкопорыхъ лучшихъ своихъ посѣпителей, онъ опвелъ особую компаніу для почепныхъ гражданъ, цеховыхъ масперовъ и купцовъ, къ копорымъ нерѣдко присоединялись многіе члены Думы, и даже нѣкопорья особы духовнаго званія. Однажды въ эпомъ домѣ собралось довольно многочисленное общество, копорое раздѣлилось по разнымъ споламъ, сообразно равенству соспюаній, и образу мыслей своихъ членовъ. Анхень, пригожая осмнацашилѣпная дочь хозяина, перелѣгая, для прислуги госпамъ, опъ одного спола въ

другому, здѣсь дѣлала привлекательный виисень купцу, шамъ привѣтствовала знакомаго гражданина, у преняго спола опвѣчала серднымъ взглядомъ на невѣжливыя шулки, между шѣмъ какъ опецъ ея, за своимъ прилавкомъ, постоянно представляя собою фигуру Мекленбургскаго герба, и сося опломокъ прубки, подавалъ примѣръ госпямъ за пивною кружкою. На одинъ изъ большихъ споловъ, за копорымъ сидѣло нѣсколько хорошо одѣтыхъ собесѣдниковъ, Анхенъ обращала особенное вниманіе. Она очень часто взглядывала въ шу спору, и готова была по первому знаку спшитъ шуда для прислуги. За прочими сполами перѣдко умолкали разговоры, когда за первымъ начинали говорить громко, и по внимательнымъ лицамъ слушателей можно было замѣнить, какое они принимали участіе въ бесѣдахъ шѣхъ господъ.

„Вы совершенно правы, господинъ Синдикъ — сказалъ благозвучнымъ, громкимъ голосомъ одинъ нѣсколько успарый, но еще бодрый госпъ, въ черномъ плащѣ, въ шакомъ же плащѣ, упадающемъ назадъ длинными складками, и въ проспомъ низкомъ галспухѣ — вы совершенно правы. Въ Германіи шеперь очень безпокойно, и все угрожаетъ опасностію. Анпихристъ снова поднимаетъ голову. Мой сынъ Георгъ много мнѣ опомъ рассказывалъ.“

„Какъ!—воскликнулъ съ живостию молодой красивый мужчина, немопря на свою молодость, въ одеждѣ Совѣтника Думы [Rathsherr], Францъ Ніеншпедтъ, — Вашъ сынъ приѣхалъ, г. Ректоръ? Развѣ онъ позабылъ своего друга, что я его до сихъ поръ не обнялъ? И за чѣмъ онъ не здѣсь? Я надѣюсь что онъ здоровъ?“ „Успокойся, добрый Францъ (сей дружественный шонъ принималъ обыкновенно всѣми любимый и уважаемый Генрихъ Мёллеръ, Ректоръ главнаго Рижскаго училища, даже въ преклонныхъ лѣтахъ, съ шѣми изъ своихъ учениковъ, копорые въ продолженіи ученья, приобрѣли хорошимъ поведеніемъ и прилежаніемъ его особенное расположеніе). Георгъ здоровъ и веселъ. Прежде всего спросилъ онъ о тебѣ. Но Польскіе таможенные объздчики оспановили его чемоданы и сундуки, и не возвращающъ ему пожитковъ, подѣ предлогомъ, что у него есть запрещенныя вещи. Такъ онъ цѣлый день хлопоталъ, чтобы выручить изъ ихъ когней свое имущество; а теперь я ожидаю его сюда къ седьмому часу.“

„Чтобы они сквозъ землю провалились!—произнесъ на нижнемъ концѣ спола гуснымъ басомъ челоуѣкъ грубой наружности, одѣтый часпю какъ мѣщанинъ, часпю какъ рыцарь. — Пора бы энихъ гостей проводишь въ зашеи, продолжалъ онъ, крѣпко поспукивая по сполу кулакомъ, и хвапаясь дру-

гою рукою за курчавую свою бороду. Добрыхъ кулаковъ и добрыхъ мечейъ еще доспанеть въ Ригѣ.“

„Конечно не хорошо, сказалъ, качая головою Ректоръ, что съ мирнымъ гражданиномъ, везущимъ только свои пожилки, а не шовары для продажи, поступлено такимъ неприличнымъ образомъ; но еще неприличнѣе мирному гражданину говорить такіа слова, и угрожать правительству оружіемъ.“

Ободренный рѣчью Ректора, Синдикъ Веллингъ, блѣдный сухой человѣчикъ, копорый, спрусивъ съ самаго начала рѣчи сердитаго собесѣдника, боязненно поворачивался на своемъ спулѣ, сказалъ со всѣмъ достоинствомъ, какого могла достигнуть его незначительная наружность: „да г. Гансъ фонъ-деръ-Бринкенъ; г. Мёллеръ говоритъ правду, что это неприлично. Вамъ, надобно обуздывать свой языкъ, и быть умѣреннѣе въ словахъ.“

„Умѣреннѣе! — возразилъ Бринкенъ, ударивъ опять кулакомъ по столу, и вылилъ только что налившую кружку въ широкое свое горло. — Да, намъ надобно обуздывать свои языки, чтобы на насъ легче можно было надѣсть узду, и быть умѣреннѣе въ словахъ, чтобы неумѣренные могли скорѣе исполнить мѣру. Чортъ ихъ побери.“ — За симъ последовалъ такой сильный ударъ, что

пьяжелыя кружки запрыгали по столу, и Синдикъ, копорому опъ гнѣва кровь бросилась въ лицо, невольно опшашпнулся. Однакоже онъ пришелъ въ себя, и сказалъ съ сильными пѣлодвиженіями: „Гансъ! Вы безпокойная голова, нарушилель общеспвеннаго спокойспвія, копорого должно выгнать изъ города.“

„Г. Синдикъ!—возразилъ сей послѣдній, и глаза его засверкали. — Вы Я не хочу сказать, что такое вы: это знаете цѣлый городъ.“

„Чтожь я такое, милоспивый Государь? Что я такое?“ закричалъ Синдикъ, и прочіе члены общеспва готпвились предупредить раждающуюся ссору, или, какъ часто случается, нептощеннымъ посредничеспвомъ еще болѣе раздушь пламя, какъ вдругъ опворились двери, и вошелъ молодой человекъ, лѣтъ 30 около. Его выразительное съ рѣзкими чертами лице обнаруживало въ немъ предприимчивость и рѣшительность. Его движенія были быспры и ловки, и показывали большую гибкость въ обращеніи. Подходя съ вѣжливымъ поклономъ къ столу, бросилъ онъ пронцашельный взглядъ на лица гостей, и казалось топчасъ вникъ въ положеніе дѣлъ въ общеспвѣ.

Съ прояснившимся лицомъ обратился Синдикъ къ вошедшему: „тебѣ бы припши прежде, племянникъ Марцынь. Ты бы увидѣлъ собспвенными глаза-

ни, о чемъ я тебѣ нѣсколько разъ говаривалъ; я не понимаю только, какъ ты можешь вести дружбу съ такими небезопасными поварницами.

Почти въ тоже время вскричалъ Бринкенъ: „а, братъ Гизе! Хорошо, что ты пришелъ. Глухие болваны опять навели на меня хандру.“

„Молчи, шумливая пивная бочка! — закричалъ на него Маршынъ Гизе, Прокураторъ градскаго общесива. — Я послѣ съ тобою поговорю.“ — Попомъ наклонился онъ къ Синдику, за которымъ оспановился и шепнулъ ему такъ, чтобы сосѣди его могли слышать: „пешушка Варвара прислала вамъ сказать, что Г-жа Веллингъ нѣсколько разъ о васъ спрашивала, и что вамъ не худо придти поскорѣе домой; вамъ можеть доспать, если она замѣнитъ, что вы были въ питейномъ домѣ.“

Испуганный, вспалъ бѣдняжка съ своего мѣста, выслушавъ этого посла, и сказалъ: „да, любезный Маршынъ, не годится быть въ такомъ общесивѣ, гдѣ есть чего опасаться за жизнь свою.“ — Онъ пожелалъ добраго вечера Ректору и Совѣснику Неншпедну, сунулъ поспѣшно въ руку лавкой Анхенъ, сколько былъ долженъ денегъ, и оставилъ компану. Ректоръ также нашелъ нужнымъ посѣнить сына. Неншпеднъ попросилъ у него позволенія ему сопутствовать, надѣясь въ полночь же вечеръ увидѣть своего друга.

Когда они удалились, подошли сидѣвшіе за другими столами и пожалиемъ руки привѣщивали Прокуратора, уважаемаго ими какъ своего заступника и защитника городскихъ правъ. Гизе сѣлъ за большимъ столомъ, и пригласилъ гражданъ послѣдовать его примѣру, потомъ обратился къ Бринкену усѣвшемуся близко подлѣ него, и сказалъ ему съ упрекомъ: „видишь, Гансъ! ты опять накуралесилъ. Тебѣ бы открывать ротъ только, чтобы пить, а не для разговоровъ.“

„Ну, Гизе! — отвѣчалъ онъ — переспань сердисься. Чортъ меня возьми! Я добрый малый. А эшто проклятый жидъ эшта Иезуитская рожа Если бы ты не пришелъ, я бы ему далъ знать“

„Да замолчишь ли ты? — Если ты еще скажешь слово, я уйду, и тебѣ не быть здѣсь цѣлую недѣлю. Анхенъ! налей ему еще кружку, чтобы ему было что дѣлать, а не драсть горло.“

— „Ахъ, Г. Прокураторъ — сказала Анхенъ — на немъ и такъ съ 3 часовъ опмѣчено уже 15.“

„Неправда, Гизе, неправда! — Пятнадцать! — Эшто клевета. — Пятнадцать! — Лжешь она, бездѣльница! — Пятнадцать! — Эшто ужъ слишкомъ много.“

Между тѣмъ Анхенъ подаа палочку, на которой отмѣчала число выпитыхъ имъ кружекъ (*). Бринкенъ, наклонясь къ Гизе, счелъ глазами нарѣзанные рубчики. — „Ей Богу — сказалъ онъ — я въ эпомъ не виноватъ; эпо сдѣлано въ разсѣянности, или въ досадѣ.“

„Я опять повторяю: мнѣ гораздо пріятнѣе, чѣмъ ты пилъ, нежели говорилъ. И потому я охотно не спану считашъ кружекъ.“

„Слышишь ли выскочка? — Впередъ же! Маршъ!“

Между тѣмъ какъ Анхенъ пошла налить новую кружку вѣчно жаждущему, Гизе спросилъ, что у нихъ произошло. Тогда всѣ заговорили и закричали разомъ, и въ эпомъ шуму можно было только разслушать слова: „измѣна, права, пошлина, привилегія.“ Наконецъ изъ уваженія къ Гизе сдѣлалось тише; онъ попребовалъ, чѣмъ бы одинъ эпо нибудь рассказалъ происшествіе какъ должно. Тогда оловяничникъ Гансъ Сленгензенъ въ короткихъ словахъ исполнилъ его желаніе. Гизе засмѣялся и замѣтилъ, что такая бездѣлица не стоила ни одного слова.

„Бездѣлица! — закричалъ Бринкенъ. — Ахъ, братецъ! — хотѣ бы мнѣ приходилось испоминься жа-

(*) Обыкновеніе Нѣмецкихъ шпайрировъ.

жду, какъ Капюлической душѣ въ чистилищѣ, я не назову эпого бездѣлицею. Гдѣ же эпо написано, чпобы мы плащили Полякамъ пошлину. Чпожѣ будещь съ нашими привилегіями и правами? “

„Да, съ нашими привилегіями и правами? — вскрикнули хоромъ граждане. — Ихъ никлю прогащъ не долженъ. “

„А за чѣмъ эпо шюрма [Blockhaus] — сказалъ Спенгензень, — копорую выспроили у насъ подѣ носомъ? Они ее каждый день больше и больше укрѣпляютъ. За чѣмъ эпо, если они не хотятъ прибратъ къ рукамъ нашу шорговлю и промыслы, и продѣтъ намъ кольца въ ноздри, какъ медвѣдамъ. Но эпого мы не пошернимъ; намъ надо сломатъ эпо шюрму. Къ чорпу ее! “

„Къ чорпу ее, къ чорпу!“ — оцятъ подхващили граждане въ одинъ голось.

„Тише, дѣпи, пише! — прервалъ ихъ Гизе. — Я оцятъ вамъ повшоряю: эпо все бездѣлки. — Полякъ наложилъ на насъ пошлину: такъ чпожѣ? — Городъ, или лучше дума, все получаещъ изъ нея прещью часщъ, а Король шолько двѣ. “

„Вопъ шо шо и ещъ, Г. Прокурашоръ! — крикнулъ Госвинъ Боне, слѣсаръ, квадратный, плосный человекъ, съ краснымъ опухшимъ лицомъ. Для какого чорпа плащитъ намъ Королю пошлину? Развѣ не при мнѣ чпщали грамошу? Тамъ въ 3-мъ

пунктъ весьма ясно и опредѣлительно сказано: „Король долженъ покровительствовать городу, и охранять его права и преимущества, не дѣлая въ нихъ никакихъ измѣненій.“ — Какъ же онъ смѣетъ навязывать намъ на шею своихъ таможенныхъ?“

„Все такъ, все такъ! — возразилъ Гизе, — и все бездѣлица, чистый вздоръ. — Еслибы только въ помъ было дѣло, съ горенію таможенныхъ объѣзчиковъ и спорожей мы бы скоро справились. А шюрма? — Не одинъ разъ молодежь двѣсти брали ночью замки и крѣпче эшого. — Но намъ есть чего хуже бояться.“

„Какъ? — Чшо? — Говорите Г. Прокураторъ!“ — раздалось между гражданами, и они подвинулись ближе, исполненные ожиданія. — Даже Бочка Вареломей, хопя и не безъ пруда, выпянулъ свою шею, и поблѣднѣвшая Анхень, сложивъ руки со спрахомъ, успремила глаза на говорящаго.

Послѣ краткаго молчанія, Гизе продолжалъ: „скажице мнѣ: давно ли Поляки спали такъ укрѣплять свое гнѣздо на Двицѣ? —“

„Ужъ скоро годъ будешь. —“ ошвѣчали нѣкоторые.

„Съ котораго времени завелись у насъ таможенные объѣзчики.“

„Въ Ивановъ день будешь годъ.“

„Давно ли спали спѣснять привилегіи города и гражданъ, и дѣлашь къ нимъ разныя привязки?

„Съ прошлаго года.“

„А когда наши Дедушаны ѣздили къ Королю въ Дрогичинъ?“

„Въ прошломъ Генварѣ былъ годъ.“

„Смошриштежь: слѣдовашельно всѣ эти безпорядки начались съ тѣхъ поръ, какъ Король поговорилъ съ нашими Дедушанами. Понимаете? —“

Шопоть одобренія и нѣсколько восклицаній были опвѣстомъ на шопоть вопросъ.

„Я не хочу никого обижашь, — продолжалъ Гизе. — Боже меня сохрани! — Но я знаю изъ вѣрнаго источника, что ни одинъ не ворошилъ какъ поѣхалъ: шому набили карманъ; многіе получили почести и досшониспва, даже дворянскіе дипломы; прочіе привезли съ собою по крайней мѣрѣ большія обѣщанія.“

Шумъ увеличивался по мѣрѣ шого, какъ говорилъ Гизе.

„Полякамъ, продолжалъ онъ, надобно было приобрѣсть друзей въ самомъ городѣ, чшобы овладѣть нами; ибо пока мы будемъ спюашь другъ за друга, мы можемъ смѣлаться надъ цѣлымъ свѣтомъ. Развѣ Русскій Царь не пропягивалъ нѣсколько разъ руку къ нашему городу? Но когда

враги окрываются межъ насъ, тогда бышь куда. “

Въ безпокойномъ волненіи попребовали граждане опть Гизе, чшобъ онъ назвадь враговъ города и его вольноспци.

„Избави меня Богъ, чшобы я оскорбилъ кого нибудь несправедливымъ подозрѣнемъ. Я говорю вообще, чшо въ такія плохія времена зъвашь не надобно. Вы знаете: Король Стефанъ Баторій самъ будещь къ намъ на дняхъ; онъ славный человекъ и великій Король. Я не хочу ни дурно говорить о немъ, ни думашь. Но такіе большіе люди рѣдко бывающъ одни. Большому кораблю большое и плаванье; при немъ много народу; изъ нихъ каждый себѣ на умъ; каждый держицца пословицы: рубашка къ плѣлу ближе. Далѣе: всемилоспивѣйшій нашъ Государь большой другъ Іезуишамъ, заклятымъ врагамъ нашей вѣры, и такъ наши привилегіи и свобода вѣры могутъ пропасть ѡе за денежку. “

Съ эшой минушы компанія пшпейнаго дома уподобилась волнующемуся морю. Все кричало и бушевало. Среди шума раздавались удары кулаковъ Бринкена, и его бычачій голосъ: „проклятые Польскіе холопы! Мерзкое Іезуишское племя!—Я знаю эшихъ блюдолизовъ. Я имъ одинъ оверну шею. “

Между пивъ на городской башнѣ давно проби-
ло девять. По погодашнему городскому положенію,
въ это время, исключая большіе праздники, дол-
жны были запирашья всѣ питейные дома. Анхенъ
давно ушла изъ шумной комнаты. Бочка-Варео-
ломей погасилъ огонь за своимъ прилавкомъ, и тща-
тельно заперъ палочки съ мѣшками; но щещины
были всѣ его спаранія заставили уйши безпокой-
ныхъ своихъ госпей; щещины просьбы его не под-
весни его подъ шпифафъ, и опивѣисivenessь,
оспаваясь долѣе, пока онъ не обратился наконецъ
къ Гизе, которому удалось, хопя не безъ пруда,
уговорить гражданъ разойтись, и они, шаптаясь
опъ пива и разговоровъ, убралсь каждый въ
свое жилище.

12 Марта 1582 былъ день знаменитый и торжественный въ летописяхъ г. Риги.

Король Стефанъ Баторій окончилъ войну съ Россіею миромъ весьма выгоднымъ, хотя предпріятіе его прошивъ крѣпкаго и богатаго Пскова не удалось совершенно, и прибылъ въ Ригу упрямъ означеннаго дня, окруженный большою свитою, Липовскими, Польскими и Венгерскими вельможами. Гайдуки и войско его расположились въ городѣ; самъ онъ съ окружающимъ его дворомъ, исключая Князя Радзивила, поселился въ приготовленномъ для него замкѣ; Князь же, въ изъявленіе особенной своей благосклонности, или можетъ быть для удобнѣйшаго доспуженія другихъ, тайныхъ намѣреній, избралъ жилищемъ домъ Совѣтника Думы Югана Таспіуса. Въ 12 часовъ было назначено торжественное вшествіе Короля. На улицахъ большими шолпами двигался народъ, какъ

морскія волны. Особенно пѣснился онъ между площадью и порговою улицею; ибо оба пункта представляли пищу его любопытству. На первомъ изъ сихъ мѣстъ было взведено, въ видѣ замка, деревянное строеніе, въ которомъ приготовили блистательный фейерверкъ, долженствовавшій загорѣться вмѣстѣ съ строеніемъ, при приближеніи Короля. Противъ же порговой улицы поставлены были приумфальныя воропа, подъ которыя пролегалъ путь его.

Не заботясь о движеніи и шумѣ происходившихъ на улицахъ, молодой Мёллеръ сидѣлъ уединенно въ своемъ кабинетѣ, занятый обработкою сочиненій, для отсылки въ Вецларъ. Онъ искалъ опредѣлившись въ семь городъ въ Высшее Имперское Судилище [Reichskammergericht], обладаженный въ успѣхъ, какъ молодой человекъ богатый познаніями. Къ нему постучались въ дверь, и вошелъ другъ его Францъ Ніенштедтъ.— „Извини, любезный Георгъ, сказалъ онъ, что я пришелъ такъ рано: мнѣ должно было придти къ тебѣ въ 11 часовъ; но . . .“

„Не извиняйся, любезный Францъ; ты знаешь какъ я тебѣ всегда радъ.“ Онъ пожалъ руку своему другу, и повелъ его къ двумъ каменнымъ скамьямъ, какія, по тогдашнему обычаю, помѣщались почти въ каждомъ домѣ, въ углубленіяхъ оконъ.

„И такъ ты сего дни отпрапляешься вмѣстѣ со мною къ Депенброкамъ!“ сказала Ніеншпедтъ, когда они сѣли.

„Право я не знаю, ѣхашъ ли мнѣ; по крайней мѣрѣ у меня къ этому нѣтъ ни малѣйшей охоты. Я долженъ тебѣ признахъся, любезный Францъ, что по возвращеніи моемъ, послѣ долгаго опсупсвїя, въ нашъ городъ, на свою родину, я здѣсь почно какъ чужеспранецъ. Мнѣ ничего нѣтъ не прїяшнѣе, какъ вездѣ спалкивахъся съ незнакомыми лицами, копорыя прївѣтспвуютъ меня какъ стараго знакомца, и мучашъ воспомнанїями ни мало для меня незанимательными.“

„Сего дни тебѣ нѣчего опасаться въ этомъ опношенїи. Трїумфальныя вороша для Короля прямо пропхивъ дома Депенброковъ, и по этому у нихъ будетъ довольно большое общеспво, въ копоромъ ты найдешъ своихъ сверспниковъ и шоварщей. — И Веллингъ тамъ будетъ.“

„Ты пробуждаешъ во мнѣ прїяшное воспоминаше. Г-жа Веллингъ мнѣ креспная махъ. Каково она поживаешъ? Въ Випшенбергѣ, въ первые года какъ я тамъ учился, когда родина представлялась живѣ моему воображенїю, я часто думалъ объ эшихъ добрыхъ людяхъ, особенно о кропкой, прерасной Герспрудѣ, и маленькой, неугомонной Полинѣ.“

„О онѣ счищаются теперь первыми дѣвица-ми, по красотѣ, въ городѣ.“

„Гершпруда вѣрно представляешь собою образецъ совершенства; по крайней мѣрѣ въ ребячествѣ ея казалось, что въ ней готовился что-то чудесное; она была исполнена ума и прелести.“

„Ахъ, другъ мой! въ этой Гершпрудѣ погибло образцовое произведеніе природы.“

„Какъ? Что ты хочешь сказать? “ —

„Представь себѣ спанъ, какой Греческіе художники давали своимъ нимфамъ, представь себѣ изящнѣйшую соразмѣрность членовъ; представь себѣ къ этому черпты лица, какія можетъ создать только пламеннѣйшая творческая сила Генія.“ —

„Что же, ради Бога! — Во всемъ этомъ я не вижу ничего, что бы оправдывало прежнее мое восклицаніе.“

„Подумай! Эта чудесная красота принадлежишь движущемуся трупу, существу, въ ко-торомъ послѣдняя искра разума погасла.“

Въ ужасѣ, неспособный произнести ни одного слова, сидѣлъ Георгъ нѣсколько времени, и смотрѣлъ на своего друга, какъ бы еще слушая, или не понявъ слышаннаго. Наконецъ вскричалъ онъ въ величайшемъ волненіи:

„Творецъ небесный! Возможно ли? Гершпруда! Такая умная дѣвушка! Лучшая подруга моего дѣтства!“

„Что за причина этого удивительнаго превращенія, я самъ не могу тебѣ сказать. Когда, годъ тому назадъ, кончивъ свой курсъ, я возвратился изъ Виппенберга на родину, то нашелъ ее уже въ наспоющемъ положеніи.“

„Развѣ ты ни у кого не спрашивалъ объ этомъ ужасномъ случаѣ?“

„Спрашивалъ, но не узналъ ничего, кромѣ того, что онъ былъ послѣдствіемъ пляжкой болѣзни, копорая, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, привела было Герпруду къ дверямъ гроба, и что, освободясь отъ нея, несчастная спала такою, какъ теперь; но никакъ не могъ мнѣ сказать что эта была за болѣзнь.“

„Бѣдная, бѣдная дѣвушка! — А несчастные родители? — Находятъ ли они по крайней мѣрѣ утѣшеніе въ Полинѣ?“

„Я право не знаю какъ отвѣчать на твой вопросъ. Полина хороша, умна и чрезвычайно любезна въ обращеніи. Родители богопверяютъ ее, молодые и старые мужчины покорствуютъ ей прелести. Только иногда нахожу я, что ее живость переходитъ въ вѣтренность, копорая, какъ мнѣ кажется, выступаетъ изъ границъ опредѣленныхъ для женщины. Говорятъ, что ее родители назначили ее Христофору Ейке, сыну Бургомистра.“

„Ты возбудилъ мое любопытство; я иду съ

тобою къ Депенброкамъ, если не для праздника, по для общеспіва. “

„Что касается до праздника, то признаюсь тебѣ, онъ не можетъ доставить мнѣ удовольствія. Я боюсь, что намъ предстоитъ бурное время; наши граждане избалованы; они присвоили себѣ власть, которую ожидаемый ими сегодня съ такимъ торжешвомъ Король спаненъ ограничивать всеми возможными способами. По крайней мѣрѣ онъ уже сдѣлалъ для этого хорошее начало. Кажется онъ совсѣмъ не расположенъ позволить, чтобы дерзкіе мѣщане предписывали ему законы. “

„Я ничего не боюсь, Францъ. Нашъ гражданинъ вѣренъ и добръ; онъ умѣетъ покоряться обстоятельству, и не откажется въ повиновеніи законному повелію. “

„Конечно нашъ гражданинъ вѣренъ и добръ; но ты самъ знаешь какъ непрудно ослѣпить легкомысленную толпу, и даже довести ее до пресупленій, тогда какъ она оспанелась совершенно увѣренною, что права; къ сожалѣнію я замѣчалъ, что въ народѣ ходятъ нелѣпыя слухи, которыми вѣрятъ самые лучшіе граждане, и къ которымъ могли податься поводъ только глупость и злоба. “

„Будемъ надѣяться лучшаго, и въ случаѣ нужды спанемъ помогать словомъ и дѣломъ споронъ правы. “

Совершенно согласенъ, сказала Ніенштедтъ, схвативъ обѣ руки своего друга, и прижавъ ихъ къ груди.

Между тѣмъ наступилъ одиннадцатый часъ. Французъ напомнилъ что пора, и оба друга оправились. На улицахъ, съ приближеніемъ времени вшестивія, спеченіе народа еще болѣе увеличилось. На пѣхъ, по которымъ должна была слѣдовать процессія, не смотря на чувствительный Мартовскій холодъ, окна были распворены и наполнены женщинами и дѣвцами въ праздничныхъ уборахъ. Оба молодые человека, приашной наружности, и еще не женатые, проходя мимо, получали отъ нихъ привѣтствія. Наконецъ пришли они къ дому Деценброковъ, въ которомъ всѣ окна верхняго и нижняго этажей были заняты любопытными. Въ лавкѣ, также наполненной людьми, нашли они хозяина, который провелъ ихъ вверхъ, гдѣ собралась большая часть приглашенныхъ гостей. Здѣсь Георгъ едва имѣлъ время поклониться хозяйкѣ, какъ прекрасная женщина, въ бѣломъ платьѣ, лишенномъ всякихъ украшеній, бросилась къ нему на встрѣчу, и вскрикнувъ: „здравствуй, любезный Георгъ, ты опять здѣсь!“ обняла его и поцѣловала при всѣхъ. Между тѣмъ, какъ молодой человекъ старался растолковать себѣ этотъ случай, и среди гостей поцесся невдашный шо-

попъ, она порхнула къ окну, у котораго была до тѣхъ поръ; пожилая женщина, съ испугомъ и неудовольствіемъ въ черпахъ, вспрѣпшила ее упрёками, а хорошенькая дѣвушка, также вся въ бѣломъ, громкимъ смѣхомъ. Однакомъ бывшая предметомъ того и другаго, казалось, не обратила на это никакого вниманія; пускые стекловидные глаза ея успремились на общесиво, не избирая ничего кого опредѣленнаго; сухая, очень спарашельно одѣтая спарушка попрепала ее по щекѣ и поцѣловала, но она не опвѣчала на ея ласку никакимъ движеніемъ. Пока Мёллеръ споялъ, какъ волшебспивомъ прикованный къ одному мѣспу, раздался голосъ пожилой женщины: „здравспивуй, креспникъ! — Чпо жъ ты спонсп шамъ какъ сполбъ? Ты ужъ насъ не узнаешь. Не разсердился ли ты на нашу сумасбродку?“

Покраснѣвъ до ушей, молодой человекъ почувспивовалъ, при этомъ обращеніи, всю пятгоспъ своего положенія, и вмѣспъ необходимость во всемъ своемъ благоразуміи и присущспивіи духа, чпобы скорѣе изъ него освободиться. Онъ почпипшельно подошелъ къ пожилой женщинѣ; но Франц Ніеншпедтъ, въ намѣреніи дать своему другу больше времени оправиться, предупредилъ его, и подошелъ къ супругѣ Синдика Веллинга, дочерамъ его и ихъ шешкѣ Варварѣ, съ спрогимъ соблюденіемъ всѣхъ

правиль погданяго епикета. Пришедъ въ себя, Георгъ послѣдовалъ его примѣру, и между тѣмъ какъ его товарищъ выслушивалъ опись госпожи Веллингъ проспранное описаніе ожидаемаго иоржесива, Полина обратилась съ усмѣшкою къ первому, и сказала: „вы вѣрно очень удивились, г. Мёллеръ?“

„Докторъ обоихъ правъ“ — прибавила шепка Варвара, низко присѣдая.

„Ахъ, мы шакъ давно знакомы, продолжала Полина съ очаровательною улыбкою, что между нами не нужно энихъ чиновъ. Я хотѣла шолько сказаць о нѣжномъ привѣспивіи сеспры моей, кошорое очень васъ смушило, а насъ удивило и испугало. Посмотрите какъ бѣдняжка выпучила глаза; а никого не узнаешъ, и незнаешъ даже что дѣлаешся около нея.“

Георгъ смотрѣлъ неподвижно на прекрасную спаную, и слеза сожалѣнія неволью сверкнула на темныхъ его глазахъ.

„Да, предспавьте себѣ, почтенный Докторъ:— сказала шепка Варвара — съ тѣхъ поръ какъ съ бѣдною Герспрудою случилось эшо несчастіе, она не узнаешъ ни отца, ни мать, ни меня, ни сеспру; даже отецъ нашъ чинаю я за нея ввечеру и по упру дважды; и эшо она позабыла. Ахъ, однажды шолько, когда я въ шоскъ горько плавала, она про-

нула мнѣ рукою щеку, и сказала „мѣро;“ я еще больше заплакала и спросила ее: „знаешь ли ты меня, милая Герпруда?“—она отвѣчала: „ты моя добрая пелушка Варвара.“ — и поцѣловала меня; когда же я, обрадовавшись, хотѣла еще съ нею говорить, она опять спала каменнымъ испуканомъ, какъ вы ее теперь видите. “

„Какъ же случилось это несчастье?“ спросил Мёллеръ съ глубокою скорбію.

„Ахъ, Господи Боже мой! — отвѣчала добрая говорливая старушка—какъ я о томъ подумаю, шакъ у меня сердце хочеть вонъ выскочить. Чшо это была за красавица, чшо за умница! Да, я вамъ говорю, г. Докторъ: ни одной двадцатилѣтней дѣвушки не лзя было сравнить съ нею въ умъ и благоправіи. Ей минуло ровно 14 лѣтъ; вдругъ она тяжко занемогла. Докторъ—вы вѣдь знали старика Гельмерса; въ Рождество будешь ровно годъ, какъ онъ умеръ; ну да какъ бышь; намъ всѣмъ умирашь; — и шакъ старикъ Гельмерсъ сказалъ, чшо у нея нервическая горячка. Я день и ночь сидѣла у ея постели. Ахъ, мой создатель! она безпреспанно бредила, шакъ чшо всякому бы спращио спало; наконецъ утихла; Докторъ сказалъ, чшо больше пѣчего дѣлать. Волчь однажды ночью сижу я у ея постели, и попихоньку чишаю свой молчивеникъ; машь ея сидѣла съ другою

споронны въ креслахъ и немножко сдремнула. Боже мой! — да какъ и не сдремнуешь; представляете себѣ, г. Докторъ: сколько ночей и въ такой гореспи! Вошь я сижу, да чишаю. Вдругъ Герпруда такъ ужасно вскрикнула, что меня какъ ножомъ по сердцу; потомъ она вскочила, еще разъ также вскрикнула, и опять упала на подушки; мать бросилась съ своего мѣсна; я также; Герпруда лежала какъ мертвая. Мы думали, что ужъ она Богу душу отдала; позвали отца и послали за Докторомъ. Когда онъ пришелъ и посмотрѣлъ на спрадалицу, по покачалъ головою, пощупалъ пульсъ, опять покачалъ головою, и сказалъ: „это очень спранно; но она не умерла.“ — Тогда мы всѣ какъ бы ожили, и я въ радости поклялась собственными руками вышить покровъ для алтаря, какъ можно лучше. Я и сдержала это обѣщаніе, и вы можете, когда только вздумаете, видѣть это покровъ въ соборной церкви на алтарѣ; онъ тамъ виситъ; весь изъ свѣтлоголубаго бархата, и вышитъ золотыми цвѣточками, а въ серединѣ золотое солнце съ девятиюста золотыми лучами. Но дѣло идетъ о Герпрудѣ: она лежала при днѣ, и при ночи безъ всякаго движенія, съ закрытыми глазами, когда же открыла ихъ опять, то вошь, что изъ нея спало. Мы думали, что это со временемъ пройдетъ; но“

Въ эту минуту первые пушечные выстрѣлы съ городскихъ валовъ возвѣспили, что процессія пронулась изъ замка. Вслѣдъ за симъ раздался звукъ колоколовъ со всѣхъ городскихъ церквей и колоколенъ. Общество пришло въ движеніе; все спѣшило къ окну, и ни о чемъ больше не было слышно, какъ объ ожидаемомъ шествіи; одна Герпрудда осталась неподвижною на своемъ спудѣ, не принимая ни въ чемъ участія; Георгъ, соспраданіе котораго было возбуждено въ эту минуту въ высочайшей степени, также не замѣчалъ зрѣлища, привлекавшаго всѣ взоры. Онъ подошелъ къ несчастной, и началъ говорить съ нею съ выраженіемъ нѣжности, свойственнымъ его благозвучному голосу; вдругъ въ ней какъ бы блеснулъ свѣтъ разсудка, но онъ спольже быспро и исчезъ, какъ бы мгновенный лучъ молніи на опдаленномъ горизонтѣ. Когда же она по прежнему вперила въ него безумный, безчувственный взоръ, онъ поперялъ всю надежду, чипобы эти прелестные глаза когда нибудъ снова одушевились пламенемъ разума; онъ опвернулся, и слеза сожалѣнія, нисколько не безобразя его прекраснаго, мужественнаго лица, скапнулась по щекѣ его.

Между тѣмъ вдали слышались восклицанія народа, и въ промежуткахъ ихъ опдѣльные звуки пѣческаго хора. Ближе и ближе спановились восклиц-

цанія, слышнѣе и внятнѣе мелодія пѣнія. Наконецъ медленно показалось изъ *песочныхъ воротъ* торжественное шествіе. Впереди шли ученики, за копорыми слѣдовали Ректоръ Мёллеръ, Помощникъ его Рускій, съ другими учителями, и почтеннѣйшее духовенство; къ нимъ примыкали знатнѣйшіе члены Думы, и въ числѣ сихъ послѣднихъ, украшенные золотыми цѣпями Синдикъ Веллингъ и Бургомистръ Ейке; потомъ показались верхами, въ богатыхъ, блестящихъ золотомъ и драгоценными камнями, одеждахъ, Польскіе, Венгерскіе и Липовскіе вельможи; непосредственно передъ Королемъ ѣхалъ Великій Канцлеръ Николай Радзивиль, оплывавшійся опъ всѣхъ богатствомъ своей одежды, и убранствомъ своего превосходнаго Арабскаго коня. Тѣмъ большую противоположность съ такимъ великолѣпіемъ представлялъ самъ Король, ѣхавшій въ простомъ, общипомъ соболями черномъ плащѣ, на конѣ покрытомъ чернымъ бархатнымъ чапраномъ; вмѣсто всякаго украшенія былъ у него на шляпѣ, приподнятой съ боку, одинъ, неоцѣненный брилліантъ; подлѣ него ѣхалъ Папскій Легатъ, Іезуитъ Антоній Поссевиній, лошадь копората на полшага опспавала опъ Королевской. Шествіе заключалось Королевскими гайдуками и прочими войсками, въ сопровожденіи музыки и развѣвающихся знаменъ. По приближе-

нии процессій къ триумфальнымъ ворошамъ, по данному знаку, пѣніе и военная музыка умолкли, и съ верьху ворошь раздались звуки духовыхъ инструментововъ, вшоримые чепырехъ - голоснымъ пѣніемъ. Когда Король спалъ въѣзжающъ въ ворота, съ нихъ слепыль ангель въ розовомъ одѣяніи, на голубыхъ крыльяхъ, и проекрапно онуспивъ ему на голову корону воскликнулъ: „salve, Stephane, Rex Poloniae (да здравствуетъ Стефанъ, Король Польскій)!“ — а за сими словами раздался въ народѣ громкій вивантъ.

Когда, при постепенномъ удаленіи шествія, передъ домою Депенбрововъ спало пише, собравшіеся въ верьху зрители начали мало по малу приходивъ въ себя опъ восшорга и удивленія; опъ оконъ опошли въ теплыи уголь, и пошли разговоры о происходившемъ; но скоро хозяйка дома съ низкимъ книксеномъ, съ возможною учтивоснію пригласила гостей къ сполу. Подлѣ Георга сѣла Полина; съ лѣвой ея стороны посадили Гизе. Разговоръ за споломъ былъ очень оживленъ; но какъ предметомъ его было упреннее шоржествво, шо Георгъ не принималъ въ немъ учаспія; Полина же такъ разговорилась съ другимъ своимъ сосѣдомъ, что первый ни какъ не могъ завести съ нею бесѣды. Такимъ образомъ онъ былъ предославленъ самому себѣ? глаза его невольно искали бѣд-

ной Герспруды. Она сидѣла, какъ, всегда, чуждая чувствованій, чуждая вниманія, подлѣ доброй своей шепки Варвары, которая кормила ее какъ ребенка; но и кушанье принимала она какъ бы произвольно, только потому, что ей его подавали. Сердце Георгово билось необыкновеннымъ образомъ; онъ долженъ былъ опровергнуть опъ нея глаза, полные жалости и огорченія; но прошивъ его воли они опять оспанавливались на предешнемъ испуканѣ. Когда обѣдъ приходилъ уже къ концу, Полина какъ бы вдругъ вспомнила, что у нея еспь еще сосѣдъ; она поспчасъ прервала продолжительный свой разговоръ съ Гизе, и обратилась къ Мёллеру; „вы все молчите, любезный Георгъ: не въ университетѣ ли вы этому научились; въ такомъ случаѣ это новоспъ.“

„Я видѣлъ, что вы спакъ пріятно заняты, и потому не хспѣлъ не кспанци мѣшать вамъ.“

Быспро перемѣнивъ предметъ разговора, Полина сказала: „за спо кажется вы приобрѣли другое дарованіе: вы изцѣляете больныхъ взоромъ, и возвращаете нѣмымъ даръ слова.“

„Я васъ не понимаю.“

„Право?—А я говорю не загадками; я разумью Герспруду; чепыре года она никого не узнавала, и не произносила ни одного слова. По этому предспавьте себѣ наше удивленіе, при вашемъ входѣ,

когда она побѣжала къ вамъ на встрѣчу, назвала васъ по имени, и привѣтствовала шакъ нѣжно; еслибы ея поспунокъ не былъ шакъ безразсуденъ, я бы подумалъ, что она выздоровѣла. “

Георгъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ до глубины сердца, и хотѣлъ отвѣчать колкостью, какъ спулья оподвинулись, и всѣ вспали; онъ замолчалъ и желалъ бы возвратиться въ свой кабинетъ, еслибы учивоспъ не приказывала ему оспаться; но удалясь отъ разговоровъ, и опойдя къ окну онъ избралъ роль безмолвнаго наблюдателя. Вниманіе его раздѣлилось между Герспрудою и Полиною; первая была неразлучна съ шешкою Варварою, которая очень нѣжно исполняла въ опношеніи къ ней всѣ обязанности няньки; послѣдняя, необыкновенными своими прелестями недопускавшая бытъ къ ней равнодушнымъ, спояла не далеко отъ него у другаго окна, и продолжала разговаривать съ Гизе, и, какъ ему казалось, очень дружелюбно. Георгъ не могъ дать себѣ опчета, почему ему не нравилось поведеніе Полины, и молодой человекъ, которому она оказывала шакое вниманіе.

Около вечера, кругъ увеличился, прибышiemъ Бургомиспра Ейке, Синдика Веллинга, Оберъ-Секретаря Канне и Совѣтника Таспиуса, которые обѣдали въ замкѣ за Королевскимъ споломъ, и къ

тому времени општуда вышли. Эпи господа не могли надивиться обходительности и благосклонности Короля, ласкамъ и дружеству оказаннымъ имъ Польскими и Липовскими вельможами. И Христофоръ, сынъ Бургомистра, пришелъ съ опцемъ, и считая себя въ правѣ, шопчасъ протѣснился довольно невѣжливо къ Полинѣ, которая однако, какъ показалось Георгу, отвѣчала на привѣтствіе его, не только холодно, но даже съ насмѣшкою и презрѣніемъ.

Лишь только приличіе позволило, Георгъ оставилъ общество, и удалился въ пишину своей комнаты. Но и здѣсь долго не могъ онъ освободиться отъ многочисленныхъ, но большой части непріятныхъ впечатлѣній, испытанныхъ имъ въ продолженіи дня.

Опасенія Ніенштедта вразсужденіи намѣреній Короля были не безъ основанія, хотя Баторій показалъ себя необыкновенно снисходительнымъ и милосерднымъ къ жителямъ. Онъ дозволялъ каждому доступъ къ своей особѣ, выслушивалъ всѣ жалобы и просьбы, и исполнялъ желаемое по возможности. Онъ творилъ судъ и праву съ особенною спрогосною, въ такихъ случаяхъ, когда богатые граждане или дворянство притѣснили бѣдныхъ поселянъ, или оскорбляли Польскихъ чиновниковъ; но эта спрогось исче-

зала, даже голосъ справедливости умолкалъ, когда его Поляки или Липовцы посягали на права городской Думы и дворянства. Ейке и Таспиусъ помогали Королю во всѣхъ его предпріятияхъ. Въ награду за то, онъ далъ первому помѣстье, а другому достоинство верховнаго Бургграфа (*) въ Ригѣ. Это нововведеніе, проповѣданное первоначальнымъ повелѣніемъ, показало городу сколько ему можно полагаться на свои привилегіи и вольности. Вслѣдъ за тѣмъ Баторій приказалъ собрать во всѣхъ приходяхъ крестьянъ, и объявить имъ, что самовольные побой, претерпѣваемые ими отъ своихъ господъ, строго запрещаются, и что впредь прощунки ихъ, по произведеніи слѣдствія, будутъ судимы по законамъ.

Все это показывало, что Король твердо рѣшился возстановить достоинство короны, и смирить высокомеріе Рижанъ, также какъ гордость и самовольствіе Лифляндскаго дворянства. Но онъ обнаружилъ намѣренія еще важнѣйшія. Реформація изгнала Капюлическую вѣру изъ Лифляндіи; Епископства были уничтожены, и въ церквахъ введено Люперанское богослуженіе. Стефанъ, ревностный Капюликъ, другъ и покровитель Іезуитовъ, не могъ сморгнуть на это рав-

(*) Родъ намѣстника.

нодушно. Къ тому жъ Поссевини, Папскій Ле-
гантъ , каждый день пвердилъ ему о соревнованіи
славѣ Божіей и святости церкви , о введеніи сно-
ва Каполической вѣры въ Лифляндію , объ учре-
жденіи Епископства , если не въ Ригѣ , то по край-
ней мѣрѣ въ обласпи , и объ основаніи въ Ригѣ и
другихъ Лифляндскихъ городахъ Іезуитскихъ кол-
легій. Вслѣдствіе сихъ внушеній , обнародовано
было Королевское повелѣніе , коимъ , вмѣсто уни-
чюженныхъ Епископствъ , учреждалось новое въ
Венденѣ , и дозволялось Іезуитамъ заводить кол-
легіи , какъ въ семь городѣ , такъ и въ Дерптѣ и
Кокенгузенѣ. Сколь ни неприятны были эти новыя
распоряженія вообще Лифляндцамъ , а особенно Ри-
жанамъ , никпо не смѣль пропхивиться волю Ко-
роля , располагавшаго въ обласпи весьма важны-
ми военными силами. Однакожъ Лепанту и Карди-
налу Радзивилу не довольно было того , что сдѣ-
лалъ Башорій въ пользу Каполическаго вѣроиспо-
вѣданія. Они хотѣли еще имѣть церковь въ Ригѣ ,
для свободнаго опшравленія своего богослуженія , и
распространенія своей вѣры. По сей то причи-
нѣ Радзивиль , назначенный опъ Короля Прави-
телемъ , поселился , на время пребыванія Стефана
въ Ригѣ , въ домѣ Совѣтника Таспіуса. Сей по-
слѣдній , уже расположенный въ пользу Короля при-
обрѣтеніемъ помѣстья , и надѣявшійся еще боль-

шихъ выгодъ оупь безусловной преданности, показали себя гошовымъ на все, чего бы оупь него ни поупребовали. Нужно было убъдишь Короля въ справедливости просьбы Каполиковъ оупь учрежденіи церкви; ибо оупь, не смопря на все внушенія, не соглашался послушншь въ эупомъ оупношеніи ступоль явно прошивъ своей кляпвы. Надо знать, что Маркграфъ Вильгельмъ Бранденбургскій продалъ предъ нтъмъ городу бывшую Епископскую церковь или пакъ называемый Соборъ (Domkirche), и актъ о сей продажѣ хранился въ архивѣ Рапуши. Таспиусъ доставилъ эупотъ документъ въ руки Кардинала, и чрезъ то городъ лишился единственнаго средства доказати законность своего права на церковь. Одинъ Синдикъ Веллингъ, подписавшійся на актъ, могъ засвидѣтельствовать присягою, что оупь дѣйствительно существовалъ; но Кардиналъ имѣлъ въ виду способъ сдѣлать безопаснымъ сего добраго, но слабого и прусливаго спарика.

Не смопря на эупу слабость и прусость, не смопря на власнъ жены своей во всехъ домашнихъ дѣлахъ, Веллингъ оказалъ однако, не за долго предъ нтъмъ неожиданное мужество и непоколебимую пвердоснъ въ одномъ обстоятельстве, которое, по мнѣнію его супруги, касалось только ея, какъ матери. Маршынъ Гизе, какъ близкій ея родствен-

никъ , бывая каждый день въ домъ Веллингъ , привыкъ починать себя членомъ ихъ семейства. Онъ не могъ равнодушно видѣть ежедневно блистательнѣе развивающіяся прелести милой и веселой Полины; но еще сильнѣе было впечатлѣнiе , которое произвелъ онъ , какъ юноша превосходившій всѣхъ своихъ сверстниковъ любезностию , искусствомъ обращенiя и образованностию на молодую , неопытную и весьма чувствительную дѣвушку. Произшедшее изъ этого отношенiе между двумя молодыми людьми спланилось ежедневно дружественнѣе и нѣжнѣе , и наконецъ превратилось въ наспоющую любовь , которую они запечатлѣли взаимною клятвою въ вѣрности ненарушимой. Гизе зналъ , что спарикъ Веллингъ обѣщаль дочь свою сыну Бургомистра Ейке , но надѣялся скоро побѣдить сіе прецѣпствiе , полагаясь частію на доброе расположеніе къ нему отца , частію на власнь мапери Полининой въ домъ ; эца надежда увеличилась , когда , открывшись г-жѣ Веллингъ , онъ получилъ отъ нея искреннее согласіе. Тѣмъ сильнѣе были его удивленіе и досада , когда , прислунивъ къ наспоющему сватовству , онъ вдругъ увидѣлъ мечпы свои разрушенными. Веллингъ , хотя ласково , но на опрѣзь отказаль ему. Гизе употребиль все свое краснорѣчіе , моиль и закли-

жалъ, но тщепно; со слезами упала Полина, любимица отца, къ ногамъ его; онъ поднялъ ее, оперъ ей съ лица слезы, и нѣжно прижалъ ее къ груди. „Охотно желалъ бы я, сказалъ онъ, дать вамъ мое согласіе и благословеніе; но не смѣю нарушить слова, не хочу обременить своей совѣсти клятвопреступленіемъ.“

Тутъ мать Полины послѣшила на помощь къ умоляющему, и напала на супруга съ спрашнымъ своимъ оружіемъ брани. Бѣдный, бояливый спарикъ предался бѣгству, бросился въ свою комнату и заперъ за собою двери, въ избѣжаніе дальнѣйшаго нападенія. Уже становилось темно, когда онъ услышалъ легкій стукъ у дверей. Велингъ подходитъ и спрашиваетъ въ полголоса: „кто тамъ?“ — споль же таинственно отвѣчаютъ ему: „Кампанусъ.“ — Немедленно отворилъ Синдикъ дверь и съ величайшею почтительноспію встрѣтилъ вошедшаго, словами: „ахъ, святой отецъ! — само небо посылаетъ васъ въ утѣшеніе и опраду скорбящей душѣ моей.“

„Да даруетъ мнѣ Госнодь силу, укрѣпитъ духъ вашъ, любезный, возрожденный сынъ святой нашей церкви. Но скажите мнѣ, что превожитъ ваше сердце.“

„Ахъ, святыи отецъ! — сказалъ Синдикъ нетвердымъ голосомъ, едва осмѣливаясь поднять гла-

за на сполщаго предъ нимъ Иезуита, въ черпахъ котораго приговорное смиреніе спорило съ врожденнымъ властолюбіемъ — мучительное сомнѣніе смущаетъ мою совѣсть; у меня на сердцѣ шакъ тяжело, какъ будто на немъ лежишь какое нибудь преслушеніе. Не согрѣшилъ ли я опрѣкшись опть въры опцевъ моихъ? “

„Самою эпою мыслію вы уже согрѣшаете, бѣдный, заблуждающійся сынъ; но безъ борьбы нѣтъ добродѣтели, а безъ добродѣтели вѣчнаго спасенія. Это голосъ искусителя ищущаго со-вратить васъ съ пути истиннаго. Бдите и молитесь, да не увидите въ соблазнъ; мужайтесь, и изыдите съ побѣдою. Святая церковь, воспріявшая васъ въ свое лоно, и служители ея подадутъ вамъ помощь. “

„Ваши слова, отецъ мой, проливаютьъ спасительный бальзамъ въ спраждущую мою душу. Но не одно это смущаетъ и мучитъ меня. “

„Говорите со мною опкровенно, какъ съ опцемъ. “

„Я опасаясь, что даннымъ мною словомъ сдѣлалъ несчастіе своей дочери. Она не любитъ молодаго Ейке; сердце ея уже опдано; еще сего дни лежала она съ моленьемъ и слезами у ногъ моихъ. Я бы очень желалъ услышать ея просьбамъ, и соединить ея съ шѣмъ, кого она любитъ. “

„Опасайтесь давать свободу такимъ мыслямъ. Развѣ благодать не подѣйствовала уже на молодаго Ейке? Развѣ не должно надѣяться, что она возвратитъ въ недра церкви и его супругу? Развѣ вы хотѣли сами преградить своему дѣланию путь ко спасенію? Для удовлетворенія земнаго своего желанія, должна ли она лишиться царствія небеснаго?“

„Ахъ, святой отецъ! Я знаю свою Полину; она на все рѣшилась, чего попребудетъ опъ не другъ ея сердца, но совсѣмъ иначе поступитъ съ человѣкомъ нелюбимымъ; она опкроетъ поспунокъ Ейке народу, который не знаетъ предѣловъ своему духу гоненія противъ иновѣрцевъ, а особенно противъ нашей святой вѣры. Христофоръ падетъ тогда жертвою.“

„Тогда онъ умретъ во славу Божию, лучшею смертію — смертію мученика. Но я не хочу совершенно лишиться васъ надежды. Знайте, что наша святая церковь можетъ даровать не только небесное блаженство, но и земное счастье; она снисходитъ къ самымъ слабостямъ человеческимъ, когда это не противно ея безопасности. Кого избрала дочь ваша?“

„Эпо Гизе, Прокураторъ, родственникъ жены моей.“

„Я его знаю; онъ сынъ міра. Но благодать

могущественна; она можетъ и на немъ явить знаменіе свое. И такъ успокойтесь и возложите крѣпкое упованіе на Бога и на насъ, недоспойныхъ его служителей. — Позвольте же мнѣ сказать о наспоющей цѣли моего прихода; я принесъ вамъ радостное извѣстіе. “

„Вы всегда были моимъ утѣшителемъ, вѣспникомъ радости. “

„Вы знаете, что по неисповѣдимымъ путямъ Божиимъ благодать опять постыпала Лифляндію. Въ Венденѣ учреждено Епископство, и въ другихъ городахъ члены общества Иисусова завели училища, для просвѣщенія юношества свѣтомъ спасенія. Теперь же и здѣсь въ городѣ назначено очистить соборную церковь отъ сора еретическаго, и посвящать ее служенію единой спасительной вѣры. “

„Наши граждане никогда на это не согласятся: они станутъ защищать свои права на соборную церковь до послѣдней капли крови. “

„Какое же право имѣютъ здѣшніе граждане на церковь принадлежащую Епископскому престолу? “

„Она ему принадлежала, пока Маркграфъ Вильгельмъ не продалъ ее городу. “

„Если она дѣйствительно была продана, то долженъ существовать законный актъ о прода-

жѣ; но въ архивѣ, не смотря на всѣ старанія, его не нашли. “

„Эпо очень спранны. Но я знаю на вѣрное, святой отецъ, что актъ объ успукѣ долженъ быть память: я подписалъ его собственною рукою. “

„Я не сомнѣваюсь въ вашихъ словахъ; но не должно ли пѣмъ болѣе удивляться сему чудесному знаменію небесному, что эпошь актъ исчезъ въ самое то время, когда онъ могъ положить преписаніе святому дѣлу вѣры? “

Боязливо и съ пониженіемъ голоса возразилъ Веллингъ: „не пребуешь ли долгъ моего званія засвидѣтельствовать, что актъ дѣйствительно существовалъ? “

Иезуитъ, вперивъ неподвижный взоръ на споявшаго предъ нимъ Веллинга, отвѣчалъ рѣзкимъ голосомъ: „вы бы очень хорошо сдѣлали, г. Синдикъ, если бы обуздали свой разумъ, сводящій васъ всегда съ прямого пути. Во всякомъ случаѣ вы тогда только можете починашь своею обязанностию говорить объ эпошѣ, когда васъ спросятъ начальство. — А кто вашъ повелитель? — Король. — Онъ не находитъ нужнымъ производить дальнѣйшія изслѣдованія. Развѣ вы не знаете, что всякая земная обязанность должна уступить небесной? — А чтобы избавить васъ отъ

сомнѣнія, какъ духовный отецъ вашъ, приказываю вамъ, какъ избранному сыну спасенія, хранишь спрочайшее молчаніе о всемъ, что касается до этого акта. “

„Слушаю, святой отецъ!“ — отвѣчалъ съ величайшею покорностію Веллингъ. Положивъ ему на голову руки свои, Іезуитъ произнесъ надъ нимъ благословеніе, съ торжественною важностію, и обѣщаль ему вѣнецъ вѣчной жизни.

Было уже около полуночи, когда Кампанусъ оставилъ своего духовнаго сына.

Въ слѣдующіе дни Радзивиль попребувалъ, опть имени Короля, котораго онъ умѣлъ убѣдиль въ справедливости своего желанія, чтобы соборная церковь, какъ собствѣнность Епископскаго престола, была очищена, и снова посвящена Капюлическому богослуженію. Спрахъ и негодованіе овладѣли при семь извѣстїи Думою и гражданами; они сдѣлали Королю сильныя предшавленія прошивъ сего поступка, но ни въ чемъ не могли успѣть, кромѣ того, что Башорій удовольствовался, вмѣсто большаго великолѣпнаго собора, маленькою церковью Св. Іакова. Однако, хотя многіе члены Думы очень расположены были на это согласиться, и даже Паспоръ Нейнертъ публично объявилъ въ церкви свое мнѣніе, что изъ двухъ золъ должно выбрать меньшее, и

что въ этомъ случаѣ лучше выиграть небольшою уснунчивостію, нежели все потерять отъ упорнаго сопротивленія, гражданамъ показалось это мнѣніе непопулярнымъ покушеніемъ на ихъ права, и Нейерсъ навлекъ на себя недовѣрчивость и ненависть большой части жителей города. Рижане обратились послѣ того къ прежнему своему повелителю, Герцогу Курляндскому, съ просьбою о посредничествѣ въ семъ дѣлѣ; но онъ, какъ вассалъ короны Польской, не смѣлъ опважиться на что нибудь противное воли Королевской, и только посоветовалъ имъ избрать изъ среды своей депутатовъ, чтобы убѣдиль Короля оставить его намѣреніе. Между тѣмъ какъ граждане собрались по этому совѣту въ церковь С. Петра, для совѣщанія о депутации, была назначена отъ Думы другая, къ которой принадлежалъ и Веллингъ; предметъ ея былъ еще разъ испытать передъ Королемъ предспавленія и просьбы; но Стефанъ твердо стоялъ въ своемъ мнѣніи, и починалъ очень достопащнымъ съ своей стороны, что оставилъ Лютеранамъ соборную церковь, принадлежавшую Капюликамъ, по праву; Синдикъ просилъ его по крайней мѣрѣ отсрочить занятіе церкви Св. Іакова, пока умы гражданъ успокоятся и привыкнутъ къ мысли объ этомъ лишеніи. — „Скажете этимъ

беспіямъ, вскричалъ Король, подойдя съ гнѣвомъ къ Синдику, что я не буду ни ѣсть ни спать, пока не войду въ эту церковь. “

Тогда испуганный Синдикъ дрожащими руками опдалъ ключи опъ церкви Св. Іакова; поспѣшась же была она освящена Епископомъ, и въ ней немедленно оппѣли торжественный молебенъ, въ присушствіи Короля, окруженнаго своими вельможами; когда граждане, окончивъ совѣщаніе, вышли изъ церкви Св. Пепра, все уже было рѣшено, и имъ оставалось только покориться необходимости; присушствіе Короля и его многочисленнаго войска дѣлало невозможнымъ всякое сопротивленіе. Но во всѣхъ сердцахъ кипѣли гнѣвъ и мщеніе; громко называли измѣнниками Паспора Нейерпта и многихъ членовъ Думы, особенно Таспіуса, Ейке и Веллига; а втайнѣ проклинали чужеземныхъ господей, всегожь болѣе Короля. Сей послѣдній однако, не заботясь о ропотѣ гражданъ, шелъ спокойно своею дорогою, и выведя изъ монастыря Св. Магдалины послѣднихъ прехъ монахинь, опдалъ его Іезуитамъ, для основанія коллегіи; но это впрочемъ было на время опсрочено. Сдѣлавъ всѣ сіи распоряженія, Бапорій собрался въ путь, чтобы присушствовать на сеймъ, въ Варшавъ; многіе Іезуиты, по большой часпи скрываясь подъ свѣщ-

скою одеждою, оспались въ Ригѣ, для святаго дѣла обращенія; Кампанусъ долженъ былъ оправившись съ Королемъ. Весьма удивился Гизе, увидѣвъ у себя однажды, совсѣмъ неожиданно, сего хитраго Иезуита, который осыпалъ его похвалами и изъявленіями дружества; хотя онъ не могъ постигнуть причины сего необыкновеннаго посѣщенія, но имѣлъ довольно проницательности, чѣобы оцѣнилъ важность связей съ такимъ человекомъ, и довольно искусства, чѣобы укрѣпилъ ихъ какъ можно болѣе, и даже приобрѣсти въ нѣкоторой степени его довѣріе.

Наконецъ Король и его вельможи проспились съ городомъ. Въ замкъ оспался однако сильный Польскій гарнизонъ, и Рига, казавшаяся еще спокойною, похожа была на мѣсто, находящееся, не смотря на мнимую безопасность, надъ пороховыми минами, которыя ожидаютъ только рѣшительной искры, чѣобы въ ужасномъ взрывѣ явили разрушительную свою силу.

Молодой Мёллеръ продолжалъ вести тихую, уединенную жизнь; упорная зоря всегда заставляла его за письменнымъ столомъ, посреди книгъ и рукописей, ибо ученье было для него вмѣстѣ и любимымъ занятіемъ. Но эта склонность не простиралась такъ далеко, чтобы опустить права у долготѣйшей дружбы его съ Францомъ; молодые люди ежедневно видались, пускались въ небольшія путешествія по окрестностямъ, или въ дурную погоду сиживали у привѣснаго огня камина, и передавали другъ другу приятныя воспоминанія прошедшаго, которое они дѣлили вмѣстѣ, или обращая разговоръ на предметы болѣе важныя, разсуждали о настоящемъ положеніи дѣлъ въ городѣ. Къ нимъ скоро присоединился еще одинъ молодой гражданинъ, Каспаръ Эппингъ, приобрѣтшій ихъ уваженіе и дружество, какъ достоинствомъ характера, такъ и чистотою нравовъ, и необыкновеннымъ въ его состояніи образованіемъ души,

онъ сдѣлался неразлучнымъ ихъ собесѣдникомъ. Чѣшбы въ часы досуга, не распроивая своихъ занятій, бывають каждый день вмѣстѣ, условились они обѣдаться попеременно другъ у друга; они разспавались обыкновенно рано вечеромъ, ибо въ это время Францъ посѣщала домъ почтеннаго спарца, Бургомистра Каспара Бергена, изъ 29 дѣшей котораго прещья дочь, прекрасная Бригитта, владела его сердцемъ; Георгъ проводилъ нерѣдко вечеръ въ домъ Веллингговъ, въ который привлекали его частію привычка дѣшства, частію неизьяснимое участіе, принимаемое имъ въ прекрасномъ испуканѣ; а Эппингъ просиживалъ часть или два у Вареломея, не для прещенія пивомъ, и не для того чѣшбы участивать въ довольно грубыхъ разговорахъ тамошняго общества, но для услажденія взоровъ движеніями ловкой, привлекательной Анхень. За общими ихъ обѣдами являлось иногда четвертое лице, которому они всегда были рады, какъ по невозмущаемой ни чѣмъ его веселости, такъ и по необыкновенной добрости его сердца. Это былъ Балпазаръ Тилькенъ, содержатель первой цирюльни въ Ригѣ. Холоспякъ, въ слѣдствіе своего образа мыслей, онъ открывалъ въ себѣ одеждою и манерами *un çi devant jeune homme*; ибо въ наружности сихъ людей господствуетъ обыкновенно или чрезвычайная щца-

пельность и опрятность, или нѣкоторая поспешическая небрежность. Къ нашему Балпазару относился послѣдній случай; большія спальные пуговицы персиковаго его фрака, перемѣшанныя съ другими, разной величины и формы никогда не были застегнуты по порядку; подъ колынами молчались у него завязки темнокаштановаго исподняго плащя, облекавшаго тонкiя, сухiя какъ спички ноги; изъ двухъ синихъ чулокъ, одинъ всегда спускался ниже икры; даже утверждають, что г. Тилькенъ, однажды, къ большому смѣху уличныхъ ребятишекъ, шелъ по улицѣ въ одномъ сплечкѣ а другомъ красномъ чулкѣ; парикъ его, украшенный двумя густыми локонами и большимъ волосянымъ кошелькомъ, всегда былъ надетъ на спорону, либо на правое, либо на лѣвое ухо, отъ чего вся физіономiя его принимала косою видъ; на лицѣ его, которое, если бы оно было не много поблѣе, можно бы было уподобить манишкѣ въ складкахъ, не было ни чего замѣчательнаго, кромѣ большаго носа; а на впомѣ съ лѣвой спороны еще маленькаго носика; походка его была скоро, но не равна; при томъ онъ имѣлъ привычку, ходя размахивать обѣими руками. Не смотря на всѣ сіи особенности, Балпазаръ Тилькенъ былъ любимцемъ уличной молодежи, ибо всегда имѣлъ въ запасѣ для любопытныхъ загадку или сказочку на

языкъ, а для лакомокъ яблоко или пряникъ въ карманѣ.

Очередь еженедельнаго угощенія была за Францомъ Ніенштедтомъ. Ненаспный Полярскій день заставилъ госпей собраться въ его уютную комнату ранѣе обыкновеннаго; въ ожиданіи обѣда сидѣли друзья за орѣховымъ споликомъ, украшеннымъ красивою рѣзбою и наклееными фигурами, лакомились изъ зеленыхъ *рѳмеровъ* (*) рейнскимъ напшкомъ, и беззаботно разговаривали.

„Ну господа, — сказалъ Франць — я долженъ вамъ признаться, что новое повелѣніе Короля пробудило прежнія мои опасенія.“

„Теперь кажется — возразилъ Эпшингъ — нѣчего бояться.“

„Въ эту минуту конечно нѣчего; — отвѣчалъ первый — но легко предвидѣть, что Король не останется при одномъ повелѣніи. Если выдѣтъ другое, спроче насстоящаго; если нарушителямъ будетъ назначено тяжкое наказаніе, развѣ по вашему мнѣнію и тогда нѣчего будетъ бояться?“

„Напрощивъ, — сказалъ Георгъ — я съ своей стороны спану тогда опасаться многого, даже всего. Я знаю, какія безпокойства и волненіе произвело

(*) Особый родъ рюмокъ, употребляемый для рейнвейна.

у насъ въ Германіи, а особенно въ Аугсбургѣ и другихъ городахъ, введеніе новаго календаря; здѣшніе граждане, и безъ того ожесточенные, придуть въ совершенную ярость отъ такого насильственнаго поступка.“

„Въ Думѣ — замѣнилъ Ніенштедтъ — много объ этомъ говорили и про и contra. Синдикъ Веллингъ и Іоганъ Таспіусъ, знавшіе о намѣреніи Короля еще прежде, писали въ Германію къ нѣсколькимъ извѣстнымъ богословамъ, чтобы узнать на эпомъ счетъ ихъ мнѣнія. Первый читалъ въ собраніи Думы письмо богослова Шаллера изъ Лейпцига, а послѣдній диссертацію Гербранда, въ копорыхъ доказываея, что не обременя совѣсти, можно принять новый Григоріанскій календарь, и слѣдовать ему, какъ въ дѣлахъ духовныхъ такъ и свѣскихъ; съ этимъ мнѣніемъ, копорое было сильно оспариваемо многими членами, я долженъ былъ согласиться по совершенному убѣжденію.“

„Таковъ человекъ; — вскричалъ Георгъ, поставя на споль, съ нѣкоторою горячностію, опороженнѣй рѣмеръ; — рѣдко слѣдуетъ онъ голосу чистаго разума; закоренѣлыя предразсудки дѣлають его слѣпымъ, въ собствѣнныхъ выгодахъ, а духъ партійный глухимъ для истины. Онъ въ этомъ похожъ на быка, копорый всегда возвращается

въ прежней спойло, хопя бы новое было покойнѣе и чище. “

„Но самая эпа привязанность къ старому, наследованному отъ предковъ, — сказала Эппингъ — эпо упорство, съ которымъ человекъ удерживаетъ его, имѣетъ свою хорошую сторону; на нихъ основывается вѣрность, и другія соединенныя съ нею хорошія качества. “

„Не думаешь ли ты, — возразилъ съ живостію Мёллеръ — что эпа привязанность къ старому, эпо упорство, съ которымъ человекъ удерживаетъ наследство предковъ, заславили бы нашихъ гражданъ опверганъ новый календарь, еслибы онъ былъ составленъ ученымъ Люшераниномъ, или ихъ соотечественникомъ. Когда Паспоръ Нейерсъ съ такимъ жаромъ защищалъ съ кафедры Григоріанскій календарь, то, при господствующемъ духѣ Рижанъ, вмѣсто того чтобы побѣдить сопротивленіе, еще болѣе его усилило, и нашъ почтенный Паспоръ, можетъ быть слишкомъ просвѣщенный для его времени, сдѣлалъ себѣ враговъ изъ своихъ слушателей. “

Эппингъ хотѣлъ опвѣчать, какъ дверь съ шумомъ опворилась, и вбѣжалъ Тилькенъ, со шляпою на голоѣ, и ужасно махая сухими руками обошелъ скорыми шагами вокругъ стола, за которымъ сидѣли удивленные друзья; наконецъ бро-

силъ онъ свою изношенную шляпенку между рѣ-
мерами, и сказалъ:

„Пейте на здоровье, господа! Я бы могъ ска-
зать вамъ, какъ Греческій мудрецъ, не помню ка-
кой: Бруны! вы пьете, а Рига въ пламени!“

„Что съ побою опять сдѣлалось, въпренная
мельница?“ — сказала Ніеншпедтль съ громкимъ
смѣхомъ, къ которому прислали оба другіе собесѣд-
ники.

„Что со мною сдѣлалось, что со мною сдѣла-
лось? — Что съ нами сдѣлалось? хочешь ты ска-
зать. — Это бы вы сей часъ слышали, еслибы до-
сада не высушила мнѣ языкъ, такъ что я гово-
рить не могу.“

„А понимаю“ — отвѣчалъ Францъ, продолжая
смѣяться. Онъ принесъ поспѣшно еще рѣмеръ, на-
лилъ его до края, и подавъ Тилькену, снова бѣ-
гающему вокругъ стола, сказавъ: „на, вопъ:
смочи свой языкъ, чтобы тебѣ можно было ска-
зать, а намъ услышать твою ужасную новость.“

Тилькенъ схватилъ рѣмеръ, и поднесъ его къ
носу, втягивая въ себя запахъ вина расширенны-
ми ноздрями, но такъ близко, что замочилъ носъ,
отъ чего получилъ видъ піона, орошеннаго упрек-
нею росой. Прихлебывая вино съ наслажденіемъ,
онъ приговаривалъ: „славное вино, прекрасное
вино, ей Богу ошлщѣйшее вино! совершенная

опрада сердца. Ну, Францъ, за пвое здоровье! За ваше здоровье, господа! “ — Сдѣлавъ молодецкій глотокъ, онъ продолжалъ: „что пьютъ за здоровье, а это нахожу очень благоразумнымъ и еспешивеннымъ; онъ вина спановишься такимъ веселымъ и доброхотнымъ, что всѣмъ желаешь добра; но онъ чего желаютъ здоровья пому кпо чихаетъ? — Знаете ли вы, господа!“ —

„Не знаемъ,“ отвѣчали друзья.

„Вотъ видите: *былъ въ Оуль Царь*. Онъ во всю жизнь не поюхалъ ни щепотки шабаку...“

„Спой, спой, брашь Балпазарь! — прервалъ его Францъ — пожалуста не продолжай; я ужъ вижу по началу, что ты хочешь занять насъ одною изъ обыкновенныхъ своихъ глупостей.“

Но Балпазарь Тилькенъ спокойно взялъ свой рѣмеръ, и вкушая благородный напитокъ, казалось не заботился ни о землѣ, ни о небѣ.

Вмѣсто него, сказалъ Мѳлеръ: „эхъ, Францъ! за чѣмъ ты не далъ ему говорить? — Признаюсь откровенно, я люблю слушать вздоръ, и чѣмъ въ какой сказкѣ больше вздору, тѣмъ она больше мнѣ нравится; а какъ повѣсти Тилькена принадлежатъ къ опличившимъ въ этомъ родѣ, то я бы послушалъ его съ удовольствіемъ.“

„Надобно же имѣть снисхожденіе къ спарику: вѣдь его не переменяешь.“ — прибавилъ Эпшингъ.

Между пѣвъ старая Ніеншпедтова ключница не разъ побрякивала ключами, напоминая, что супъ уже на сполѣ. Хозяинъ понялъ наконецъ эти звуки, и по его приглашенію госпни сѣли за сполѣ, весело разговаривая. Въ концѣ обѣда, по старому похвальному обычаю, было предложено нѣсколько тоспювъ; между прочими, хозяинъ, поднявъ къ верху свой рѣмеръ, провозгласилъ: „миръ и единодушіе доброму нашему городу!“ — и зазвучавшіе покалаы чокнулись между собою. Какъ пробка изъ бунылки шампанскаго, вскочилъ Тилькенъ съ своего спула, очутился на срединѣ спюла, и махая руками, кричалъ: „прекрасный тоспю, превосходный тоспю!“ — потомъ, опустивъ свой рѣмеръ внизъ, сказалъ: „налей брашъ: и я хочу предложить здорюве.“ — Когда рѣмеръ налили, онъ поднялся на цыпочки, и вскричалъ: „гибель Іезуишамъ, возмущишелямъ спокойствія!“ — залпомъ опорожнилъ покалаы, и бросилъ его въ пошолокъ такъ, что онъ разлетѣлся въ дребезги. Сдѣлавъ при этомъ скачокъ, онъ очутился на краю спюла; сей послѣдній пошашинулся, провозгласиштель уналь, и спюль, со всѣмъ что на немъ было, опрокинулся на него. Эппингъ и Мѣдлеръ захохотали во все горло, а Ніеншпедтъ, поколебавшись на минушю между досадою и смѣхомъ, приспалъ къ нимъ, какъ бы по симпатіи. Услышавъ спукъ, вошла старая

Сивилла, и при видѣ этого разрушенія, подняла крикъ и вопль, между тѣмъ какъ Балпазаръ, покрытый оспалками обѣда, соусами и вареньями, ерехши вылезалъ изъ подъ развалинъ. Какъ льщій споялъ онъ передъ хохочущими поварищами, и сама разсерженная Сивилла, при видѣ его, не могла удержаться отъ смѣха; наконецъ онъ возвысилъ голосъ: „вы смѣшесь, добрые молодцы, и даже на привлекашительныхъ устахъ сей цѣломудренной дѣвы, пришедшей сюда съ бранью и проклятіями, блеснула очаровательная улыбка; но я шоржеспивую; ибо предзнаменовалъ паденіе Іезуитовъ; оно увлечетъ за собою многіе сполы и много посуды; но подъ развалинами мы погребемъ Антихриста.“

Въ продолженіи сей рѣчи, Сивилла очистила ерашора отъ многочисленныхъ сочныхъ памятниконъ его паденія, и оспорожно сняла съ кошелька, на его запятыѣ, приспавшій къ нему кусокъ роскошнаго пирога наполненнаго малиновымъ вареньемъ. Герой продолжалъ: „сноприше, за вкуснымъ обѣдомъ, за бупылкою добраго вина, забылъ я всю свою досаду; но шеперь она снова протидилась; ибо все настоящее зло происходитъ отъ злодѣевъ Іезуитовъ. Въ самомъ паденіи моемъ, въ томъ, что я весь запачканъ пирогами, паснешомъ, соусами, не они ли одни виноваты, эти враги всего добраго?“

Собесѣдники снова засмѣялись сему смѣшному обвиненію, но Георгъ довольно важно замѣпилъ: „шакъ чловѣкъ: когда что нибудь его раздосадуешь, онъ все приписываетъ одной причинѣ, часто совершенно невинной; несправедливостъ влечетъ за собою цѣлый рядъ несправедливостей, который заключается ссорами и распрями, и наконецъ плачемъ и бѣдствіями. И нашъ Балпазаръ приписываетъ свое несчастіе Іезуитамъ, которые сполько же въ немъ виноваты, какъ я въ сочиненіи *Cogrus jugis*. Скажи, что общаго между свѣплыми опцами и твоимъ неловкимъ наденіемъ, и за что вообще ты на нихъ шакъ разсердился?“

„За что я на нихъ разсердился? — Развѣ вы еще ничего не знаете? — Самана — при этомъ словѣ онъ три раза перекрестился — приѣхалъ сюда, и привезъ двѣнадцать своихъ товарищей, для отвращенія насъ отъ свѣта къ тьмѣ. Они ходятъ какъ рыкающіе львы, и ищутъ кого нибудь поглотить.“

„Разумѣется, — прервалъ Неншиедитъ — что онъ говоритъ о Камнанусѣ, одномъ изъ старѣйшихъ обществъ Іисусова, котораго Король прислалъ сюда съ 12-тью его собратьями, для основанія коллегіи. По приѣздѣ, онъ явился въ Думу, и съ большимъ краснорѣчіемъ произнесъ длинную рѣчь

о заслугахъ своихъ братій, въ которой описывалъ, какъ они посѣщаютъ опдаленнѣйшія края, для обращенія невѣрныхъ, какъ поучаютъ и образуютъ юношество, облегчаютъ болящихъ, и приготавливаютъ умирающихъ къ смерти. “

„Сущее пустословіе, явная уловка обольщенія!“ — вскричалъ все еще разгоряченный Тилькенъ.

„Однако надобно согласиться, что Іезуиты ознаменовали себя многими подвигами на поприщѣ наукъ, и многими заслугами въ воспитаніи юношества.“

„Но надобно согласиться и съ тѣмъ, — возразилъ Эппингъ — что они ознаменовали себя многими злодѣяніями и употребленіемъ недостойныхъ средствъ для исполненія своихъ замысловъ.“

„Да! они распоряжаются довольно смѣло, — сказалъ Тилькенъ — вопль не дальше, какъ сего дни, я это испыталъ на себѣ. Одно изъ сихъ чучель съ богобоязненными, смиренными ужимками пришло въ мою масперскую, и просило обрить ему шею и бороду. Пока я собираюсь приняться за работу, что я дѣлаю, какъ вы сами знаете, съ большою тщательностію и по всемъ правиламъ искусства, честный отецъ вздыхалъ и поднималъ глаза къ небу, сожалѣя, что никакой достойный и добродѣтельный человекъ, по естѣ я, блуждаетъ

на пути мрака и ослепленія. Такъ какъ я не могъ при его словахъ удержаться отъ смѣха, свяшой отецъ счелъ это хорошимъ знакомъ, и рѣшился воспользоваться благопріятною минутою. Пока я намазывалъ ему мыломъ шею и бороду, онъ воскликнулъ съ священнымъ жаромъ: „о бѣдная, заблудшая овца! возвратись въ недра матери, единой свяшой церкви; она общаетъ тебѣ опущеніе грѣховъ и вѣчное блаженство.“ — Тогда я крѣпко разсердился и сказалъ: „изыди окаинный: не жди чпобы я спалъ тебя бринь; оставь меня въ покоѣ, и убирайся къ чорпу.“ — Тутъ онъ вздумалъ поправить свою ошибку, и скорчилъ весьма смиренную рожу; но я вѣжливо взялъ его за руку, и показалъ ему двери. Онъ ушелъ отъ меня какъ звѣрь разсвирѣпѣлый.“

Тилькенъ окинулъ общество торжествующимъ взоромъ, но Мёллеръ отвѣчалъ:

„И ты думаешь, что сдѣлалъ чтонибудь умное, или совершилъ геройскій подвигъ. Раздражать этого народъ, ни въ какомъ случаѣ нѣтъ выгоды; лучшее средство сдѣлать ихъ безопасными — не обращать на нихъ вниманія.“

„Да какъ же не обращать на нихъ вниманія, — прервалъ Эппингъ — когда они такъ его на себя обращаютъ? Послушайте, что со мною на дняхъ случилось. Каждую недѣлю посишь ко мнѣ одинъ.

Лапынь рыбу. Когда онъ послѣдній разъ былъ у меня, то казался очень довольнымъ, и сказала мнѣ: „ну, баринь! теперь я буду носить тебѣ славную рыбу, и продавать дешево.“ — Я спросилъ, оцъ чего? — „Оцъ того, оцвѣчалъ онъ, что наша рыба окрещенная.“ — Удивясь, я спалъ его распрашиванъ, и узналъ изъ его разсказа слѣдующее. Въ одну пятницу пришли къ нимъ въ деревню нѣсколько незнакомыхъ людей, созвали рыбаковъ, и велѣли имъ опсправиться съ ними на море, чтообы закинуть сѣти; шакъ и сдѣдали, но ловъ былъ неудаченъ; незнакомцы спросили, оцъ чего они шакъ мало поймали рыбы, и больше ли имъ попадалось прежде. — „Вѣспиме больше, оцвѣчалъ одинъ старый рыбакъ; но нынче все спановилось хуже.“ — Вопъ то то, замѣшилъ одинъ изъ пришлецовъ; этому причиною грѣхи ваши; это послѣдствіе вашего оппаденія; вы оставили истиннаго Бога, за то и оцъ васъ оставляетъ; но онъ умилосердился надъ вами, и дастъ вамъ оцашъ хорошій ловъ, ееди вы сдѣдаете что вамъ скажутъ. — Послѣ сихъ словъ, незнакомецъ съ большими обрядами окрестилъ пойманныхъ рыбъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и снова бросилъ ихъ живыхъ въ море. — „Еди вашъ ловъ — продолжалъ онъ попомъ — въ слѣдующій разъ будетъ удаченъ, то сдѣлайте изъ

серебра небольшую рыбку, и пожертвуйте ею въ церковь Св. Іакова; это принесеть пользу вашему промыслу; если же вы обратитесь къ истинной вѣрѣ, то и Богъ возвратитъ вамъ прежнее счастье, и благословитъ васъ избыткомъ. — Это случилось въ то время, когда у насъ обыкновенно начинается хороший ловъ, однакожь легковѣрные поселяне сочли естественный случай за чудо. Они нанесли въ церковь Св. Іакова множество серебрянныхъ рыбъ, и большею частью приняли Капюлическое вѣроисповѣданіе. — Теперь я васъ спрашиваю, любезные друзья: хорошо ли обольщаютъ бѣдный народъ такимъ низкимъ обманомъ? “

„Это безбожно; это вопіетъ къ небу “ — закричалъ Тилькенъ.

„Я не спану защищать поступковъ Іезуитовъ, — сказалъ Мёллеръ — а говорю вообще, что надобно какъ можно осперегаться возстановлять ихъ прошивъ себя, и потому нахожу, что Пасторъ Дадень очень худо дѣлаетъ, произнося съ кафедръ прошивъ Іезуитовъ сильныя свои рѣчи, копорыя еще болѣе раздражаютъ умы нашихъ гражданъ, и безъ того взволнованные, а между тѣмъ навлекаютъ на него самого большую опасность. Если бы онъ былъ выданъ по требованію Кардинала, то ему бы не миновать бѣды. “

„Но не менѣе дурно — замѣшля Ніеншпедтъ, — поведеніе нашихъ гражданъ. Когда посланный Кардиналовъ сообщилъ присущствію Думы и градскимъ депутатамъ его предложеніе передать Пастора Далена во власть его, нѣсколько самыхъ злыхъ крикуновъ: Брикенъ, Спенгензенъ, Боне и другіе, выступили впередъ и говорили очень дерзко противъ Кардинала. Спенгензенъ сказалъ даже между прочимъ, что не въ первый разъ сажашь Епископа на лошадь, лицомъ къ хвосту, и вывозишь такимъ образомъ изъ города, и что бѣлую Іезуитскую церковь не трудно выкрасить алою краскою. Хотя Кардиналъ послѣ того не предпринималъ ничего, но можно чѣмъ хочише ручаться, что онъ въ свое время вспомнитъ сіи слова.“

„Это подтверждаетъ мое мнѣніе, — сказалъ Мёллеръ — что одна несправедливость непосредственно влечетъ за собою другую, и такимъ образомъ составляетъ цѣпь бѣдливій, которая опутывается челоѣка, и неминуемо увлекаетъ его въ бездну. И потому сохранимъ сердца наши чистыми отъ всякой неправды; будемъ прощать и забывать зло намъ сдѣланное!“

Эпизингъ и Ніеншпедтъ дружески пожали у Мёллера руку, а Тилькенъ вскричалъ съ комическимъ жаромъ: „ну если ужъ вы всё хочише быль благоразумными, шо и я съ вами. — На-

лейше мнѣ еще пополнѣе. Я предложу вамъ другое здоровье, которымъ вы оспанеспесь довольны. “

Онъ поднялъ рѣмеръ, снова налипый ему Францомъ, и прокричалъ громко: „да здравствуютъ Иезуиты!“

Въ ту мину пу отворилась дверь, и показалось грубое, опухшее лицо слесаря Боне. Услышавъ посылъ Тилькена, онъ вошелъ сердито съ словами: „вы присылали за мною, г. Нѣншпедтъ, чпобы заказать мнѣ въ вашемъ домѣ работу, но я прежде сдѣлаюсь Каполиккомъ, нежели пошевело рукою въ здѣшней проклятой Иезуитской норѣ. Спѣдно, что эти пѣявицы имѣють такихъ хорошихъ друзей въ Думѣ; но въ свое время мы этого не забудемъ.“

Францъ хотѣлъ вразумить разгнѣваннаго, и располковать ему дѣло, но онъ уже вышелъ изъ комнаты съ бранью и угрозами.

„Поспойте, я поучу грубіяна учтивости,“ — сказалъ Балшазаръ, схвативъ шляпу, и побѣжалъ изъ комнаты съ смѣшными пѣлодвиженіями.

И прочіе распались, и пошли каждый куда призывало его сердце.

Не далеко отъ дома, нагналъ Тилькенъ все еще разсерженнаго слесаря, и завелъ рѣчь объ его

послупкѣ, съ обыкновенною своею комическою горячностію.

„Молчи, болванъ; — прервалъ его сердито Боне — не развѣвай рта, а не то я тебѣ дамъ нишъ за здоровье Іезуитовъ.“

„Да вспомни только, Боне: я самъ заклятый врагъ Іезуитовъ; я нишъ ихъ здоровье въ угожденіе другимъ.“

„Тѣмъ хуже, что ты угождаешь измѣнникамъ опеческива; по этому ты или бездѣльникъ или дуракъ.“

Опъ сихъ словъ у Балпазара въ ушахъ зазвенѣло. — „Какъ? — что? — бездѣльникъ или дуракъ? — Ну да это еще можешь спастись. Я . . . я другое дѣло; обо мнѣ нѣчего говорить. Но называшъ честнѣйшихъ людей въ городѣ измѣнниками опеческива, — за это ты спойшь висѣлицы.“

Такимъ образомъ возникла брань, въ продолженіи которой обѣ спороны поспешенно разгорячались. Тилькенъ прыгалъ вверхъ, какъ пухлякъ, поднимавъ обѣ руки, кричалъ какъ бѣснующійся, и махалъ руками во все спороны. Напротивъ того Боне стоялъ неподвижно, и едва могъ говорить опъ злоспн. Лишь судорожно сжатые кулаки его и выпученные глаза обнаруживали его ярость. Наконецъ поднесъ опъ правый кулакъ къ лицу прыгающаго Тилькена, и прошеп-

паль, задыхаясь : „я твоего Ніеншпедта убью, и тебя съ нимъ вмѣстѣ, Іезуитское пугало.“

„Не смѣешь, глупая рожа, не смѣешь!“ — кричала Тилькенъ, прыгая еще выше прежняго, и пропягивая сухія руки, какъ когти, къ волосамъ пропивника. Казалось наступала минута, въ которую преніе должно было перейти въ драку, и собравшаяся вокругъ толпа заранѣ радовалась ожидаемому зрѣлищу, какъ вдругъ явились Синдикъ Веллингъ и Оберъ - Секретарь Кане, возвращавшіеся мимо того мѣста съ одного свидѣнія. Важность ихъ сана помогла имъ развеселить сопротивниковъ, и заставила разошлись народъ обманувшійся въ надеждѣ.

Бѣне пошелъ своею дорогою, щедро распочая ругательства, а Тилькенъ, котораго погнацилъ за полы кафшана одинъ бывшій при этомъ личный его пріятель, скоро забылъ есору и все случившееся, между дѣтьми игравшими у соборной церкви. Онъ принялъ участіе въ ихъ играхъ, и доснавилъ новую пищу ихъ веселости. Между тѣмъ происшествія важнѣйшія приготавлились въ городѣ.

Начало зимы 1585 года было очень неспокойно. Густой снѣгъ и дождь, сильная спужа и сырость смѣнялись взаимно. Едва дороги покрывались снѣгомъ, едва начинали надѣяться на поспойанный санный путь, какъ эта надежда таяла въ буквальный смыслъ слова, и мокрый снѣгъ, смѣшавшись съ обнаженною землею, производилъ такую грязь, что не лзя было ни ходить ни ѣздить. Иногда внезапный морозъ превращалъ эпошь сославъ въ огромное блестящее зеркало, шакъ, что самый опытный пѣшеходъ не могъ пройти по скользкой дорогѣ, не подвергаясь опасности упасть. Такимъ ледянымъ зеркаломъ были покрышы въ послѣднихъ числахъ Ноября и Рижскія улицы. Не смотря на это, въ одно утро, большія толпы народа двигались по нимъ, въ разныхъ направленіяхъ. Тѣснѣ прочихъ были они передъ городскою Рапушею и на нѣкоторыхъ перекресткахъ.

Глухой говоръ слышался въ тишинѣ, подобно отдаленному ропоту морскихъ волнъ. Ничего нельзя было разслушать среди всего невнятнаго шума; лишь иногда раздавались въ разныхъ мѣстахъ восклицанія: „измѣна, вѣдворпреступленіе, анпихристъ.“ — Болѣе и болѣе увеличивалось волненіе; явственнѣе спановились мятежныя выраженія пропивъ правительсва и Короля; имена Бургонспра Ейке, Веллинга, Таснуса и другихъ членовъ Думы подвергались брани и поруганію. Наконецъ нѣкоторые удалцы спали влѣзавъ на угловыя спроеія улицъ, чшобы сорвать наклеенныя на нихъ листы бумаги, къ копорымъ приложены были большія печати, и когда имъ удавалось, бумагу надѣвали на шею, и махали ею какъ знаменемъ по воздуху, при радостныхъ восклицаніяхъ народа. Между тѣмъ Совѣтники Думы въ нерѣшимости и боязни ходили взадъ и впередъ по присущивенной комнашѣ, опасаясь нападенія на самый домъ ихъ засѣданій. И дѣйствительно движенія безпрестанно спановились необузданнѣе, и положеніе толпы принимало видъ все болѣе угрожающій. Вдругъ показался красивый молодой человекъ, одѣтый весь въ черное, и бросился въ самую густую толпу; она почтительно расступилась на двѣ стороны, и пропустила его при кликахъ одобренія. Подойдя къ самой Рапушѣ, онъ

съ легкостію вспрыгнувъ однимъ скачкомъ на край бывшаго тамъ каменнаго колодезя, съ котораго могъ видѣть всѣхъ собравшихся вокругъ, и подалъ знакъ, что хочетъ говорить. Немедленно мертвая тишина распространилась въ народѣ, который за минушу предъ тѣмъ волновался подобно бурному морю, и взоры его устремились въ ожиданіи на его любимца. Сей послѣдній стоялъ нѣсколько времени неподвижно и безмолвно, наконецъ началъ благозвучнымъ, внятнымъ голосомъ:

„Что васъ такъ огорчило, любезные друзья — сограждане, что вы, оставивъ мирныя свои жилища, сбѣжались сюда съ шумомъ и крикомъ, всѣхъ ирревожа и пугая, я легко угадываю. Это новое Королевское повелѣніе, о принятии Папскаго календаря въ дѣлахъ духовныхъ и гражданскихъ, подъ опасеніемъ въ 1000 талеровъ штрафа.“

Общій неприязненный ропотъ былъ отвѣтомъ на это начало.

Молодой человекъ продолжалъ: „непонятно мнѣ только то, что такіе благоразумные люди, какими я привыкъ видѣть добрыхъ моихъ согражданъ, во всѣхъ случаяхъ, починають себя въ правѣ сопротивляться съ такимъ насиліемъ и безпорядками повелѣніямъ своего правительсва.“

Ропотъ сдѣлался слышнѣе. Между тѣмъ раздалось нѣсколько голосовъ: „пише, пише, слушаемъ, что онъ скажетъ.“

Смѣло и возвыся голосъ , продолжалъ ораторъ : „непонятно мнѣ , что эти самые умные люди дозволяютъ дерзкимъ нахамъ срывать Королевское повелѣніе , надѣвать его на шеспы , и махать имъ какъ знаменемъ мясеша , навлекая тѣмъ мщеніе могущественнаго Короля на главы невинныхъ , мирныхъ гражданъ .“ —

Тутъ говорящій былъ прерванъ раздавшимся съ разныхъ сторонъ крикомъ : „что? — Короля? — Намъ не надобно Короля . — Долой Короля! — Долой Поляковъ!“ — Другіе голоса кричали : „пище , пише! — Онъ говоритъ правду . — Молчите , слушаемъ!“ —

Спокойно и безъ малѣйшаго смущенія смотрѣлъ молодой человекъ на эту тревогу . Когда она нѣсколько утихла , онъ опять началъ : „вы меня знаете друзья — сограждане ; вы знаете что я всякую минушу готовъ пролить за васъ кровь свою ; вы знаете , что я скорѣе пожертвую жизнью , нежели допущу презрѣть наши права и вольности . Но потому-то , что я люблю мое опечесиво какъ зеницу своего ока , я и не могу равнодушно видѣть , что вы навлекаете на него незаконными предпріятіями неизбежную гибель .“

Рѣчь была на минушу прервана общимъ изъясненіемъ одобренія , послѣ чего ораторъ про-

должалъ: „я раздѣляю ваши чувствованія, раздѣляю ваше негодованіе. Но намъ должно прислушаться къ дѣлу съ благоразуміемъ и оспорожностію; намъ должно посовѣтоваться между собою въ тишинѣ, и стараться выиграть время просьбами и представленіями. Впрочемъ клянусь вамъ, что пока хотя одна капля крови будетъ печь въ моихъ жилахъ, я не соглашусь ни на что, могущее какимъ бы то ни было образомъ повредить правамъ города.“

Шумное выраженіе удовольствія снова прервало говорящаго, и громко раздались восклицанія: да здравствуетъ нашъ Прокураторъ! Да здравствуетъ Маршаль Гизе!“

Смѣле попребовалъ тогда Гизе молчанія, и продолжалъ: „идите теперь домой, любезные друзья, каждый къ своимъ занятіямъ; сорванные листы должны быть снова прикрѣплены къ своимъ мѣстамъ, и пусть мирныя ваши занятія и дѣла идутъ прежнимъ порядкомъ; надѣйтесь, что ревностная моя къ вамъ любовь и старанія моихъ и вашихъ старшинъ отвращаютъ угрожающее зло.“

Все было сдѣлано, какъ говорилъ Гизе: сорванные повелѣнія опять очутились на своихъ мѣстахъ; толпы разсѣялись; самага оратора съ торжественномъ сняли съ его кафедры, и онъ пошелъ домой въ сопровожденіи громкаго свата.

О всемъ эпозомъ происшествіи ни Мёллеръ ни Ніеншпедтъ ничего не знали. Первый провелъ по обыкновенію упрѣ въ уединенномъ своемъ кабинетѣ, куда не могъ проникнуть уличный шумъ; а послѣдній еще за день до того уѣхалъ за городъ, для одного судебнаго розысканія. Тѣмъ болѣе удивились они, когда Эппингъ разсказалъ имъ за общимъ обѣдомъ о случившемся.

„Да! — заключилъ онъ свой разсказъ — если бы Прокурапоръ Гизе не явился во время, какъ бы посланный небомъ, то эпо возстаніе могло бы окончиться весьма бѣдственнѣмъ образомъ.“

„Правда, правда! — произнесъ Мёллеръ съ большою важностію. — Народная полна, взволнованная какою нибудь мечшою, напоминаетъ неисповодное, пьяное пиршество. Чѣмъ долѣ гости оспающія вмѣстѣ, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ хмель; одна глупость ведетъ за собою другую; одно дурачество слѣдуетъ за другимъ; больше и больше разгорячаются; приходятъ въ ярость, и наконецъ въ какое то бѣшенство, часто производящее пресупленія и злодѣянія. Всѣ злыя справи свергающъ съ себя оковы, какъ фурии дико потрясающъ змѣнными своими волосами, и искрами горящихъ факеловъ разбрасывающъ вокругъ себя пламя, безъ сознанія и безъ цѣли; разумъ спановився обремененнымъ цѣпями невольни-

комъ, котораго увлекающъ за собою развирѣвшіе его повелители. Если же встрѣчается счастливый случай, разгоняющій неспоное сборище, то одинъ какъ бы по инстинкту идетъ домой, другой, одолеваемый сномъ, падаетъ, и часто на край бездны; нѣкоторые опдѣльно продолжаютъ бушевать, но безъ вреда для другихъ; на слѣдующій день каждый удивляется безразсудствамъ прошлой ночи, и многіе не вѣрятъ, что сами въ нихъ участвовали. Не будь же во время разсѣяно безпокойное общесво, дикіе клики гостей привлекающъ все болѣе и болѣе зрителей, которые, какъ бы заразившись, спановаясь ихъ участниками, и тогда мало по малу образуется гнусное чудовище, котораго сила, какъ пламя пожара разносимое въпрямь, необыкновенно увеличивается и въ необузданномъ стремленіи опустошаетъ и испребляетъ все доброе, благородное и святое. “ —

Упомясь, замолчалъ говорящій; душевный жаръ покрылъ его щеки румянцемъ; въ темныхъ его глазахъ какъ бы блистало пламя.

„Со спрашною истиною — сказалъ Неншпедтъ — изобразилъ ты намъ то, что видѣшь на опытъ было бы несчастіемъ для всякаго. “

„О друзья мои — продолжалъ первый, уже спокойнымъ голосомъ — повѣрьте: мы должны ожн-

дать ужаснаго времени. Сколь ни благородна, сколь ни возвышенна была реформація въ своемъ началѣ, но ее сопровождають явленія попрясающія землю въ ея основаніяхъ; все существующее, освященное древностію и привычкою, начинаеть колебаться; безсмысленная неисповая полпа бросаетса на зданіе прошедшаго, чпобы его низвергнуть, и погребсти себя въ развалинахъ; люди, водимые честолюбіемъ, корысполюбіемъ, пысячью взаимно пропнвоборспвующихъ спраспей, пайно раздувають пламень, болѣе и болѣе, и такимъ образомъ вся Европа волнуется въ огромныхъ кипящихъ массахъ, которыя ежеминутно угрожаютъ излишья разрушительною лавою. “

„Да помилуетъ Богъ — сказалъ съ пихимъ вздохомъ кропкій Эппингъ — ослѣпленные народы опь грозящей опасности. “

„Не ругайся именовемъ Бога всемилоспиваго, всемогущаго; — возразилъ Георгъ — конечно онъ источникъ жизни и благоденствія; но онъ и учредитель того предвѣчнаго, мудраго порядка, копторый оставляетъ все сошворенное существовать само собою. Каждый цвѣтокъ скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ плодоносный зародышъ: ядовитый производитъ и расшѣніе ядовитое, вредное, а благошворный — цѣлебное и усладительное; такимъ образомъ каждое дѣло можно уподобить за-

родышу будущаго , который производить плоды , соотвѣтственныя своимъ свойствамъ ; между тѣмъ время спокойно вертится неоспаивающаеся , вѣчное колесо , и что посылно , по и восходитъ . Но да увѣряется народы , что поспоянное счастье должно основываться не на разрушительныхъ мятежахъ , да увѣряется , что оно можетъ быть утверждено только на благоразумномъ дѣйствованіи въ определенномъ кругу , и на безпрекословномъ повиновеніи закону . Да увидятъ безсовѣстные соблазнили черни , что опустошительное пламя , которое они возжигаютъ , въ дерзкомъ вольнодумствѣ , обыкновенно прежде всего ихъ пожираетъ , ничего не оставляя послѣ нихъ , кромѣ заразительнаго смрада и опозореннаго имени , которое произносится жертвами ихъ безумства , и послѣдующими поколѣніями , съ отвращеніемъ и проклятіемъ . “

Глубокое молчаніе послѣдовало за вдохновенною пророческою рѣчью ; сильно потрясенные друзья , казалось , еще слушали умолкшаго Мёллера съ напряженнымъ вниманіемъ .

Наконецъ Францъ Нейнштедтъ первый нарушилъ тишину , сказавъ печально : „должно признаться вамъ , любезные друзья , что съ нѣкотораго времени предчувствіе гонимающагося бѣдствія тяготитъ и превозмимъ мнѣ душу , какъ тяжкое

время; мнѣ кажется какъ будто я вижу огромную руку распростирающую надъ нашимъ городомъ; иногда какъ бы чувствую, что меня самого ожидаетъ гибель близкая, неизбежная. “

„Не мучь себя такими черными мыслями, — отвѣчалъ Эппингъ. — Если угрожающее будущее и коснется насъ въ чемъ нибудь, то я увѣренъ, что мы должны ожидать не опустошительной бури, но въ самомъ крайнемъ случаѣ лишь сильной грозы, которая скорѣе произведетъ благораспорядокъ и прохладу, нежели опустошеніе и бѣдствіе. “

„Гдѣ! — возразилъ Георгъ — массы въ полномъ броженіи; если имъ дадутъ свободу, пока онѣ успокоятся, то онѣ наконецъ осядутъ и очистятся; еслижъ оспановится броженіе, то сосудъ легко можетъ лопнуть, и мы все подвергнемся гибели. А для этого нуженъ только одинъ черный день. “

Съ удивленіемъ взглянули на него друзья, и спросили, что онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ.

„Случалось ли вамъ, любезные друзья, — отвѣчалъ Мёллеръ — замѣчать, что въ иные дни вамъ все не удается; людей, которыхъ вамъ нужно видѣть, по дѣламъ не перпящимъ времени, вы не застаете дома; другіе, съ которыми вы очень желали бы не встрѣчаться, попадаются вамъ на

каждомъ шагу; вы неожиданно ссоритесь и бранитесь съ друзьями и знакомыми, подвергаетесь неприятностямъ, теряете деньги, или испытываете еще худшіе случаи; тогда кажется какъ будто всѣ злые духи выпущены на свободу, чтобы вредить вамъ, и вездѣ заступаютъ вамъ дорогу. По крайней мѣрѣ мнѣ такой день всегда возбуждаетъ себя съ ушра боязненнымъ предчувствіемъ; я избегаю тогда, какъ можно, всякихъ сношеній съ кѣмъ бы то ни было. Вотъ что называю я—чернымъ днемъ. Но я не одинъ замѣчаю черные дни; многіе имѣютъ разныя примѣны, при которыхъ не предпринимаютъ ничего важнаго, или ищутъ безопасности въ уединеніи жилищъ своихъ; такъ вы, на примѣръ, когда двѣ соломинки лежатъ крестообразно на дорогѣ, когда заяцъ перебѣжитъ путь, когда встрѣтите похороны, и много подобныхъ; всѣ онѣ кажутся мнѣ совершеннымъ суевѣріемъ и безразсудствомъ. И нашъ Балшазаръ вѣритъ въ черные дни, и выдумалъ особенное средство узнавать ихъ, а именно: по ушру, когда онъ одѣвается, спавшись въ одинъ уголъ комнаты двухъ своихъ мальчиковъ, и велитъ имъ держаться на распахнутой своей персиковый фракъ; самъ же спавшись въ противоположномъ углу комнаты, потомъ, закрывъ глаза, и протянувъ руки впередъ, со всѣхъ ногъ кидается къ фракъ; если ему посча-

сплившись попасъ рукою въ рукавъ на сквозь, онъ спановится необыкновенно весель, благодарить обоихъ мальчиковъ, и даже даетъ имъ иногда за прудъ кое какія бездѣлки; когда жъ не попадетъ въ рукавъ, или набѣжитъ на споль или спѣну, то цѣлый день бываетъ угрюмъ и сердитъ, и тогда ни чемъ не лзя его принудить оспанить свои чепыре угла. “

Слушатели не могли удержаться отъ смѣха, при этомъ разсказѣ.

„Вы смѣшесь — продолжалъ Георгъ — а я говорю не шути. А какъ я вѣрю такимъ чернымъ днямъ въ жизни каждаго человѣка, то допускаю ихъ и въ исторіи цѣлыхъ народовъ, и даже всего человѣческаго рода; они оказываютъ свое вліяніе на цѣлые годы, десятки годовъ, и даже спольшія. “

„Ты человѣкъ ученый, Георгъ, — сказалъ Эпшингъ — и потому я не смѣю тебѣ прошивурчить; пустьъ будетъ по своему! — Слава Богу, что мы такъ счастливо опдѣлались отъ нашихъ черныхъ дней; мы должны быть благодарными за то доброму нашему Прокурапору Гизе. “

„Опдѣлались ли мы отъ черныхъ дней, — замѣпилъ Георгъ — это еще важная задача; можетъ быть прошелъ одинъ только часъ. “

Нѣншпедтъ покачалъ задумчиво головою, и произнесъ: „признаюсь вамъ опкровенно, друзья,

что къ этому человеку, къ этому Гизе, я не имѣю полного довѣрія; я могу любить только то, что ясно и просто, а вашъ Прокураторъ Гизе кажется мнѣ неразрѣшимою загадкою. “

„Что у тебя пропивъ него на сердцѣ? — спросилъ съ большимъ удивленіемъ Эппингъ. — Не служишь ли онъ украшеніемъ нашему городу, не превосходишь ли познаніями, образованностію и любезностію всѣхъ нашихъ молодыхъ людей его возраста? Слышалъ ли ты когда нибудь, чтобы въ его поведеніи замѣнили что нибудь предосудительное, чтобы онъ предавался какимъ нибудь порокамъ или безпорядкамъ? “

„Все что ты говоришь — сказалъ Францъ — совершенная правда. Я очень далекъ отъ того, чтобы оспаривать его многія испинно хорошія качества, а говорю только, что онъ для меня часто бываетъ загадкою; случалось, что въ минуты дружескихъ, спокойныхъ разговоровъ съ Гизе, онъ внушалъ въ меня испинную любовь къ нему, и привлекалъ меня непреодолимою силою; но вдругъ какъ бы проглядывало изъ него другое, чуждое существо, и это исполняло меня неизъяснимымъ ужасомъ. “

„Я его не хорошо знаю, — отвѣчалъ Мёллеръ, — но признаюсь, что съ первой минуты своего съ нимъ знакомства, почувствовалъ, что меня какъ

бы опъ него оппалкивало; не могу дать себѣ въ эптомъ опчета, но не въ соспоянці побѣдиль сіе чувство, сколько ни спараюсь. “

„Въ тебѣ это не удивительно, любезный Георгъ, — сказала усмѣхаясь Эппингъ — онъ можетъ перебить тебѣ дорогу къ прекрасной Полинь; тебѣ не худо заранѣе подумать о благоразумномъ опспуленіи. “

„Со всѣмъ нѣтъ, клянусь Богомъ; — возразилъ Мёллеръ, съ нѣкоторою живосцію — ты очень ошибаешься; мысль о свавоспвѣ и женильбѣ мнѣ еще ни когда въ голову не приходила; да еслибы это и случилось, то право не Полина бы спала спушницею моей жизни, и маперью дѣшей моихъ. “

„Опъ чистаго сердца вѣрю тебѣ, Георгъ, опвѣчалъ Францъ.—Но также какъ ты допускаешь черные дни, и я увѣренъ въ нѣкоторомъ врожденномъ чувствѣ, которое одного слабѣе, другаго сильнѣе предупреждаетъ объ угрожающей опасности, которое влечетъ насъ какъ бы волшебствомъ къ доброму, еще неизвѣстному для насъ, и опводитъ опъ зла, хотя бы оно прикрывалось личною добра. А чпобы вы не думали, чпю я несправедливъ къ Маршину Гизе, то узнайте какимъ образомъ во мнѣ дремлющее чувство недовѣрчивосли превратилось въ основательное по-

дозрѣніе. Прошу разсудить: эпопѣя челоуѣкъ, который сего дни однимъ словомъ укротилъ скопляющуюся бурю мятежа, который, при общемъ волненіи, посреди буйства разгоряченной черни, вдругъ возстановилъ пишину и порядокъ, сей самый челоуѣкъ, — я знаю эпо на вѣрное, — втайнѣ разсѣваетъ неудовольствіе, неповиновеніе, и безпорядокъ, а гдѣ не можешь, или не хочешь дѣйствовать самъ, упоупребляетъ своихъ сподвижниковъ: Бринкеновъ, Спенгензенювъ и подобную сволочъ. “

„Удивляюсь — замѣнилъ Эппингъ, въ продолженіи предыдущихъ словъ все ближе подвигавшійся къ говорящему; — но не слишкомъ ли много ты приписываешь Прокуратору? — Увѣренъ ли ты въ томъ что говоришь?“

„Мнѣ кажется, тебѣ должно меня знать, Эппингъ. Къ сожалѣнію я очень въ томъ увѣренъ; а если ты хочешь еще болѣе удостовѣриться въ моихъ словахъ, то тебѣ стоить только навѣстивъ когда нибудь на эпу маперію болшливаго Варео-домея - Бочку. Спрашиваю васъ, любезные друзья, какимъ образомъ согласилъ эпископъ пайныя поджигательства съ нынѣшними городскими происшествіями? Можно ли повѣрить, чтоуобъ Гизе испинно любилъ опечесивенный свой городъ, чтоуобы онъ дѣйствительно намѣревался соспа-

вишь счастье своих согражданъ. Не должно ли скорѣ думать, что онъ имѣеть другія тайныя намѣренія? “

„Но я не вижу, — возразилъ Эппингъ, — къ чему бы ему было спряться. “

„По моему мнѣнью, — отвѣчалъ Францъ, — его заставляеть встать себя такъ двусмысленно одно дѣшское пщеславіе, желаніе явиться въ глазахъ народа его защитникомъ и избавителемъ. “

„Не пщеславіе, — прервалъ его Нисенштедтъ — но честолюбіе. Не лзя назначить границу, до которой можетъ увлечь челоуѣка эгоизмъ вѣчно грызущій червь. Но и пщеславіе, когда оно подвергаетъ опасности спокойствіе и благоденствіе многочислаго города, и даже жизнь его гражданъ, кажется мнѣ пресупленіемъ достойнымъ наказанія. “

Долго еще разговаривали друзья о томъ же предметѣ, пока обычный часъ разлуки не заставилъ ихъ разойтись.

Придя къ Веллинггамъ, Георгъ не засталъ спариковъ дома. Сяндику надобно было условиться съ Бургграфомъ Ейке въ днѣ общаго ихъ отъѣзда въ Польшу; а супруга его воспользовалась симъ случаемъ поспѣшить Бургграфиню. Большая гостиная была освѣщена скудно; одна лампа горѣла на столѣ, за которымъ, съ очками на носу,

и съ молитвенникомъ въ рукахъ, сидѣла шептка Варвара, и дребезжащимъ голосомъ пѣла духовный гимнь; подлѣ нея увидѣлъ Георгъ неподвижное лице Гершруды, а въ другомъ концѣ комнаты Полину и Прокурашора Гизе, которые, казалось, скрыпно о чемъ по между собою шептали. Увидя вошедшаго, добрая старушка привѣтливо пошла на встрѣчу Мёллеру, котораго очень полюбила за его искреннее, почпи нѣжное участіе въ ея пи-помницѣ, и проспранно извиняясь, что въ комнатѣ темно, посправила для него спуль къ сполу, за которымъ сидѣла; Полина вскочила въ смущеніи, какъ бы испугавшись, и почпила гостя привѣтспвіемъ; Гизе также вспалъ съ своего мѣста. Опъ пронцашельнаго взора Георгова не скрылось, что онъ неприятымъ образомъ прервалъ занимательный разговоръ; онъ чувспвовалъ себя, послѣ слышаннаго о Гизе, еще болѣе обыкновеннаго раздосадованнымъ присупспвіемъ этого человека, и его излишнею, какъ ему показалось, коропкостію съ Полинею, и попому, спросивъ о здоровѣ семейспва, лишь только приличіе нѣкоторымъ образомъ позволило, ушелъ изъ этого дома. Едва онъ удалился, шептка Варвара снова начала нескладное свое пѣніе, и снова началось занимательное шеппаніе двухъ молодыхъ людей.

„Съ нынѣшняго дня, — сказалъ Гизе Полинѣ,

— я совершенно увѣренъ въ своей силѣ. Мнѣ спѣшить сказати одно слово, и Рига не спанешъ знатъ Короля; мнѣ спѣшить одного слова, и члены высокой Думы лишашся своихъ мѣстъ, или подвергнутся бѣдствіямъ и изгнанію; мнѣ спѣшить одного слова, и все покорится закону, или тому, что я назначу народу закономъ. “

„Милый мой смѣльчакъ! У меня голова кружится, и невольно бьется сердце, когда я смотрю на высоту, на которой ты стоишь. Сколько свое величіе ни удивляетъ меня, но я лучше бы желала видѣть тебя незамѣтнымъ для другихъ, нежели предметомъ общаго вниманія; мнѣ гораздо утѣшительнѣе видѣть тебя на низкихъ безопасныхъ ступеняхъ, нежели на блистательной, но спрашной высотѣ. “

„Если ты меня любишь, Полина, то не говори мнѣ этого никогда. Я не рожденъ влачиться въ прахъ, не оставляя по себѣ слѣда, и если я дубъ, гордо поднимающій свою вершину надъ низменною жизнью, то будь вѣрнымъ плющемъ, который, крѣпко обвившись вокругъ дуба, съ нимъ вмѣстѣ поднимается къ облакамъ. “

„О, добрый мой Гизе! Прости боязнь женщины, которая спрашивается только оцъ того, что такъ нѣжно тебя любить. “

„И я люблю тебя, Полина, всѣмъ сердцемъ,

но никогда не позволю тебѣ преграждать мнѣ дорогу. Я не могу и не хочу переносить болѣе высокомерія этихъ гордыхъ членовъ Думы. Пора имъ долой съ своей вышины. Я чувствую въ себѣ силы, дажь обепоянелъ снимаю другой видъ, и не будь я Маршынъ Гизе, если не употреблю ихъ въ дѣло. Надупный Ейке и все это сборище гордецовъ должны дрежать передо мною, или пресмыкаться въ прахъ. “

„А опецъ мой? “ — спросила съ робкимъ взглядомъ Полина.

„Опецъ пивой! — вскричала Гизе. — Пожалуста ничего не говори о немъ, чшобъ я не позабылъ, что онъ пивой опецъ. Развѣ онъ не презрѣлъ меня, когда я просилъ пивоей руки? Развѣ онъ не предпочелъ мнѣ пустоголоваго Христофора? Не погоди; ему должно будетъ поспавить себѣ за честь назвать меня своимъ зятемъ. “

Тронутая до глубины души, сидѣла подлѣ него Полина. Внутреннее чувство не позволяло ей согласиться съ любезнымъ; но она не смѣла раздражать его пропшвурѣciemъ. Въ эту минушу зазвенѣвшій у дверей колокольчикъ возвѣспилъ возвращеніе ея родшелей. Въ досадѣ Гизе хотѣлъ шопчасъ уйти, но Синдикъ схватилъ его за руку, и дружески опвелъ къ споронѣ.

„Кажется ны на меня сердшсья, любезный

Маршынъ — сказалъ онъ —; но право ты пропавъ меня несправедливъ. Ты сего дни оказалъ Думѣ большую услугу, и повѣрь: Бургграфъ и члены умѣютъ цѣнить твоей поступокъ, и не оставятъ его безъ награды. И сердечныя твои общюспельства . . . ты меня понимаешь. Ахъ, — если бы я смѣлъ все тебѣ высказать! — Не боюсь, все уладится. “

Тизе слушалъ эти слова съ возрастающимъ удивленіемъ, и собирался отвѣчать; но Синдикъ взялъ уже приготовленную свѣчу, пожелалъ всемъ доброй ночи, и ушелъ въ свою комнату. Вслѣдъ за нимъ оплкаялся и Прокураторъ, и пошелъ въ свое жилище, куда понесъ съ собою много предметовъ для размысленія.

На слѣдующій день явилась въ Рапушу депутація отъ гражданъ, съ убѣдительною просьбою, чѣшбы высокая Дума не допустила ихъ снова понасъ въ руки къ Анпихрису, чрезъ такое нехристіанское дѣло, каково введеніе безбожнаго новаго календаря. Депутація обѣщала отъ имени всѣхъ гражданъ безусловное повиновеніе во всемъ, если только Дума избавитъ ихъ отъ этого преступленія. Но ея просьбы оспались тщетными. Члены слишкомъ боялись денежнаго шпrafa, которыми имъ грозили, а еще болѣе Королевскаго гнѣва, и пошому рѣшеніе ихъ не могло быть благопріятнымъ. Граждане просили тогда дать имъ по крайней мѣрѣ отсрочку, утверждая, что они не могутъ исполнить Королевскаго повелѣнія, безъ

обремененія своею совѣсти, если не посовѣтуются объ этомъ съ своими собратами по вѣрѣ, въ Любекѣ, Ростокѣ и другихъ городахъ.

Но и въ томъ было опказано. Когда же депутаты не переспавали наснаивать въ своей просьбѣ, Бургграфъ разсердясь сказалъ имъ: „Дума и духовенство опредѣлили исполнить Королевское повелѣнiе, принявъ новый календарь и впредь во всемъ ему слѣдовать. Пусть дѣлаютъ граждане что хотятъ, но они же и будутъ отвѣчать за свое упорство головами.“ — Послѣ сихъ словъ, онъ велѣлъ посланнымъ идти. Депутация удалась съ неудовольствiемъ и огорченiемъ, и снова умы пришли въ безпокойство. Въ томъ же день Ейке и Веллингъ отправились въ Польшу просить у Короля позволенiя учредить новую ярмарку. Хотя первый изъ нихъ предпринималъ эту поѣздку, для удовлетворенiя многихъ желанiй честолюбивой души, а послѣднiй, для облегченiя своей совѣсти отъ многихъ превозжившихъ его сомнѣнiй, но сiи побочные виды были скрыты въ сердцахъ ихъ, какъ глубокая тайна.

Въ одно Воскресенье, недѣли за чепыре предъ Рождествомъ, во всѣхъ церквахъ, въ Ригѣ и въ обласи, возвѣстили съ каедръ введенiе Григорiанскаго календаря, при чемъ увѣщевали народъ къ спокойствию и повиновенiю, и внушали ему,

что сей Королевской волею можно последовать без всякаго опягощенія совѣсти, какъ въ дѣлѣ, соспавляющемъ только новое гражданское учрежденіе. Но увѣщаніи проповѣдывали глухимъ ушамъ; граждане, а особенно въ Ригѣ, продолжали слѣдовать старому Юліанскому календарю. Наконецъ приблизилось время, когда должно было праздновать Рождество Христово по новому стилю. Но ни малѣйшее движеніе въ городѣ не предвѣщало близости праздника; нигдѣ не видно было, чтобы молодья служанки убирали и чистили; окна остались не вымытыми, и все шло по буднему; на улицахъ не видно было множества этихъ лавокъ, которыя, обыкновенно передъ Рождествомъ, привлекали прежде иѣжныхъ маменокъ пылевыми блистающими свѣчей, наполнявшихъ сердца ихъ маленько предчувствіемъ праздничныхъ подарковъ.

Въ установленный по новому календарю день праздника, со всѣхъ городскихъ колоколенъ раздался торжественный гулъ благовѣста. Пасторы оправились въ праздничныхъ ризахъ въ церкви; но лавки въ нихъ остались пустыми; лишь кой гдѣ видны были члены городской Думы съ своими супругами, или нищая бранія, которая готова взять всякую сторону, когда надѣется выиграть. Въ церквахъ казалось какъ будто все въ городѣ вымерло; но тамъ живѣе было на площадяхъ и ули-

цахъ ; какъ будто нарочно изъ противурѣчія правительству, ежедневныя дѣла шли лучше обыкновеннаго. Здѣсь носильщики, пробираясь подъ тяжелыми ношами по узкимъ улицамъ, ревѣли грубымъ басомъ : *берегись, берегись!* — шамъ мелочная шорговка поненькимъ рѣзкимъ голоскомъ предлагала проходящимъ свой поварь ; въ кузницахъ молотки звенѣли по наковальнямъ ; бочарь, передъ своею мастерскою, вертелъ въ разныя стороны дымящуюся бочку, на копорую громкими ударами наколачивалъ обручи ; въ лавкахъ, кушцы стояли въ будничномъ плащѣ, и опшправляли шоргъ по обыкновенному ; всѣ масперовые сидѣли въ своихъ масперскихъ, и прилежною работою казалось наперерывъ хотѣли доказать свое православіе. По улицамъ шаталась однако шумная толпа праздныхъ подмасперьевъ, съ дудками и бубнами, подыгрывая на нихъ браннымъ своимъ пѣнямъ ; съ крикомъ, ругательствами и смѣхомъ провожала ее вереница уличныхъ бродягъ. Со стороны Думы не было принято никакихъ мѣръ, для ограниченія этихъ беспорядковъ ; ибо, въ отсутствіе Ейке, членамъ ея не доставало твердости и рѣшительности, опважились на что либо противъ гражданъ, и безъ того возстановленныхъ противъ правительства, а многіе изъ нихъ даже радовались впасть такой привязанности къ старому,

по тогдашнимъ понятіямъ, православному календарю.

Наступающая ночь, казалось, прекратила эту суматоху на улицахъ, и все предалось сну. Но вдругъ въ полночь ударили въ набатъ, и жители Риги пробудились отъ крапкого усыпленія. Всѣ выбѣжали изъ своихъ домовъ. Спалкивались другъ съ другомъ, кричали, спрашивали, суешились, пока наконецъ узнали, что въ набатъ били на Иезуитской церкви. Около нея нашли уже спражу, весьма дѣятельно разгоняющую шумящій народъ, изъ котораго большая часть была не въ презвомъ видѣ. Среди смѣшаннаго крика, слышны были, съ одной стороны, жалобы и сѣпованіе святыхъ опцовъ, а съ другой радостныя восклицанія, смѣхъ и ругательныя пѣсни безразсудной черни, или вопли людей ушибенныхъ камнями, а въ промежуткахъ всего этого, проклятія, брань и удары спражи, которая наконецъ успѣла, хотя не безъ труда и насилія, разогнать волнующійся народъ. Велѣдъ за симъ узнали, что та же буйная челядь, которая днемъ надѣлала столько безчинствъ на улицахъ, появилась ночью у Иезуитской церкви, напала на нее, пустила камнями въ ея старость, и изломала въ ней всѣ скамьи. Не удовольствовавшись симъ, неистовые разломали освященные сосуды, осквернили, возможнымъ образомъ, свя-

ценныя мѣста, и приступили было къ брашьямъ общества Иисусова; но одинъ изъ сихъ послѣднихъ успѣлъ уйти, и ударивъ въ набатъ, призвалъ городскую стражу. Когда толпа разсѣлась, то, хѣтя на улицахъ мало по малу утишилось, изъ предосторожности послали у Иезуитской церкви сильный караулъ. Слѣдующіе дни прошли спокойно; а между тѣмъ приспѣлъ день стараго праздника. Туть начались приготовленія и убираніе. Окна вымыли; улицы вывели; скоро появились лавки съ блистающими свѣчами и безчисленными игрушками, между которыми въ эпоху разъ было множество шуточныхъ изображеній, относившихся къ послѣднимъ городскимъ происшествіямъ. Въ сочельникъ передъ Рождествомъ, очень рано утромъ, явилась передъ домомъ дежурнаго Бургомистра Петра Шоплера депутація, изъ двадцати почтеннѣйшихъ гражданъ, изъ которыхъ однако же только шесть первостепенныхъ вошли въ домъ; прочіе оспались на улицѣ, въ ожиданіи рѣшенія. Граждане были приняты съ уваженіемъ и вниманіемъ. Они просили Бургомистра позволить имъ, по случаю приближенія настоящаго Рождества Христова, праздновать достойнымъ образомъ сочельникъ и самый день Рождества, посредствомъ богослуженія. Хѣтя добрый старикъ охотно желалъ бы споспѣшествовать имъ, но не могъ не

отказавъ въ ихъ просьбѣ. Тогда выступилъ впередъ оловяничникъ Кириакъ Клиникъ, семидесятилѣтній спарикъ, и сказалъ: „Вы не молоденькій мальчикъ, г. Бургомиспръ; но я былъ уже гражданиномъ и масперомъ, когда вы еще ѣздили верхомъ на палочкѣ. И такъ прошу васъ: не пустите словъ спарика на въперъ. Грѣхъ и спыдно, что Дума и духовенство хоятъ опнасть опъ истиннаго свѣта, и обратились опять ко тьмѣ Каполической. Господь Иисусъ Христосъ могъ родиться только однажды, и это событіе празднуется съ незапамятныхъ временъ въ завпрешній день. Склонитесь же на нашу просьбу, и позволите намъ поступать по древнему обычаю.“

„Ахъ, любезные дѣти,—возразилъ Пепръ Шоплеръ,—повѣрьте, что новый порядокъ вовсе мнѣ не по сердцу; но что дѣлать? Спрогій нашъ повелитель, Король, приказалъ, подъ опасеніемъ тяжкаго штрафа за ослушаніе, слѣдовать новому календарю, и мы должны повиноваться. По крайней мѣрѣ я съ своей стороны не долженъ прекословить ни малѣйшимъ образомъ. Однакожь я созову высокую Думу, и послѣ обѣда вы узнаете рѣшеніе.“

За сѣмъ онъ оппустилъ гражданъ, дружественно пожавъ каждому изъ ихъ по очереди руку.

Въ назначенный часъ депутаты пришли

опять, и имъ объявили, что Рождество уже прошло и не можетъ праздноваться дважды.

Не смотря на это, около вечереи граждане, съ своими женами и дѣтьми, собрались въ обѣихъ главныхъ церквахъ, но безъ звона; мальчики вошли на хоры, зажгли на алтарѣ свѣчи, и богослуженіе началось. Въ соборной церкви, въ числѣ сошедшихся гражданъ, находились Ректоръ Мёллеръ съ Конректоромъ Русціусомъ, и за отсутствіемъ Регента, который былъ угодникомъ Бургграфа, старшій Клинкъ началъ обычное праздничное пѣніе. Хотя не явилось проповѣдника; но опъ того не менѣе въ сердцѣ каждаго господствовало чистое, искреннее благоговѣніе; глубокія чувствованія и душевная скорбь такъ овладѣли присутствующими, что пѣніе прерывалось плачемъ и рыданіемъ.

Когда собраніе разошлось, Ректоръ сказалъ своимъ ученикамъ, чтобы, по случаю наступленія наступающаго праздника Рождества Христова, они пришли въ училище, послушать отъ него утѣшительныхъ повѣствованій о младенцѣ Иисусѣ. Дѣти сообщили объ этомъ своимъ родителямъ, и въ день праздника училищная зала наполнилась не только учениками, но и множествомъ взрослыхъ. Ректоръ, нѣсколько оробѣвшій съ перваго взгляда на столь большое собраніе слушателей,

сказаль, что звалъ къ себѣ только своихъ учениковъ, но если и взрослые стеклись къ нему въ такомъ множествѣ, то конечно не можешь ихъ выгнать, а попому во имя Божіе начнешь свое поученіе. После сего, онъ велѣлъ пропѣть пѣснь Рождеству, и спалъ говорилъ на одинъ библейскій текстъ. Когда, по окончаніи слова, вторично пропѣли пѣснь, собраніе разошлось съ утѣшеніемъ и умиленіемъ. Эпо произшествіе обратило на себя вниманіе. Всѣ жители города превозносили похвалами любимаго ими Ректора, и осыпали порицаніями высокую Думу и забывшихъ свою обязанность вѣроломныхъ, какъ они называли, проповѣдниковъ. Эпо побудило Оберъ-Пастора Нейнера жаловаться Думѣ на публичное присвоеніе Ректоромъ званія проповѣдника, чрезъ что не только подвергалось униженію достоинство духовнаго сана, но и народъ еще болѣе утверждался въ своемъ упорствѣ и сопротивленіи. Высокая Дума отправила къ Ректору Секретаря и двухъ Соѣзниковъ запрешить ему проповѣдовать. Первый былъ Христофоръ, сынъ Бургомистра, достигшій сего мѣста, не смотря на свою молодость, благодаря власти почти деспотической, которую присвоилъ себѣ въ Думѣ отецъ его. Онъ весьма радовался случаю явиться въ качествѣ судьи къ человѣку, предъ которымъ не за долго

дрожалъ на училищной лавкѣ. Ректоръ, говорившій ласково только съ лучшими своими учениками, какимъ Ейке никогда не былъ, а съ прочими обращавшійся съ учительскою строгостію, сохранялъ въ отношеніи къ нимъ это обыкновеніе долго еще спустя по выходѣ ихъ изъ училища. И потому, когда молодой Ейке, въ сопровожденіи двухъ Соплятниковъ, съ важностію вошелъ въ комнату Ректора, онъ не вставая съ своихъ дѣдовскихъ кресель, и не снимая съ головы колпака, закричалъ ему на встрѣчу: „что скажешь, дружокъ? откуда тебя Богъ принесъ?“

Молодой человѣкъ, полный чувствованіемъ высокаго своего достоинства, вспыхнулъ гнѣвомъ, слыша что съ нимъ осмѣливаются говорить шагъ унижительно. Онъ поднялъ голову на вершокъ выше, и произнесъ съ большою гордостію, выразившеюся въ голосъ и пѣлдвиженіяхъ: „я пришелъ запретить вамъ ваше пропивузаконное и возмутительное проповѣдованіе.“

„Что? — вскричалъ Ректоръ, не слыхавшій подобныхъ рѣчей, въ продолженіи многихъ лѣтъ неограниченной своей власти надъ учениками, покраснѣвъ отъ досады — ты — мнѣ запретить? — Ахъ ты молокососъ! Тебѣ бы еще сидѣть въ школѣ на лавкѣ, и пвердить зады, а не запрещать своему начальнику.“

„Вы позабываете, г. Ректоръ, — возразилъ Ейке, пренеся всѣми членами ошь гнѣва, — что я спую передъ вами, какъ вашъ начальникъ, будучи посланъ ошь высокой Думы возбранить вамъ неприличныя ваши проповѣди.“

Спарикъ въ нешерпѣннѣи вскочилъ съ кресель; кулаки его невольно сжались. „Клянусь моимъ создашелемъ — закричалъ онь громкимъ голосомъ, наскочивъ на испуганнаго Христофора — въ Иерихонъ бы послалъ шебя Думъ, пока бы у шебя опросла борода (*), и молоко на губахъ обсохло, а не къ Ректору Мёллеру; что жъ касается до проповѣдей моихъ, то скажи высокой Думъ, что Ректоръ Мёллеръ, сколько возможность позво-литъ, будетъ ежечасно проповѣдовать своимъ ученикамъ, и поучать ихъ, какъ пребуешь его обязанность. Я же звалъ къ себѣ однихъ дѣпей; но слушать не могу запрешить никому. Посмотрижь гдѣ двери, и не заславъ меня уопребишь хозяйскаго права.“

Невнятно ворча сквозь зубы, и разрываясь ошь гнѣва, молодой человекъ обратился вспянь, и оба Совѣтника, по видимому ошь души забавлявшіеся уничиженнымъ высокомѣремъ своего товарища, послѣдовали за нимъ молча, но едва удер-

(*) Выраженіе священнаго писанія.

живаясь опть смѣха. Раздраженный Ректоръ казалось и не замѣнилъ ихъ, устремивъ все вниманіе на горделиваго прежняго своего ученика; а Ейке повлялся, впаишь, въ потошь же день опомспитиь бывшему своему наспавнику.

Въ это время умеръ старый Деппенброкъ, и члены высокои Думы, купечество, почетные граждане, духовенство и учителя, съ своими учениками, собрались въ церковь С. Петра, для преданія землѣ пѣла сего почтеннаго гражданина. Предъ началомъ обряда, Оберъ-Паспоръ Нейнершъ велѣлъ одному изъ учениковъ сказать Ректору, чтобы онъ не уходилъ по окончаніи, подъ предлогомъ, что ему нужно поговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ. Ректоръ исполнилъ это требованіе, и послѣ похоронъ пошелъ къ Нейнершу, которишъ сообщилъ ему голосомъ нѣсколько важнымъ и повелительнымъ, что по волѣ Короля, Іезуиты на дняхъ опікроютъ коллегію, почему возлагалъ на Мёллера отвѣтственность за его питомцевъ, если они спанутъ при этомъ случаѣ шумѣть и проказничать. Старый, вспыльчивый Ректоръ, почитавшій учрежденіе Іезуитской коллегіи великимъ зломъ, разгорячился и высказалъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, не обинуясь; онъ даже оскорбилъ своего начальника, довольно ясно укоряя церковныхъ старшихъ и паспырей

душъ, забывающихъ свои обязанности и допускающихъ такое беззаконіе. Оберъ-Паспоръ опвѣчалъ корошко и съ снрогоспїю, что этого желаетъ Король, и что Рекпоръ долженъ подавать собою городу, а особенно ввѣренному ему юношеству, примѣръ повиновенія, какъ въ наспоющемъ случаѣ, такъ и въ введеніи Григоріанскаго календаря, дабы не возбудилъ Королевскаго гнѣва дальнѣйшимъ прекословіемъ.

„О! — возразилъ Рекпоръ — Королю слишкомъ много дѣла, чтобы заботиться о календарѣ, или объ Іезуитской коллегіи, а если онъ въ самомъ дѣлѣ о нихъ думаетъ, то нарушаетъ свою клятву. Я долженъ беречь свою совѣсть, а не обременять ее. Бога я боюсь больше, нежели Королевскаго гнѣва.“

Сказавъ это, Мёллеръ обернулся съ досадою, и пошелъ своею дорогою.

На слѣдующій день его потребовали въ Думу, по жалобѣ Оберъ-Паспора, для оправданія въ своихъ поступкахъ. Онъ признался откровенно, что въ сердцахъ забылся противъ своего начальника, но будучи слишкомъ взволнованъ, въ продолженіи сего объясненія, не могъ вспомнить собственныхъ произнесенныхъ имъ возраженій, и упорно утверждалъ, что не называлъ Короля клятвеннопреступникомъ. Дума не рѣшилась произнести въ семь

дѣль своего заключенія, и опложила его до возвращенія Бургграфа. Онъ приѣхалъ въ исходѣ Декабря (по старому стилю) 1585 года. Ейке тотчасъ узналъ отъ Оберъ-Секретаря Канце о случившихся въ опсусспивіи его безпорядкахъ, а Христофоръ и Нейнерпъ сильно жаловались ему на Ректора Мёллера. Гордый Ейке рѣшился жестоко опмсипиць этому челоувѣку, оскорбившему самого его, въ лицѣ его сына.

Подобно Рождеспву, и новыѣ годъ, по старому стилю (это пришлось въ январю), Рижскіе граждане поржеспввали самовольными, многочисленными собраніями въ церквахъ, въ которыхъ происходило духовное пѣніе, но не было говорено проповѣдей. Въ слѣдующій за пѣмъ день они продолжали праздновать. Цѣховые мастера съ своими подмастерьями оставили работу, и въ пипейныхъ домахъ справляли новыѣ годъ. По сей причинѣ и у Варѣоломея — Бочки сборище было многочисленнѣе обыкновеннаго; всѣ комнаты были полны госпями, и въ господскѣй комнатѣ (такъ называлъ хозяинъ комнату, назначенную для приема лучшихъ посѣщителей) всѣ сполы были заняты. Эппингъ также былъ тамъ, но, не занимая ни у одного стола опредѣленнаго мѣста, разговаривалъ по съ пѣмъ, по съ другимъ изъ старшихъ гражданъ, или любовался порхающею по-

всюду Анхень, которая не рѣдко пропускала мимо ушей призывный звукъ кружечной крышки, когда молодой человекъ мимоходомъ ласково бралъ ее за руку, или шепталъ ей дружественныя привѣтствія. Особенно оживленъ былъ разговоръ за длиннымъ и широкимъ дубовымъ столомъ, за которыми громкіе кулачные удары возвѣщали присутствіе Бринкена, и слышенъ былъ чей-то дребезжащій, пискливый голосъ. Онъ исходилъ изъ устъ сухощаваго, оборваннаго и запачканнаго собесѣдника, котораго прочіе называли Магистромъ, отъ того, что подъ предлогомъ ученья, онъ прошаптался годъ въ одномъ городѣ, гдѣ находился Университетъ, хотя былъ послѣдно выгнанъ изъ перваго, не побывавъ еще и въ преддверіи наукъ. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ своемъ опечесивенномъ городѣ Ригѣ, былъ употребляемъ въ немъ на всѣ возможныя дѣла, и умѣлъ прослыть въ народѣ великимъ ученымъ. Опвисшая нижняя губа, синій широкій носъ и впавшіе, обведенные красными кругами глаза очень ясно показывали какое употребленіе сдѣлалъ онъ изъ нажитыхъ имъ своимъ ремесломъ денегъ.

„Вопь видите ли—продолжалъ онъ—не правду ли я вамъ говорю? Что они спануть дѣлашь, если мы не захопимъ? Ничего; повѣрьте мнѣ въ этомъ.“

„Да, еслибы Короля не было.“ — отвѣчалъ другой голосъ.

„Какъ бы не такъ! — Король! — Нѣтъ; онъ далеко отсюда. — А съ горстью скоповъ въ замкъ намъ не мудрено справиться. Король ничего и не знаетъ о всей черновщинѣ; эпо соспрямили попы, съ Ейке и съ другими подлецами. Дума также нѣчего намъ приказывать; насъ въдесятеро больше, нежели вся Дума.“

„Какъ? что такое?“ — спросилъ толстый шкачъ, сидѣвшій, облокотясь на споль, прошивъ говорящаго, и казалось слушавшій его со вниманіемъ.

„Э! да эпо маленькой ребенокъ поймешь. — Кто прежде былъ: граждане или Дума?“

„Ей, ей! не знаю.“ отвѣчалъ шкачъ.

„Само по себѣ: граждане — продолжалъ Магиспръ. — А кто установилъ кого: Дума ли граждане, или граждане Думу?“

„По моей догадкѣ: граждане Думу.“

„И такъ очевидно, что Дума должна и повиноваться гражданамъ.“

„Э, Магиспръ! эпо что то не такъ; — сказалъ шкачъ покачавъ головою — за чѣмъ же мы присягали, и за чѣмъ было чинано, что мы должны повиноваться и покоряться Думѣ, какъ своему начальству?“

„Ну вотъ ты опять понесъ чепуху. Постой, я объясню тебѣ это примѣромъ. Чипываль ли ты, что ты долженъ повиноваться и покоряться отцу и матери? “

„Какъ же! это написано въ каптехизисѣ. “

„Ну, а если отецъ тебѣ скажетъ: поди перерѣжь горло куму банмачнику? “

„О, конечно я не пойду. “

„А по чему? “

„Потому, что если я это сдѣлаю, то меня повѣсятъ. “

„А за что тебя повѣсятъ? “

„Ей Богу! не знаю. “

„Куда ты просишь, голубчикъ! Ну да за шею; надѣнуешь на нее петлю изъ веревки, а другой конецъ прикрѣпляютъ къ вислицѣ. — Следовательно Дума должна насъ слушаться, а не мы Думу. Разобралъ ли ты теперь? “

„Понимаю, понимаю — пробормоталъ полсильный плачь со смѣхомъ — дѣло ясное. Таково то: съ ученымъ человекомъ: какъ въ ротъ положить. Анна! подай г. Магистру еще кружку, на мой счетъ. “

Почти въ тоже время послышался другой голосъ: „какъ левъ есть свирѣпый звѣрь, такъ мы должны покаяться въ грѣхахъ нашихъ, а Магистръ оседь! “

Громкій смѣхъ послѣдоваль за симъ правильнымъ силлогизмомъ. Ударивъ кулакомъ по столу пакъ, что онъ задрожаль, завопилъ Бринкенъ: „проваль меня возьми, если Спенгензенъ не говоритъ правды, — Магиспръ осель. “ — Озадаченный пикачъ посмолпрѣль вокругъ себя, а Магиспръ, вскочивъ съ своего мѣсна съ грозными ужимками, началъ кричать и бранишься необычайнымъ образомъ. Бринкенъ уже собирался привесипи въ дѣйствіе свои кулаки, какъ прочіе собесѣдники вспушились въ ссору, и водворили пишину.

Тогда Спенгензенъ продолжалъ: „я знаю, Магиспръ, что ты хотѣль сказать своимъ примѣромъ: кумъ Брапшель не спанеть рѣзать башмачника потому, что это грѣхъ; а мы не спанемъ слушашься Думы и не примемъ новаго календаря, потому что это еще больше грѣхъ, грѣхъ пропивъ Святаго духа. А во всемъ этомъ виноваты приятели Иезуитовъ: Таспиусъ, Веллингъ, Канне, а всѣхъ болѣе нововышеченный Бургграфъ. “

„Да, — прибавилъ Бринкенъ — эпомъ Бургграфъ мнѣ и всѣмъ намъ давно ужъ какъ бѣльмо въ глазу. У меня еспи на примѣштъ другой человекъ на его мѣсто, гораздо лучше его, хотя онъ шеперь только Прокураторъ; онъ ужъ вѣрно будетъ охранять права гражданъ, и пособишь всей этой безпорядицѣ. “

„Да, ей Богу такъ! — подхватилъ Спенгензень — Прокураторъ Гизе Онъ любитъ гражданъ больше самого себя.“

„За здоровье Маршына Гизе, друзья!“ — закричалъ Магистръ, и граждане единодушно приняли эшопъ вызовъ.

„Будь онъ Бургграфомъ!“ — проревѣлъ Брикенъ, и осушилъ свою кружку до капли.

„А всю высокую Думу — продолжалъ Спенгензень — смѣнишь. Развѣ это не клятвопресупнико и не пропивузаконно, чпо насъ хопяшь принудить оппасшь опъ испинной вѣры?“

„Грѣхъ и спыдъ!“ — раздались многіе голоса. — „Но до этого никогда не дойдемъ; мы не выдадимъ своихъ правъ.“ — прибавили другіе.

„Мы ужъ оппраздновали Рождество и новый годъ по старой православной вѣрѣ — сказалъ старый Кликъ. — Съ Божією помощію такъ и впредь будешь.“

„А вы прекрасно опправили должность регента; — замѣнилъ пкачъ — по чесли вы такъ хорошо пѣли, какъ ангель.“

„Ну, сойдемъ; вѣдь ужъ я старъ: голосъ не служилъ. — А музыку знаю наизусть. Если бы еще у насъ былъ проповѣдникъ!“

„Да, — опвѣчалъ Споляръ Браунсъ — проповѣдника по въ церкви не было. Вамъ бы пришлось

въ училищную залу; вы бы тамъ услышали тако-
го проповѣдника, какого всѣ наши вмѣстѣ не
споятъ. “

„Да, нѣчего сказать — промолвилъ привѣт-
ливой наружности, довольно пожилой человекъ,
сидѣвшій до тѣхъ поръ въ молчаніи. — Почтен-
ный мужъ говорилъ очень поучительно и прога-
пельно; и я его слышала; онъ проповѣдовалъ на
одинъ текстъ изъ бібліи. Какой бишь эпостъ
текстъ? Да, почто! — *да пребудетъ съ
вами слово Господне.* — Во всемъ собраніи ни одно-
го глаза не осталось сухого. “

„Да нашъ господинъ Ректоръ славный чело-
вѣкъ. “ — раздалось нѣсколько голосовъ. — „За
здоровье г. Ректора! “

„Дѣло, дѣло! “ — закричали съ ближняго
стола. — „За здоровье Ректора, еще! “

„И еще за здоровье Ректора! “ — провозгла-
сили за другими столами.

Анхенъ не кричала съ прочими, но оптерла
глаза передникомъ.

Тогда вошелъ въ комнату Гизе. — „Добраго
вечера, дѣшпи! — сказала онъ ласково. — О, да здѣсь
весело! — Можно бытъ вашимъ собесѣдникомъ?“

„Къ вашимъ услугамъ, къ вашимъ услугамъ,
г. Прокураторъ! — отвѣчали многіе разомъ —

Мы пьемъ за здоровье добрыхъ людей, а за ваше пили прежде всего. “

„Благодарю, благодарю! — сказала Маршынъ Гизе съ привлекательною улыбкою. — Позвольте же и мнѣ опивѣчать вамъ шѣмъ же. “ — Онъ велѣлъ принести себѣ кружку, и возгласилъ: „за здоровье добрыхъ гражданъ, за здоровье нашихъ вольностей! “

Оглушительный, радостный кликъ гостей сопровождалъ эпошъ поспѣ.

Послѣ сего подошелъ къ Гизе Бринкенъ, пожалъ ему руку, и спросилъ: „что новенькаго, Маршынъ? “

„По обыкновенію, не много хорошаго. Третьяго дни вечеромъ возвратились Ейке и Веллингъ; а сего дни, какъ я узналъ, Рекшора Мёлера посадили подъ стражу. “

„Какъ? что? “ — вскричали вдругъ многіе изъ поспѣшителей, пропянувъ головы, чѣмъ лучше слышать, и эпо известіе, какъ бѣглый огонь, распространилось опъ спела къ сполу, изъ ушей въ уши; всѣ частные разговоры прекратились и успунили мѣсто общему смѣшанному говору. Между шѣмъ Гизе опвелъ Бринкена въ опдаленный уголь, и сказалъ какъ можно нише: „будь готовъ, Гансъ! Сего дни могутъ случиться важныя происшествія. Хотя и по дѣламъ школьному царю,

что его гордость унизили; но намъ не должно упускать благоприятнаго случая; предупреди объ этомъ Спенгензена, Магистра и другихъ; но будь остороженъ. “

Въ эту минуту съ большимъ шумомъ растворились двери. — „Братья и товарищи, сюда!“ — раздался громкій грубый голосъ, и удивленнымъ взорамъ представилось пламенное лице и сверкающіе глаза Госвина Боне.

Его осыпали тысячью вопросовъ: „что такое случилось? — не пожаръ ли? — гдѣ горитъ?“ — Гизе схватилъ пришедшаго за руку, и сказалъ: „скажи намъ поскорѣе, Боне, что такое случилось?“

„Что случилось? — отвѣчалъ онъ. — Ректора похитили въ Рапушу, и въ эту ночь казнятъ; ужъ и палачъ готовъ.“

Сии слова были электрическимъ ударомъ для всего собранія; всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ; поднялся невнятный шумъ, который поспешенно усиливался, какъ гулъ бури. Все успремидось къ дверямъ, и въ нѣсколько минутъ въ комнату, передъ тѣмъ споль многолюдной и оживленной, какъ будто все вымерло; Анхенъ упала на скамью, въ состояніи подобномъ обмороку; Бочка-Вареоломей въ большомъ смущеніи поглядывалъ на свои палочки съ мѣлками.

На улицахъ между тѣмъ происходили необыкновенное смяшеніе и суматоха. Всѣ бѣгали и суетились, осыпали другъ друга вопросами, кричали, бранились, смѣялись, и никто не зналъ насстоящимъ образомъ, чего ему надобно. Самыя большія толпы успремились на площадь.

Эппингъ пошелъ ближайшею дорогою къ жилищу своего друга Георга, уведомивъ его о томъ, что сей часъ слышалъ, и помочь ему, въ чемъ нужно, дѣломъ и совѣтомъ. Не найдя его дома, онъ поспѣшилъ къ Рапушѣ. Тамъ онъ вдругъ услышалъ звуки превоги, и въ это время раздался набатъ со всѣхъ колоколенъ города. Съ испревоженнымъ духомъ доспигъ онъ наконецъ площади, и очутился въ большой пѣсенокъ, среди мяшущагося народа. Тысячи голосовъ кричали вмѣстѣ; вдругъ опшорилось въ Рапушѣ окно. — „Послушайте, дѣпи, послушайте!“ — раздалось опшуда, и когда узнали голосъ любимаго всѣми Рекпора, буйные вопли смѣнились мертвоею тишиною, и можно было слышать дыханіе каждаго.

„Послушайте, любезные дѣпи! — закричалъ Рекпоръ народу. — Вы собрались сюда для меня; но я прошу васъ, ради Бога: разоидитесь по домамъ. Я совершенно внѣ опасности; дѣло мое правое; только ваше смяшеніе можете повредить ему; а попому убѣдительно васъ прошу еще

разъ: спупайте скорѣ по домамъ. Судьба моя въ руцѣ Божіей; Онъ все приведетъ къ концу благополучному. “

Какъ бы волшебствомъ подѣйствовала эта рѣчь; все приготовилось къ мирному возвращенію. Вдругъ раздался полсый басъ: „пвой палачъ уже въ Рапушѣ, и завтра все будетъ поздно. “

Эпо воззваніе было бурею для погасающаго пламени. — „Огонь, огонь! Рапуша горитъ. “ — раздалось въ полѣ. Другіе кричали: „давайте сюда лѣспницъ! давайте лѣспницъ! несите багры!“ — Ужасный спукъ возникъ у запертыхъ дверей Рапуши, которыя наконецъ, успунивъ соединеннымъ усиліямъ, съ прескомъ вылетѣли. Черезъ нѣсколько минутъ потомъ, ученики спаршихъ классовъ, бывшіе изъ первыхъ въ приступѣ къ дому, вынесли на рукахъ возлюбленнаго своего учителя. Раздались многочисленныя клики: „да здравствуетъ!“ , и вереница вооруженныхъ гражданъ попянулась за Рекпоромъ къ его дому, для защиты его отъ всякаго нападенія. Хотя спарика Мёллера и освободили; но не удовольспвовавшись эпимъ, граждане почипали себя обязанными опмснить за него. Нейнерпа всѣ почипали врагомъ Рекпора, и виновникомъ его несчастія, и потому успремились прежде всего къ его дому. Шумъ на улицѣ, крикъ и бѣгопня возбудили лю-

большество Оберъ-Пастора. Онъ вышелъ за ворота посмотрѣть, что это такое, и увидѣлъ кучу людей, несущуюся прямо къ его дому, съ бердышами, понорами, баграми и кольями. Предчувствуя ихъ намѣреніе, онъ бѣжиль назадъ и запираетъ за собою двери. Но въ одну минуту онъ выломаны, и народъ разсыпается по всемъ комнатамъ довольно обширнаго зданія. Тогда началось опустошеніе: все окна выбили, все сундуки, ящики, шкафы изломали; всякій бралъ что ему хопѣлось; чего не могли унести, порпили и испребляли; драгоценныя книги, составлявшія библиотеку Пастора, изорвали и запачкали чернилами и грязью; но самого хозяина нигдѣ не могли найсти. Вдругъ раздалось изъ одного погреба: „сюда, сюда! — здѣсь, здѣсь! — звѣрь въ норѣ.“ — Одинъ мальчикъ забѣжавшій съ горящимъ факеломъ въ погребъ, нашелъ муфлю, поперяиную Пасторомъ въ послѣднюю ночь бѣгства, а скоро потомъ опыскалъ за пивною бочкою и ея хозяина, котораго давалъ ему палеръ, чтобы онъ молчалъ; но мальчикъ не взялъ денегъ, и спалъ кричанъ изъ всей силы. На голосъ его все сконище бросилось въ погребъ; несчастнаго вытащили изъ его убѣжища, на улицу. Нѣкоторые изъ враговъ его оспались въ погребѣ насладились пивомъ, виномъ и медомъ; другіе съ ругательствами повлекли даже свою

жертву, истощая надъ нею всѣ роды оскорбленія. — „Убейте проклятаго Калвиниста!“ — закричалъ наконецъ одинъ; другіе повторили это восклицаніе, и какой то несповыйъ бросился съ огромнымъ мечемъ на Паспора, чтобы разрубить ему голову, но не понавъ, ударилъ по споявшему вблизи дереву, съ такою силою, что едва могъ выплацишь изъ него свой мечъ. Другіе удары, хотя менѣе опасные, направлены лучше, и чрезъ нѣсколько минутъ несчастный, покрытый ранами, падаетъ на землю. — „Къ Ейке, къ Ейке!“ — раздаюсь вдругъ нѣсколько голосовъ, и бѣснующіеся спремаясь съ воплями къ назначенному мѣсту. Но Бургграфъ предвидѣлъ нападеніе; вороша не только были у него крѣпко запершы, но и завалены изнутри разнымъ скарбомъ. Не смотря на то, они не долго пропивились сильнымъ напискавъ нападающихъ, и наконецъ упали; все взгроможденное посычалось на послѣднихъ, и народъ, подобно опустошительному наводненію, распреспранился по дому. Съ ожеспоченіемъ опыскивали повсюду Ейке, и неизбежная гибель ему угрожала, въ случаѣ услыха враговъ его; но услышавъ прескъ своихъ ворошь, онъ убѣжалъ на кровлю, и опшпуда перескочилъ на сосѣдній домъ. Чернь бѣсновалась по всѣмъ комнатамъ проспраннаго пущаго дома; все было расхищено или ис-

преблено; драгоценныя карпины, украшавшія жилище богатаго Ейке, были сорваны со стѣнъ, испопшаны ногами и изорваны, вся посуда и мебель уничтожены; ни одной вещи не пощадилъ въ домѣ. Когда ужъ ничего не оспалось, необузданные бросились оляпъ на улицу опыскивать другихъ жерпвъ своему изступленію.

Георгъ между тѣмъ не зналъ ничего ни о взятіи своего опца подъ спражу, ни объ его освобожденіи, ни о послѣдовавшихъ за тѣмъ происшествіяхъ. По обыкновенію, скоро послѣ обѣда, пошелъ онъ въ домъ Веллингъ, куда, по отдаленности мѣста, не достигалъ буйсивенный шумъ съ площади и главныхъ улицъ. Онъ нашелъ Полину ласковѣе обыкновеннаго, и даже въ нѣсколько лѣжномъ расположеніи духа; ему казалось иногда какъ будто она успремляла на него взоръ ищущій довѣрія. Синдикъ возвратился изъ своего путешествія чрезвычайно веселымъ. Онъ много рассказывалъ о Королѣ, объ улучшеніяхъ предпринимаемыхъ имъ въ Ригѣ, о благосклонности и опличіи, съ копорыми онъ и Ейке были имъ приняты, и такимъ образомъ нѣсколько часовъ прошли для молодого человека, какъ нѣсколько минушь. Когда жъ онъ хопѣлъ уйши, г-жа Веллингъ дружески схватила его за руку, и сказала: —

„Э, нѣтъ, любезный крестникъ! я себя не

опущу; ужинай съ нами; ты всегда приходишь на минушку. — Сего дни вѣдь тебѣ ничего дѣлать? “

Георгъ оспался, и всѣ сѣли ужинать. Вдругъ услышали ужасный шумъ и крикъ на улицѣ, которые, казалось, спановились ближе и ближе. Въ эту минушку вбѣжала блѣдная, препещущая служанка съ словами: „ради Бога, спасайтесь! По улицѣ бѣжитъ куча народа, съ оружіемъ и горящими факелами, и кричитъ: „къ Синдику, къ Синдику! онъ опять насъ не уйдетъ.“ — Я сама это слышала, идя изъ булочной, и кинулась со всѣхъ ногъ сказать вамъ объ этомъ.“ „Блѣдный какъ прунь, не въ состояніи произнести ни слова, унелъ Синдикъ, при этомъ извѣстіи, въ кресла. Съ женою его почти сдѣлался обморокъ. Тетка Варвара облегчила свое сердце слезами и молитвою. Одна Полина не потеряла присутствія духа; она быспро вскочила, схватила связку ключей висѣвшую у дверей, и вскричала: „пойдемте, пойдемте! — за мною, за мною! — не должно терять ни минушки.“ — Въ то же время послышалось близко у окна: „убейте Іезуитскую шварь, если найдете!“ — Сіи слова заставили рѣшиться испуганнаго Синдика; онъ вскочилъ и взялъ Полину за руку, въ которой она держала ключи; другою она сцѣла со стола горящую свѣчу.

Георгъ подалъ одну руку пренесящей Аннѣ Веллингъ, а другою схватилъ шепку Варвару, и такимъ образомъ всѣ вмѣстѣ поспѣшили къ выходу, и перебѣжавъ черезъ дворъ, достигли двери одного боковаго надворнаго строенія. Полина поспѣла опперла ее; спутники ея спустились за нею нѣсколько ступеней внизъ, и очутились въ узкомъ подземномъ проходѣ. Едва прошли они нѣсколько шаговъ, какъ услышали за собою прескъ вылаемыхъ ворошь. — „Господи Боже мой!“ — проспонала Анна Веллингъ. — „Впередъ, впередъ!“ — понуждала другихъ Полина. — „Ахъ, Боже милосердый, — вскричала шепка Варвара, — Герспруда оспалась шамъ!“ — Она была гошова возвращишься за нею; но Георгъ предупредилъ ее; какъ молнія пролетѣлъ онъ черезъ дворъ въ комнату, которую нашелъ еще не запершою, ибо полна вся разомъ побѣжала на лѣспницу, чшобы захватишь Синдика, взялъ недвижно сидящую Герспруду на руки, и побѣжалъ съ нею назадъ, ко входу въ подземелье. Между тѣмъ Полина провела прочихъ далѣе, и Георгъ оспался съ своею ношею въ шепношѣ. Все это было дѣломъ одной минушы; однакожь, когда онъ сбѣгалъ внизъ по ступенямъ, его замѣнили; прокрадываясь ошупью вдоль стѣны, онъ услышалъ за собою шаги, и увидѣлъ свѣшъ; онъ быстро обернулся, и глазамъ его представилъ

ся высокій и плотный человекъ, приближающийся ко входу, съ факеломъ въ одной рукѣ, и огромнымъ попоромъ въ другой. Не теряя ни минушы, поставилъ Георгъ Герспруду на землю, бросился на встрѣчу подходящему, ослѣпленному свѣсомъ собственнаго факела, сильно ударилъ его кулакомъ, такъ что онъ зашатался, вырвалъ у него изъ рукъ факель, вытолкнулъ его на дворъ, и заперъ изнутри дверь задвижной, попомъ возвратился къ Герспрудѣ, взялъ ее за руку, и весьма скоро пробѣжалъ съ нею, при свѣтѣ факела, до другаго конца подземелья, изъ котораго они вышли на маленькій дворъ. Тамъ ожидала ихъ Полина; она опела ихъ въ баню, гдѣ они нашли и прочихъ.

„Пойдемъ, пойдемъ! — сказала шороливо Георгъ — мы здѣсь ни на одну минушу не безопасны; я боюсь что наше бѣгство и пушь открыты; намъ надобно спѣшить какъ можно, чтобы насъ не настигли.“

Онъ рассказалъ въ короткихъ словахъ, что съ нимъ случилось во время его оплочки, и снова убѣждалъ спутниковъ не медлить. Въ самомъ дѣлѣ, на другомъ концѣ прохода какъ бы послышался неясный шумъ.

„Въ садъ, въ садъ!“ — сказала Полина; а Георгъ совѣтовалъ погасить факель. Между тѣмъ шумъ съ противоположной стороны спано-

вился больше и слышнѣе; Полина поспѣшно опперла садовую дверь, и когда всѣ вошли, пщательно заперла ее снова; спранники съ возможною скоростію продолжали пупь среди ночнаго мрака, храня глубочайшее молчаніе; они увидѣли на дворѣ, на кошоромъ не за долго передъ тѣмъ были, множесиво факеловъ, и услышали множесиво смѣшанныхъ голосовъ; бѣглецы еще болѣе ускорили шаги свои, и счастливо достигли небольшой двери, на другомъ концѣ сада, чрезъ кошорую вышли въ узкую, безлюдную улицу. Тогда Георгъ взялъ на себя вести спранспвующее общесиво, и благополучно привелъ его въ домъ Каспара Тиммена, гдѣ оно нашло безопасность и дружесивенный приемъ. Георгъ скоро проспился съ своими спунниками, и пошелъ узнать что подало поведъ къ этому произшесивію, и предложивъ, гдѣ могло бытъ нужно, свою помощь. Чѣмъ ближе онъ подходилъ къ площади, тѣмъ болѣе встрѣчалъ на улицахъ вооруженныхъ людей и мяшущейся черни, наконецъ встрѣшисся съ одною вооруженною толпою, начальникъ кошорой приказалъ задержать его, какъ бы бродягу.

„Франць!“ — вскрикнулъ Георгъ, узнавъ голосъ начальника.

„Георгъ! — опвѣчалъ тотъ — гдѣ ты пропалъ? — Хорошо, что я тебя нашель.“

„Скажи мнѣ, ради Бога, что это значить? что случилось?“

„Успокойся; ты послѣ все узнаешь; а теперь нужно ревностное наше содѣйствіе. Лучшіе наши граждане вооружились, чтобы возстановить тишину; Эппингъ, съ однимъ отдѣленіемъ, поспѣшилъ на помощь Іезуитамъ; я отправляюсь теперь въ домъ Совѣтника Таспіуса, которому также угрожаетъ опасность, а ты долженъ принять начальство надъ прешимъ отдѣленіемъ. Вы послѣдуете за сыномъ вашего добраго Ректора.“ — прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ подчиненнымъ.

„Охотно, очень рады!“ — отвѣчали они, и многіе граждане тотчасъ перешли на Георгову сторону.

„Спуйай теперь поскорѣе — продолжалъ Францъ — къ дому Оберъ-Секретаря Канне; я боюсь, что бунтовщики и на него сдѣлали нападеніе; гдѣ встрѣшишь большую толпу, разгони ее, а отдѣльныхъ бродягъ и пѣхъ, которые будутъ сопротивляться, бери подъ спражу. Съ Божіею помощію! — На площади мы опять увидимся.“

Георгъ пошелъ съ своимъ отдѣленіемъ по назначенному пути, а Францъ поспѣшилъ къ дому Таспіуса. Еще издали услышалъ онъ вопли бѣ-

снующагося народа, и громкіе удары рычаговъ и другихъ орудій о крѣпко-запертыя ворота.

Эпо обстоятельствъ увеличило поспѣшность Ніеншпедта до того, что спутники его едва успѣвали за нимъ слѣдовать. Такая скорость была очень нужна; ибо, лишь только они пришли, ворота, успувивъ силу, съ прескомъ упали; но вооруженные граждане съ необыкновенною быстротою заняли входъ, и успавили свои алебарды противъ нападающихъ.

„Прочь, кому жизнь не надоѣла!“ — громко вскричалъ Ніеншпедтъ, и бросился съ часпю своихъ сподвижниковъ на толпу, между нѣмъ какъ оспальные удерживали входъ. Чернь подалась назадъ, и наконецъ разсыялась, съ бранью и ругательствами, для новыхъ буйствъ въ другихъ улицахъ. Ніеншпедтъ велѣлъ снова запереть разбиныя ворота, и опрядилъ десять человекъ, для защиты дома, сохраненіе котораго было очень важно; ибо у Таспиуса хранились значительныя суммы денегъ, принадлежавшія Думѣ, и разные залогн. Откуда поспѣшилъ Ніеншпедтъ съ прочими гражданами на площадь, очищая по пупи улицы отъ мяшежниковъ, сколько было возможно. Неожиданно, слухъ его былъ пораженъ воплями и стономъ; онъ обратился въ ту сторону, откуда они были слышны, и увидѣлъ лежащаго въ крови чело-

вѣка, въ которомъ, когда граждане его подняли, узналъ Оберъ-Пастора Нейнерша. Онъ велѣлъ опшнести израненнаго въ цирюльню Тилькена, бывшую возлѣ того мѣста; тамъ ему перевязали раны, и положили его въ постель. Самъ же Балтазаръ, до тѣхъ поръ невыходившій изъ своей комнаты, присоединился къ вооруженнымъ гражданамъ.

На площади нашель Нйеншпедтъ все въ величайшемъ смятеніи. Одинъ голосъ подалъ совѣтъ сломать Рапушу и нѣсколько буяновъ собирались уже ему послѣдовать. Францъ пропѣсился въ самую средину народа, онъ увѣщеваль, просиль, угрожалъ, наконецъ сполкнулся съ полною самыхъ опчаянныхъ бунтовщиковъ, подъ предводительствомъ слесаря Госвина Боне, которые уже несли, для исполненія своего предпріятія, багры и лѣспицы.

„Прочь, если кто не хочеть опвѣдать албарды!“ — закричалъ оняшь Францъ, и Боне съ бѣшенствомъ подскочиль къ нему. — „Ты еще намъ грозиль, Иезуитская собака! Такъ тебѣ ужъ не говориль больше!“ — завопилъ онъ, и замахнулся мечемъ, чшобы нанеспи ужасный ударъ. Но въ эту минушу, между нимъ и Францомъ явился человекъ, который схватиль подняшую руку Боне. Съ яростію опыскиваль глазами сей

последній дерзкаго, удерживавшаго его мщеніе; при свѣтѣ факеловъ, у самаго его горла блеснула оспрая бришва, и онъ узналъ Тилькена, который съ карикатурнымъ смѣхомъ сказалъ ему: „не угодѣло ли, любезный другъ?“

„Что тебѣ надобно, проклятый брадобрѣй?“ вскричалъ Боне, невольно опшашнувшись.

„Выбриши тебѣ бороду, дорогой мой; — опвѣчалъ Балпазаръ — а если хочешь, перерѣзашь тебѣ горло.“

„Убирайся прочь!“ — закричалъ взбѣшенный Боне, и такъ толкнулъ его кулакомъ въ грудь, что тотъ едва успѣвалъ на ногахъ.

Но предметъ злобы его былъ уже далеко, и густыя толпы народа спали мало по малу рѣдѣвъ. Между тѣмъ Георгъ съ своимъ опрядомъ достигъ площади, и соединеннымъ усиліямъ двухъ друзей и мужеспвенныхъ ихъ поварищей удалось успокоить и разсѣять народъ. Въ то же время было предложено гражданамъ собраться на другой день, послѣ обѣдни, въ новый домъ (мѣсто сборищъ Черноголовыхъ), для совѣщанія, и къ полночи пишина и порядокъ были уже совершенно возстановлены въ городѣ.

Въ продолженіе всего мятежа, Гизе не видно было ни на площади, ни въ улицахъ. Георгъ отправился, съ своимъ другомъ Ніеншпедтнемъ, къ сему

последнему, который рассказал ему подробно происшествія этого бурнаго дня. Когда Георгъ услышалъ о заключеніи своего отца, то вдругъ вскочилъ, чтобы поспѣшить домой; но Францъ по пихоньку оная усадилъ его на стулъ.

„Успокойся, любезный Георгъ! — сказалъ онъ — твой отецъ здоровъ и въ полной безопасности; онъ имѣлъ совершенно поржеспивенное шествіе отъ Рапуши къ своему жилищу, и многіе почешнѣйшіе наши граждане оспались съ нимъ въ училищѣ, для его защиты; я сей часъ послалъ своего слугу сказать ему, что ты будешь у меня почевать; намъ не должно разлучаться, чтобы на всякій случай бытьъ гостевыми.“

Успокоенный Георгъ оная занялъ свое мѣсто, и спросилъ какъ все это случилось.

„Ты знаешь, — сказалъ Францъ — что твой отецъ, который очень скоро выходитъ изъ себя, немножко сердито обошелся съ молодымъ Ейке, посланнымъ отъ Думы запрешить ему говорить проповѣди, и что Христофоръ очень этимъ оскорбился. Сверхъ того твой отецъ навлекъ на себя, на похоронахъ Депенбровыхъ, вражду Паспора Нейнерша, который и безъ того былъ къ нему нерасположенъ. И такъ ты можешь себя представить, что по возвращеніи, прѣпьяго дни ввечеру, Бургграфа, сыночекъ не замедлилъ пожа-

ловаться ему на Ректора, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, да и Нейнертъ не пропустилъ случая немедленно принести ему свои жалобы, и дать весьма дурной видъ поступкамъ спарика. Сего дни по упру, въ засѣданіи Думы, разсужденіе конулось этого предмета. Ейке называлъ пвоего опца оскорбителемъ величешва, и наспаивалъ, чпобы его посадить въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока опъ Короля изъ Польши получится рѣшеніе по сему дѣлу; большая часть членовъ убѣждала его не дѣлать этого; ибо мы предвидѣли въ такомъ случаѣ весьма важныя послѣдствія безпокойнаго расположенія здѣшнихъ умовъ; но Оберъ-Секретарь Канне во всемъ съ нимъ согласился; его примѣру послѣдовали и другіе угодники Бургграфа; Ейке не сказалъ однако ни да ни нѣтъ, и собраніе разошлось уже въ сумерки, не рѣшивъ ничѣмъ. По уходѣ членовъ, Ейке и Канне остались въ присущственной компаніи, и первый послалъ спорожа попребовать къ нему опца пвоего; посланный не найдя его дома, искалъ вездѣ, и наконецъ передалъ ему приказаніе Бургграфа. Ректоръ немедленно повиновался, и явился въ Рапушу. Ейке не слушая его оправданій, осыпалъ его упреками и даже бранью, объявилъ ему, чпо онъ до дальнѣйшаго рѣшенія лишается своего мѣста, и долженъ оставаться въ Рапушѣ, подѣ спражею. Въ

исполненіе этого , спорожь опвелъ пвоего опца въ ареспантскую комнапу. Ейке и Канне пошли домой , и спорожь заперъ двери Рапуши. “

„Нѣсколько ребяпишекъ видѣли какъ Рекпоръ шель съ спорожемъ въ Рапушу. Теперь , увидя что Бургграфъ съ Канне возвращались одни , и замѣпя что двери замкнули , заключили что первый , шамъ и оспался. Предчувствуя худое , они побѣжали къ Конректору Русціусу , и рассказали ему что видѣли ; онъ попчасъ опгадалъ причину , созвалъ нѣсколько почешныхъ гражданъ , и пошелъ съ ними къ Бургграфу просипъ , чтообы онъ велѣлъ выпустипъ опца пвоего ; но имъ было начиспо опказано. Они просили по крайней мѣрѣ опспустипъ Рекпора домой , и брали его на поруки ; и на это Ейке не согласился , сказавъ , что въ дѣлѣ объ оскорбленіи величеспва порука не принимается. И такъ просиптели должны были уйпи ни съ чѣмъ ; между тѣмъ извѣспіе о задержаніи Рекпора распроспранилось по всему городу ; когда жъ къ тому прибавили , что въ Рапушѣ пригоповленъ уже палачъ казнипъ пвоего опца , по легковѣрная чернь пришла въ бѣшенспво. Въ одну минупу вспыхнуло пламя возмущенія , и злые люди раздували его болѣе и болѣе , пользуясь случаемъ частію опмсипипъ своимъ недругамъ , частію насыпиппся грабежемъ. — Но гдѣ жъ пы были , если не слыхалъ о всемъ этомъ смятеніи? “

Георгъ разсказаль собственныя свои приключенія , и узналь опъ своего друга ; что и въ домъ Веллингтовъ все разграблено и испреблено.

„И такъ наконецъ случилось то , чего я давно опасался , по боязненному предчувствію — сказаль Георгъ , помолчавъ нѣсколько. — Ты дѣйствоваль сего дни какъ благородный человекъ , Францъ ; но заклинаю тебя нашею дружбою : не обольщайся нынѣшнимъ блестящимъ успѣхомъ , и неиди далѣе. “

„Что тебѣ пришло въ голову , Георгъ ? что ты подъ эпимъ разумѣешь ? “

„О , Францъ , я люблю тебя какъ роднаго брата , даже болѣе можешь быть , нежели сколько бы я любилъ брата ; я почипаю тебязадного изъ благороднѣйшихъ людей ; но сердце человеческое подвержено слабостямъ ; счастье незамѣпно пробуждаеть въ немъ тщеславіе , которое быспро превращается въ исполина , самовласно порабащающаго себѣ все прочія ощущенія. По этому то прошу тебя убѣдительно : не мѣшайся болѣе въ городскія дѣла. Я чувствую , что намъ предстоитъ еще многія бури ; но предоставь себя мощной десницѣ , всѣмъ управляющей и ведущей все къ лучшему концу , не нуждаясь въ человеческомъ содѣйствіи. “

Францъ вспаль съ своего мѣста , съ нѣжно-

стію взявъ , улыбаясь , Георга за руку , и крѣпко сжавъ ее въ своей , сказала : „спранный , но любезный человѣкъ; я очень хорошо чувствую, сколько ты желаешь мнѣ добра; но ты не долженъ ничего опасаться на мой счетъ; я хочу тебя успокоить , и даю тебѣ обѣтъ , чтобъ ни случилось , ни въ чемъ не принимаешь участія , пока его не попребуешь моя обязанность. “

Онъ прижалъ друга къ своей груди , и оба не говорили болѣе ни слова о случившемся. Едва спало разсвѣтанье , какъ граждане собрались на площадь. Хотя народъ ужъ не волновался , но въ немъ шли громкіе толки , чтобъ подчинить Думу сословіямъ города , и чтобъ впередъ во всѣхъ сужденіяхъ , касающихся сего послѣдняго , градскіе старшины имѣли первые голоса. Узнали при этомъ , что въ прошедшую ночь , неизвѣстно къъ и по чьему приказанію , съ городскихъ воротъ сняты старыя замки , и вмѣсто нихъ повѣшены новыя , что такимъ образомъ опияны способы , у кого надобно , къ возможному побѣгу , и прервано сообщеніе съ замкомъ. Тогда явились на площади при Совѣтника , въ качествѣ посланныхъ Думою , въ одеждѣ своего званія , и сказали : „Думѣ очень прискорбно , что произошло такое возмущеніе , и случились такіе беспорядки ; она желаетъ однако кончить это дѣло миролюбиво и безвредно , и по-

тому мы уполномочены опъ нея переговоры о немъ со старшинами и съ обществомъ. “

Имъ опивѣчали, что не лзя говорить объ окончаніи этого дѣла, пока не будутъ выданы Ейке и Веллингъ.

За симъ все сборище опправилося въ новый домъ, и нѣсколько старшихъ гражданъ, копорые и прежде всегда первые подавали голосъ въ общественныхъ дѣлахъ, опкрыли совѣщаніе; но имъ не дали говорить; многіе кричали: „вы болтали, болтали до нѣхъ поръ, пока мы лишились и спараго и новаго. “ — Вслѣдъ за тѣмъ самыя необузданныя бунтовщики бросились съ коньями и алебардами на испуганныхъ орапоровъ, копорые укрылись опъ нихъ за скамьями; другіе схватили оружіе для ихъ защиты, и миролюбное совѣщаніе готово было превратиться въ кровопролитную распрю, какъ вдругъ явился Гизе, какъ бы нарочно призванный. Онъ съ легкостью вскочилъ на стюль, и вскричалъ: „градскіе головы, старшины и граждане! — развѣ вы хотите съѣсть другъ друга, чтобы оставили меньше работы Думѣ? — Мы не эшою дорогою можемъ чего нибудь достигнуть; только согласіе и твердое единодушіе могутъ дать намъ силы. “

Какъ бы волшебствомъ возстановилосъ спокойствіе въ залѣ, въ ту минуу какъ началъ го-

ворить Гизе. Все одобрили его слова, и спрашивали его совета, как поступить в таких смутных обстоятельствах.

Так послушайте же: — сказала Гизе — в прошлую ночь случилось дѣло, которое очень может повредить городу в глазах Королевских. И потому прежде всего нужно приобрести благосклонность Правителя, и даже стараться расположить в свою пользу Иезуитовъ, которые очень много значатъ у Короля. И такъ я полагаю:

„1. Послать депутацию къ Кардиналу, съ уведомленіемъ о неприятныхъ происшествіяхъ последней ночи; въ то же время граждане снова дадутъ обѣтъ опіюдь ни въ чемъ не нарушать данной Королю присяги, и стараться какъ можно скорѣе возстановить спокойствіе въ городѣ.“

„2. Другую депутацию послать къ Иезуитамъ, чтобы объяснили имъ, что происшедшее возмущеніе ни сколько къ нимъ не относилось, и что имъ совершенно ничего опасаться опъ жителей.“

„3. Градское общество должно настаивать, чтобы Бургграфъ и Веллингъ, которые воякомъ случаѣ еще здѣсь въ городѣ, были преданы особому суду.“

„4. Чтобы опиять у нихъ, также какъ и у

другихъ , у которыхъ нечиста совѣсть , всякую надежду на бѣгство , оставивъ городскія ворота по прежнему запертыми. “

Эти предложенія были приняты съ общою шумною похвалою , и поспѣшь приведены въ исполненіе ; городскіе выборные явились съ представленіями въ замокъ , къ Правителю , который принялъ ихъ очень благосклонно и ласково ; онъ увѣщевалъ ихъ и впередъ сохранять свою похвальную вѣрность высшему правительству , и общалъ посласть гонца къ Его Величеству , чтобы довести до его свѣденія о вѣроподданническихъ чувствахъ Рижскихъ гражданъ.

Еще болѣе обрадовались проведеніе оныхъ спроста всю прошлую ночь на колокольнѣ Іезуиты , услышавъ дружественныя выраженія гражданъ. Кампанусъ просилъ посланныхъ изъявить обществу , а особенно Маршину Гизе , живѣйшую его благодарность , съ увѣреніемъ , что онъ не преминетъ засвидѣтельствовать предъ Королемъ ихъ похвальное поведеніе. Въ то же время , при звукѣ трубъ , провозгласили въ городѣ , что для взятія скрывшихся Бургграфа и Синдика Веллига назначенъ обыскъ въ домахъ , и что ихъ укрыватели подвергнутся равной съ ними отвѣдственностію. Скоро нашли Бургграфа у сестры его , а Веллига у Каспара Тиммена ; за ними послали двѣ

ропы спирѣлковъ, и чрезъ нѣсколько минутъ оба были посажены подъ спражу, въ находившемся на площади домѣ Рингмана. Къ Паспору Нейнерпу и Оберъ-Секретарю Канне также послали по ропѣ спирѣлковъ, съ приказаніемъ не выпускать ихъ изъ домовъ, и къ нимъ не допускать никого. Всѣ городскія воропа оспались запертыми, подъ охраненіемъ вооруженныхъ гражданъ, и такимъ образомъ дѣйствительно были опіяны средспва побѣга у нѣкоторыхъ членовъ Думы, хопѣвшихъ прокрасься чрезъ новыя воропа. Сему жъ словію предложено было собраться въ слѣдующій день, для выслушанія жалобъ градскаго общеспва, и для назначенія слѣдспвіа надъ Ейке и надъ Веллингомъ. Сколь ни непріятно было это пребываніе для высокой Думы, но при погдашнемъ положеніи дѣль, она нашлась принужденною уступитъ.

На другое утро, въ 8 часовъ, Ейке и Веллингъ привели въ Рапушу, какъ преспупниковъ, между двумя рядами вооруженныхъ гражданъ; каждого сопровождала ропа спирѣлковъ; допросы продолжались непрерывно, почти до 4-хъ часовъ; потомъ обвиняемыхъ опянь опвели въ домъ Рингмана, подъ крѣпкою спражею. При этомъ случаѣ Сценгензену, бывшему нѣкогда въ военной службѣ, при многихъ начальникахъ, вздумалось блеснуть

своимъ знаніемъ военнаго порядка. По его распоряженію, граждане принесли, при звукѣ музыки, значки чепырехъ часшей города, и вошли на площадь, чѣмъ очень напугали собравшихся въ Рапушѣ Совѣтниковъ. Граждане обязались взаимною клятвою споясть всѣмъ за одного, и одному за всѣхъ, и не поддаваться Думѣ; они назначили людей, дабы въ случаѣ нужды опворить вороша.

Сии происшествія возбудили всеобщее вниманіе, и слухъ о нихъ достигъ до бывшаго Намѣстника Голшгарда Кешлера. По старой привязанности и любви къ городу, послалъ онъ нѣсколько знаминыхъ особъ въ Ригу, помышляясь возстановить доброе согласіе между Думою и градскимъ обществомъ. Для встрѣчи сихъ посланныхъ были назначены отъ первой Бургомисиръ Опшо фонъ Хешенъ, съ нѣсколькими Совѣтниками, а отъ послѣдняго головы обоихъ сословій съ Эппингомъ, Гизе, и другими прѣма гражданами. Они приняли Герцогскихъ посланцевъ съ большою вѣжливостію и опличіемъ, просили ихъ, какъ дорогихъ гостей, провести съ ними нѣсколько дней, и благодарили за предпринимаемое посредничество, отъ котораго однако опказались, подъ предлогомъ, что надѣются безъ посторонней помощи окончить небольшія распри, возникшія между ними.

Почти въ то же время пришло отъ Короля

письмо, относившееся къ Думѣ и особенно къ градскому обществу, слѣдующаго содержания : „освѣдомились мы, что между вами произошли несогласія, и поному милосердиво увѣщаемъ васъ пребыть въ мирѣ и единодушій. Буде вамъ есть на что жаловаться, опишите о томъ къ намъ, или инымъ способомъ уведомите насъ немедленно. Мы хотимъ быть не Кородемъ вашимъ, а оцемъ нѣжнымъ ; и такъ ведите себя по прежнему, какъ послушные дѣти.“ — Но и этому письму не придали никакой важности ; его положили подъ спудъ, и даже не сочли нужнымъ отвѣчать на него. При всѣхъ сихъ переговорахъ, Гизе оказалъ отличную дѣятельность, и приобрѣлъ такую власть, что не только граждане, но и большая часть членовъ Думы считали его какъ бы главою города ; онъ былъ предметомъ всѣхъ мыслей и разговоровъ. И Кампанусъ съ своей стороны не замедлилъ сдѣлать ему посѣщеніе ; однажды вечеромъ вошелъ онъ неожиданно въ комнату къ Гизе, въ свѣтской одеждѣ.

„Простите, почтенный Прокураторъ, — сказалъ онъ съ низкимъ поклономъ — если я васъ обезпокоилъ ; но я не могъ побѣдить сердечнаго побужденія принести вамъ благодарность свою и своихъ собратій за вашу могущественную защиту.“

„О, прошу васъ, почтенный мужъ — возразилъ Гизе, вѣспайнѣ польщеный привѣспспвиемъ — не упоминайтѣ объ эпомъ случаѣ, доставившемъ мнѣ удовольствіе исполнитѣ свой долгъ. “

„Повѣрьте мнѣ, г. Гизе: въ продолженіи послѣднихъ смяшеній, вы сдѣлались дороже моему сердцу, нежели сколько я могъ эпого ожидать. Не удивляйтѣсь сему опкровенному и спранному признанію; но я узналъ вашъ сильный, спремающийся къ высокому духъ, и въ моихъ глазахъ нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ предъ человекомъ доблеснымъ упопреляяйтѣ искусство припворспва. “

Нѣсколько удивясь, Гизе подалъ Іезуишу спуль, прося его стспь; сей послѣдній продолжалъ:

„Позвольте мнѣ говорицѣ съ прежнею опкровенностію. Мнѣ кажется, что въ продолженіи долгой, подвергшейся многимъ испыпаніямъ жизни, я приобрѣлъ взглядъ быспрый и вѣрный. Изъ спихаго нашего уединенія, я смопрѣлъ на пропеходившія вокругъ насъ волненія и бури, и не могъ съ одной спороны не удивляйтѣся вашему дѣяшельному, свободному опъ предразсудковъ уму и вашему мужеству, а съ другой не сожалѣйтѣ объ ограниченности и слабости Думы. Повѣрьте мнѣ: вы можете достигнуть многого, и легко спанелитѣся, что нѣтъ такой высоты, на которую бы вы не были въ состояніи взойти. “

Еще болѣе удивленный, но съ рѣдкимъ наружнымъ спокойствіемъ, отвѣчалъ Гизе: „я спремлюсь только къ тому, почтенный г. Кампанусъ, чѣмъ бы сослѣвовалъ счастье моего роднаго города, и не ищу ничего, кромѣ блага моихъ согражданъ.“

„А если бы счастье роднаго вашего города — возразилъ Іезуитъ, устремивъ проицательный взоръ на одушевленные черты Гизе, — если бы благо вашихъ согражданъ было неразрывно соединено съ собственнымъ вашимъ возвышеніемъ?“

„Тогда бы я принесъ жершву.“ — отвѣчалъ Гизе весьма равнодушно.

„Вы какъ бы прочли въ душѣ моей. — Такъ; я думаю, что нѣтъ жершвы, которую бы благоразумный человекъ не долженъ былъ съ радостью принести, для достиженія однажды предложенной цѣли. Толпа, бессмысленно привязанная къ какому нибудь предразсудку, не чувствуя влеченія ни къ чему высшему, вѣчно вращается въ кругу своей ничтожности; но духъ возвышенный преодолеваетъ, въ своемъ стремленіи, всѣ преграды, не заботясь объ ограниченности и слѣпотѣ людей обыкновенныхъ; онъ умѣетъ быстро врываться во всякую щѣлину, и обращается въ ней легко и свободно.“

Съ возрастающимъ вниманіемъ слушалъ Гизе своего госня, ни какъ не угадывая, что онъ хо-

чепь сказать; но предъ испытующими взорами Иезуита, онъ не могъ совершенно побѣдить нѣкотораго замѣшательства, и сказалъ въ невольномъ смущеніи: „что вы подъ этимъ разумѣете, честной опецъ? — Я васъ не совсѣмъ понимаю.“

„Извините, г. Гизе; — опвѣчалъ послѣдній — воспоминаніе о прошедшемъ такъ живо овладѣло мною въ эту минуту, что я невольно увлекся; слова мои должны были показаться вамъ темными; но я опкрою вамъ все свое сердце; власпъ приобретенная вами надъ моею душею такъ велика, что не позволяеть мнѣ имѣть для васъ тайну. И такъ послушайте: я происхожу опъ стараго рода Рудельсбурговъ, весьма славящагося въ Тюрингенѣ; порода моя внушила мнѣ еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ преобранія, копорья я твердо рѣшился поддерживать всѣми силами; но скоро я увидѣлъ, что вѣроисповѣданіе, къ копорому принадлежалъ я, съ прочими членами моей фамили и всѣмъ моимъ опечеспвомъ, если не совершенно угнетено, то должно вѣчно поминься въ безсиліи, и поничасъ рѣшился; я опказался опъ своего имени и опъ всѣхъ правъ своего соспоянія, принялъ Каптолическую вѣру, и спалъ на лѣспницу, копорой верхнія спупени перяются въ недостигаемой высотѣ.“

Тупъ Кампанусъ на минуту умолкъ, и Гизе

начинавшій опгадывать его намѣреніе, просилъ его продолжатъ.

„Вы знаете, — началъ онъ снова — что Государь нашъ, Король Стефанъ Бапорій весьма ревностно преданъ Каполической церкви. Это великій человекъ, умѣющій цѣнить высокія качества. Предспавленіе о поведеніи вашемъ въ последнее безпокойное время, сдѣлаешь на него весьма выгодное впечатлѣніе; вы бы могли получить много, даже все, если бы по моему примѣру перемѣнили свою одежду на другую.“

„Я понимаю васъ, святой отецъ, — отвѣчалъ Прокурапуръ, не безъ нѣкотораго споржества, — и благодарю за хорошее мнѣніе. Время покажетъ, на что въ состояніи рѣшиться Мартынъ Гизе, когда этого попребуешь счастье его соотечественниковъ.“

Какъ бы не замѣчая двусмыслия въ семъ отвѣтѣ, Кампанусъ перемѣнилъ предметъ разговора, спросивъ: „въ какомъ положеніи теперь дѣла между гражданами и Думою? Чѣмъ окончился эпъ распрія?“

„Я надѣюсь, что все скоро устроится миролюбно; по крайней мѣрѣ мы употребляемъ къ тому возможныя средства.“

„Эпо доставить вамъ новыя права на признательность нашего Короля; но мнѣ очень жаль

бѣднаго Веллингга, котораго я хваля и не давно знаю, но почишаю за человека весьма достойнаго.“

Съ виззанио - помрачившимся челомъ, Гизе отвѣчалъ: „а его по виновнѣе всѣхъ и почишають граждане въ оскорбленіи ихъ правъ; они обвиняють его въ тяжкой измѣдѣ.“

„Если не ошибаюсь, г. Прокураторъ, Синдикъ вамъ родственникъ.“

„Такъ точно.“

„О! въ такомъ случаѣ онъ найдеть въ собственномъ сердцѣ вашемъ сильнаго заслунника. Благородная гордость ваша не потерпитъ, чшобы съ нимъ случилось несчастіе. Независимо отъ этого, я осмѣливаюсь съ своей стороны убѣдительно васъ просить защитить его отъ всякой опасности.“

Съ улыбкою негодованія, возразилъ Гизе: „кажется вы принимаете ревностное участіе въ дѣлахъ моего родственника; повѣрьте мнѣ, что его судьба не менѣе близка моему сердцу; но я ничего не могу сдѣлать; его участіе не въ моихъ, а въ собственныхъ его рукахъ. Прошу васъ, г. Кампанусъ, переменить разговоръ, котораго не можетъ не быть мнѣ непріятнымъ.“

„Я не хочу нескромно допытываться вашей тайны, которой не могу проникнуть, и охотно повинуюсь вашей волѣ — Позвольте мнѣ приба-

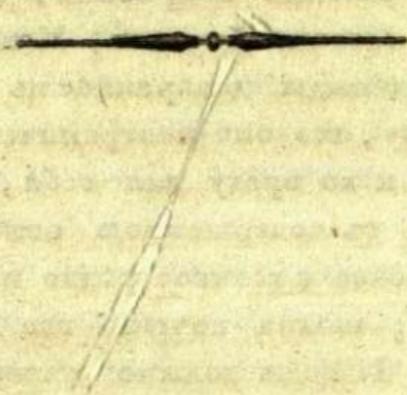
вишь увѣреніе, что во всякомъ случаѣ, и при всѣхъ обеспокоительствѣхъ, вы найдете во мнѣ ревностнѣйшаго своего друга. “

Этимъ словамъ придавъ Кампанусъ особенное выраженіе. Бросивъ пронизательный взглядъ на Іезуита, который, какъ бы не замѣня сего, перебиралъ чепки, Гизе не безъ замѣшательства сидѣлъ нѣсколько минулъ въ молчаніи, и потомъ повспорилъ: „шайны? Что значатъ ваши слова нѣсколько темныя? “

Сообразно съ симъ вопросомъ, относившимся къ послѣднимъ словамъ Іезуита, Кампанусъ отвѣчалъ: „если однажды довѣренность нашла путь къ моему сердцу, то она неограниченна, и потому, хотя бы и ко вреду для себя, я буду говорить съ вами съ совершенною откровенностію. Истинное высокое и великое рѣдко не встрѣчаетъ сопротивленій; толпа хочетъ все сплести къ себѣ въ грязь. И вамъ должно остерегаться опасностей, которыхъ вы и не предчувствуете, на пути проходимомъ вами. Но глазъ дружбы будетъ блюсти васъ. “

Эти выраженія удивили и смущили Гизе, и прежде нежели онъ могъ придти въ себя, Кампанусъ просидѣлъ съ нимъ очень дружественно, и удался, увѣривъ его еще разъ въ несомнѣнной искренности.

Прокураторъ оспался одинъ , и въ безпокойномъ размышленіи ходилъ взадь и впередъ по комнатѣ. Иезуитъ сдѣлался ему спрашенъ ; казалось онъ прочелъ въ глубинѣ души его ; но Гизе , приобрьпая , по его мнѣнію , дружбу Кампануса , рѣшился воспользоваться ею , сколько будетъ возможно.

По прошествіи 14 дней, между Думою и обществом дѣйствительно послѣдовало соглашеніе. Но и этому не могли не предшествовать однако многія бурныя явленія и жаркія распри. Ейке велъ себя во всѣхъ переговорахъ съ нѣкопорою гордою самоувѣренностію, и развилъ большую силу характера; Веллингъ, напротивъ, оказалъ слабость и услужливость, и проспиралъ иногда робость свою до смѣшнаго. Съ прошивной стороны отличились особенною дѣятельностію Бринкенъ, Магиспъръ и Спенгензенъ; они часто говорили грубымъ, повелительнымъ голосомъ. Гизе спалъ рѣдко принимая въ дѣлахъ явное участіе, но когда произносилъ хотя одно слово, оно всегда бывало рѣшительнымъ. Когда граждане, не задолго до заключенія договора, наступали на Ейке, чтобы принудить его согласиться на ихъ требованія, онъ отвѣчалъ съ досадою: „Ейке уговорить не

прудно, но заставивъ согласиться Бургграфа Его Королевскаго Величества — это другое дѣло. “ — Спенгензень подошелъ съ дерзкимъ шлодвиженіемъ къ самому его лицу, и сказалъ: „если ударяшь Ейке по головѣ, вѣрно Королевскій Бургграфъ почувствуетъ. “ — Ейке закусилъ губы, не удостоивъ грубіана опвѣтомъ; Гизе однакожь заставилъ замолчать дерзкаго оловяничника, и переговоры продолжались.

Наконецъ 23 Января договоръ между Думою и градскимъ обществомъ былъ заключенъ въ домѣ собранія сословій, попомъ публично прочтенъ и всѣми принятъ. Онъ состоялъ изъ 63 статей, изъ коихъ первыхъ десять касались дѣлъ церковныхъ; прочія относились частію къ новымъ учрежденіямъ, возобновляли и утверждали законы пришедшіе въ забвеніе; новый календарь былъ опмѣненъ, и въ городѣ провозгласили, при звукѣ трубы, чшобы всѣ похипившіе, въ продолженіе возмущенія, деньги и другое имущество, возвратили ихъ кому они принадлежали, или вручили своимъ духовникамъ. Благодаря сей мѣрѣ, многое изъ похищеннаго имущества было возвращено хозяевамъ; но денегъ не принесъ никто.

Городскія ворота опшерли снова, и казалось спокойствіе возстановилось совершенно. Но виды въ будущее оспались все еще сомнительными;

ибо, какъ граждане были обязаны своею побѣдою надъ Думою, болѣе насилію и запершымъ ворагамъ, нежели правомъ дѣла, то легко можно было предвидѣть, что заключенный миръ будетъ непродолжителенъ. Съ одной стороны опасались ищенія Думы и участія Королевскаго; съ другой съ ужасомъ ожидали возобновленія послѣднихъ смутеній. Не лзя было вдругъ успокоить чернь однажды взволнованную.

Сии взаимныя опасенія должны были скоро оправдаться. Король потребовалъ въ Февраль мѣсяцѣ, дабы главнѣйшіе участники послѣдняго возмущенія явились къ нему на судъ. Даже Ректора Мёллера вызывали въ Польшу; но граждане, опираясь на старое свое право, по которому дѣла ихъ должны были бытъ судимы на мѣстѣ, ни подъ какимъ видомъ не опускали вызываемыхъ. Въ это время Гизе получилъ весьма таинственнымъ образомъ записку, подписанную: *отъ друга* (въ которомъ онъ не безъ основанія угадывалъ Кампануса); ему совѣщывали не ѣздить въ Польшу, гдѣ ожидается его великая опасность. Прокураторъ показалъ эту записку всему обществу, и естественнымъ послѣдствіемъ ея было, что въ семь обстоятельствъ увидѣли измѣну, и что пребываніе Короля сочли недостойнымъ умысломъ. Пламя едва попухшее снова возгорѣлось; старыя, давно

забытыя происшествія возобновились въ памяти; опять заговорили о нарушенныхъ клятвенно-преступнымъ образомъ наставленіяхъ, которыя даны были въ 1583 году депутатамъ ѣздившимъ къ Королю въ Дрогичинь; возобновились громкія жалобы на незаконную отдачу Іезуитамъ церкви Св. Іакова; и наконецъ явились въ высокую Думу градскіе Главы съ дѣйствительнымъ обвиненіемъ, и требовали допросить по сему дѣлу Совѣтника Таспіуса. Но онъ объявилъ, что въ этомъ посольствѣ былъ только подчиненнымъ, не принимая никакого участія въ переговорахъ, и что, если хотѣлъ узнать что нибудь короче, могутъ обратиться къ начальнику, ш. с. Ейке. Когда же Бургграфъ замѣтилъ ежедневно возрастающій ропотъ, и косые взгляды, которыми его наблюдають, то счелъ неблагоразумнымъ дожидаться новаго взрыва, и искалъ безопасности въ поспѣшномъ бѣгствѣ въ замокъ, къ Правителью; Оберъ-Секретарь Канне и Нейнертъ последовали за нимъ, не теряя времени. Узнавъ о томъ, разсерженные граждане потребовали настоятельно, чтобы Таспіусъ былъ взятъ подъ стражу; Дума не отважилась, при настоящемъ расположеніи народнаго духа, воспровившись сему требованію; оно было исполнено и обвиняемаго предали суду. Но въ одно воскресенье, упрямъ, распроспращидась мол-

ва, что Таспиусъ ушелъ изъ подъ спражи, и также укрылся въ замкъ. Это извѣстіе снова взбѣсило народъ, который нашелъ въ семь бѣгспивѣ доказательство вины подозрѣваемаго, доставочное для его осужденія. Между тѣмъ ушедшіе пользовались въ замкъ совершенною безопасностію, и разъяренные граждане должны были ограничить свое мщеніе угрозами и ругательствами. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Таспиусъ рѣшился наконецъ, по совѣту Кардинала и Бургграфа, оставя свое убѣжище, искать защиты и помощи у Короля, въ Польшѣ, и жаловаться ему на самовольные, несправедливые поступки гражданъ. Но Гизе, имѣвшій тайныя сношенія съ замкомъ, получилъ, предъ наступленіемъ назначенной къ отъѣзду ночи, записку слѣдующаго содержанія: „большой ястребъ собирается въ полночь улетѣть изъ замка.“ — Онъ тотчасъ сообщилъ сіе извѣстіе лицамъ, къ которымъ имѣлъ довѣріе, и опираясь съ Гансомъ фонъ Бринкеномъ и еще четырьмя гражданами къ Бургомиспру Оппо фонъ Хешпену, просилъ чтобы имъ опсери въ 10 часовъ воруша, называемыя Schaalpforte, говоря что общество имѣетъ въ томъ большую нужду; они получили на это согласіе, и къ назначенному часу опсравились, въ сопровожденіи другихъ 40 гражданъ, къ ворушамъ сперечь своего неприятеля.

Гизе послалъ небольшой ошрядъ на маленькомъ ботѣ, по Двинѣ, для наблюденія, приказавъ, лишь шолько замѣтить что либо подозрительное, извѣстивъ прочихъ ружейнымъ выстрѣломъ. Тогда была прекрасная лѣтняя ночь (18 Юня), въ какія дневный свѣтъ лишь на короткое время успушаетъ въ шомъ краю полупрозрачнымъ сумеркамъ. Ботъ приспалъ близко къ берегу; съ обѣихъ сторонъ далеко проспирался видъ спокойной, прекрасной рѣки; вокругъ царствовала необыкновенная тишина, которую лишь изрѣдка прерывалъ далекий собачій лай; на городской башнѣ пробило полночь; едва стихли послѣднїе звуки, подсперегающимъ слышался отдаленный шумъ весель; скоро потомъ увидѣли они челнокъ, скользящїй по зеркальной поверхности, и тотчасъ привелъ въ движеніе весла, стрѣлою подлетѣли къ предмету своего ожиданія. Еще издали закричали они лодочнику: не видалъ ли онъ выше, того или другаго (*)? Спрашиваемый отвѣчалъ, что онъ лодочникъ, и не знаетъ ничего ни о томъ ни о другомъ, но въ тоже время указалъ на свой ботъ, и подаль имъ знакъ подъѣхать ближе. Они воспользовались эшимъ, и нашли подъ парусомъ человека, въ сѣромъ крестьянскомъ кафтанѣ; голова его

(*) Подлинныя слова хроники.

скрывалась подъ большою черною шляпою, съ краснымъ перомъ; онъ лежалъ лицомъ ницъ, и казалось крѣпко спалъ, преслѣдователи спали его шолкашъ, но видя что онъ не оказываетъ охоты проснуться, перевернули его, и пошчасъ узнали въ пересѣломъ кого искали. Тогда среди ночной тишины раздался условленный знакъ; прочіе поспѣшили къ тому мѣсту, и бѣглець былъ схваченъ; граждане привели его подъ руки въ находившійся на берегу шаможенный домъ, и осматривались сперечь его, пока опохрушь вороша. Въ 8 часовъ утра собралась высокая Дума, предъ которую привели несчастнаго Таспіуса, въ его спранный одеждѣ, сквозь густыя ряды ликующихъ зришелей. Обвиняемому сдѣланъ былъ по формѣ допросъ; но какъ онъ упорно утверждалъ, что не знаетъ ничего, о чемъ его спрашивали, главнѣйшіе изъ обвинителей попребовали, чтобы его посадили въ шорьму и предали пынкѣ, въ слѣдствіе чего, беззачиннаго опвели въ заспѣнокъ, и пригоповились пыпанъ. Въ продолженіи сего времени Гизе имѣлъ съ нимъ глазъ на глазъ продолжительный разговоръ, содержаніе котораго оспалось для всѣхъ невѣдомымъ; извѣстно только, что Таспіусъ, не дожидаясь сильнѣйшей спенени пынки, признался, что дѣйствительно поспунилъ въ Дротичинѣ противъ предписанныхъ правилъ, и безъ

принужденія предалъ клятвопреступнымъ образомъ Великому Канцлеру церковь Св. Іакова, въ ожиданіи награды и почестей, въ чемъ наиболѣе обвинялъ Веллинга. Тогдашася же принялись и за сего послѣдняго. Какъ между нѣмъ сдѣлалось гласнымъ, что Тастіусъ долженъ подвергнуться испытанію, что онъ признался въ своихъ преступленіяхъ, и объявилъ своего поварища измѣнникомъ отечества, и врагомъ церкви, впечатлѣніе произведенное этимъ извѣстіемъ на семейство Веллингово было ужасно. Анна Веллингъ бѣгала въ безпамятствѣ по всѣмъ комнатамъ, брала въ руки тысячу вещей, не зная сама, что дѣлаетъ, и потомъ опять ихъ бросала; по временамъ вдругъ вырывался изъ нея ужасный, нечеловѣческій вопль. Тетка Варвара сползла на колѣнахъ, въ горчайшихъ слезахъ, умоляя Бога о спасеніи, и призывая на помощь всѣ небесныя силы. Состояніе Полныя приближалось къ сумасшествію: по сидѣла она тихо и неподвижно, выпуча глаза; по падала на полъ, съ крикомъ рвала на себѣ волосы, кляла себя и день своего рожденія; по разрывалась необыкновеннымъ спрашнымъ смѣхомъ, нарушавшемъ молитву испуганной Варвары, которая, обливаясь слезами, прижимала бѣдную дѣвушку къ груди, и старалась ее утѣшить. Даже на лицѣ не принимавшей ни въ чемъ участія Гершруды, каза-

зось, мелькали иногда признаки скорбнаго сознанія. Въ семь положеніи нашель семейство неожиданно вошедшій Гизе. Опчаянно бросилась къ нему Полина на встрѣчу. — „Гизе! Гизе! Гдѣ мой опецъ? — закричала она ему голосомъ расперзаннаго сердца, забывая о всемъ прочемъ, вокругъ себя: — ради Бога, опдай мнѣ моего опца! — Развѣ ты хочешь сдѣлать меня опцеубійцею? “

Въ величайшемъ испугѣ смопрѣла г-жа Веллингъ и Варвара на Полину; Гизе заключилъ пренещуную въ свои объянія, и сказалъ:

„Успокойся, успокойся, любезная Полина! — Ни одинъ волосъ не пропадетъ съ головы опца швоого, и еслибы онъ сидѣлъ въ глубинѣ пемницы, еслибы споялъ уже на эшафонѣ, шо и шогда былъ бы также безопасенъ, какъ въ кругу своего семейства. “

„Гизе! — вскричала Полина снова, хотя нѣсколько спокойнѣе — если бы ты ругался надъ моею любовію къ тебѣ, для кошорой я всѣмъ пожертвовала, я бы превратилась для тебя въ фурию, въ кровожадную гіену. “

Волнуемая предчувствіемъ, дрожа отъ страха и гнѣва, мать подошла ближе, и Гизе обратился къ ней съ словами: „шеперъ ужъ не время опъ васъ шамшья; вы угадали: Полина стала моею женою, если не предъ людьми, шо предъ Богомъ. “

Съ крикомъ упала Полина на грудь къ Варварѣ; Анна Веллингъ вскричала, ломая себѣ руки: „о, Боже милосердый, и такъ одно несчастіе за другимъ, одинъ спыдъ за другимъ скопляюися на бѣдную мою голову!“

„Спыдъ! — прервалъ Гизе, бросивъ на нее пламенный взоръ. — Вы худо дѣлаете, пепушка, забывая, что Маршынъ Гизе спалъ вамъ за шеемъ.“

„Ты ядовитая змѣя, копорую я вскормила у груди, — сказала разгнѣванная мать — и копорая за то наносишь мнѣ смерть.“

Пришедъ въ себя, Полина вскричала въ шужъ минушу: „о Гизе! опдай намъ только опца!“

Тогда съ лица Анны вдругъ исчезло выраженіе гнѣва; она сказала умоляющимъ голосомъ: „любезный Маршынъ! освободи моего мужа; возврати намъ его, и тогда все будетъ прощено и забыто. Ты всегда былъ дорогимъ моимъ племянникомъ.“

„Съ Синдикомъ не случишя никакого несчастія: клянусь Богомъ; я приведу его въ ваши объятія здоровымъ и невредимымъ.“

„О дорогой другъ мой, любезный Маршынъ!“ — вскричала Анна съ овладѣвшею ею въ одну минушу радостію; а Полина молча, но нѣжно опустила на его плечо свою прекрасную голову.

„Опустишите меня шеперь; — сказалъ Про-

кураторъ — я оставляю васъ, чтобы дѣйствовать въ вашу пользу; но скоро вы меня опять увидите. “

Съ этими словами оставилъ онъ успокоившееся семейство, и пошелъ прямымъ путемъ къ пемницѣ Веллингга, которую ему поспѣшь опшерли. Онъ вошелъ въ тѣсную комнату, куда дневной свѣтъ едва проникалъ сквозь маленькое окно, задѣланное рѣшеткою изъ полныхъ желѣзныхъ прутьевъ. Тамъ увидѣлъ онъ погруженнаго въ глубокую скорбь несчастнаго своего родственника, сидящаго на деревянной скамьѣ, облокотясь руками на споль, но не скованнаго. Когда двери заскрипѣли на своихъ петляхъ, запорникъ оглянулся, и лучъ радости блеснулъ на блѣдномъ его лицѣ. „Ахъ, племянникъ Маршынъ! — сказалъ онъ увидя сего послѣдняго. — Ты пришелъ ко мнѣ; это съ твоей стороны очень хорошій поступокъ. “

„Какъ же бы мнѣ этого не сдѣлать, когда вы въ опасности? “

„Да! — посмотри на меня: на старости, сижу какъ шайбъ или разбойникъ, и Богъ знаетъ что со мною будетъ. “

„Я прямо изъ вашего дома; ваши шлюпы вамъ тысячу поклоновъ; онѣ молятъ Бога о вашемъ избавленіи; я спарался, сколько могъ, ихъ успокоить. “

„Ахъ! все это не поможетъ; меня пощащатъ въ пыликъ и на эшафотъ.“

„Вамъ не должно совершенно опчаяваться; можетъ быть есть еще надежда спаснись.“

„Таспиуса пытали до тѣхъ поръ, пока онъ не сказалъ Богъ знаетъ чего, выдалъ и меня за измѣнника опечесива. Теперь они и меня спашутъ пытанъ, и прежде нежели замучатъ до смерти, лучше признаюсь во всемъ, чего они хотятъ, чтобы разомъ всему положили конецъ.“

„Эпчимъ вы не можете своему дѣлу. — Развѣ вамъ нѣтъ никакого средства вышутаться изъ бѣды?“

„Ахъ, Маршынъ! Если ты не можешь мнѣ помочь, то ни одинъ человекъ въ свѣтѣ не поможетъ. Тебя любятъ граждане; если ты возьмешь мою сторону, тебѣ никто не спашетъ прошивурѣчишь.“

„Такъ, любезный родственникъ; но если и дѣйствительно меня любятъ граждане, и во многомъ меня слушаются, то они теперь слишкомъ раздражены, чтобы я могъ чтонибудь у нихъ выхлопотать. И скажите сами: если они наступили на горло Таспиусу, то на чемъ мнѣ основать ходатайство за васъ, когда вы спониме съ нимъ на одной сценѣ преступленія? По крайней мѣрѣ такимъ вы кажетесь въ глазахъ этихъ бѣ-

шенныхъ. Я бы могъ еще предложить одно средство; но о немъ ужъ ничего говорить. “ — прибавилъ онъ, прерывая разговоръ разомъ.

„Какое средство? — Ради самого Бога! Какое средство? — Любезный другъ мой, Маршынъ, скажи поскорѣе! “

„Вопль видите: если бы случилось, что Полина . . . вы меня понимаете . . . я бы могъ говорить какъ сынъ за своего отца, и, знаю навѣрное, градское общество успушило бы мои просьбы. “

„Ахъ, Маршынъ! Если это единственное средство, то я пропала. — Я лучше рѣшусь умереть, нежели обременить свою совѣсть нарушеніемъ клятвы. “ — При сихъ словахъ онъ опустилъ голову на грудь свою.

„За совѣсть то вашу именно, почтенный г. Веллингъ, — возразилъ Гизе, съ играющею на устахъ улыбкою скрыпной насмѣшки — шутъ ничего вамъ и бояться. Если сказать вамъ правду, то я съ нѣкотораго времени ужъ женакъ на вашей дочери тайно, съ благословенія Пастора. А-кого Богъ соединяетъ, того человекъ не разлучаетъ. “

Это извѣстіе проникло молнійнымъ лучемъ счастья въ мрачную душу Веллинга. Подобно юношѣ, вскочилъ онъ, обнявъ и облобызавъ Прокуратора, и оросилъ его слезами, произнося въ себя:

„о милый мой Маршынъ! Любезный, дорогой родственникъ! Ты мой сынъ, ты для меня все. Благодареніе небу, что оно внушило тебѣ эпошь умный вымыселъ, и меня спарика избавило опть тяжкаго спраху! Тысячу разъ благословляю тебѣ.“

Самъ Гизе не могъ не пронуться радостію несчастнаго спарца. Онъ съ нѣжностію принималъ его ласки, и сказалъ: „накъ позволете же мнѣ называть васъ своимъ опцемъ; съ вашего согласія мы объявимъ наше тайный союзъ, и заставимъ утвердить его.“

„Опть всего сердца, единственнй сынь мой. Одно только условіе долженъ ты выполнитьъ: какъ можно болѣе распустишь слухъ, что ты женился на моей дочери безъ моего согласія “

„Охотно исполню вашу волю. Только согласишься и вы употребишь средство, которое я вамъ предложу, и безъ котораго ваше спасеніе невозможно.“

„Скажи только, скажи! я готовъ сдѣлать все что тебѣ угодно.“

„Я знаю навѣрное, что васъ хотятъ пытать, какъ Таспіуса, чтобы вымучить у васъ признаніе. Не дожидайтесь этого; подтвердите все, чего опть васъ попребуютъ; сознайтесь во всемъ, въ чемъ васъ обвиняютъ; но вмѣстѣ съ

тѣмъ прибавляйте къ каждому отвѣту, что вы во всемъ исполняли волю Бургграфа. “

„Но, Маршынъ, не опасно ли это? — сказала Синдикъ, покачавъ головою, съ выраженіемъ боязни. — Если они наконецъ. . . . , “

„Будьте спокойны. Это единственное средство. Положитесь во всемъ на меня, вашего сына; если бы васъ осудили на смерть, то и тогда оставайтесь пверды; если бы даже васъ повели на эшафонъ, все не теряйте присутствія духа. Я спасу васъ, клянусь моею совѣстію, и приведу невредимымъ въ нѣдра вашего семейства. “

„Хорошо, Маршынъ; я послѣдую твоимъ наставленіямъ; я совершенно предаю судьбу мою въ твои руки. “

„Прощайте же, любезный г. Веллингъ! Между тѣмъ я все приготовлю, чтобы вы въ понедѣльный день, какъ возвратитесь къ намъ изъ пюрмы, могли праздновать съ нами нашу свадьбу; а немедленно послѣ нея, намъ надобно разстаться; вы должны будете тогда поспѣшнѣе отсюда удалиться. “

„Я — удалиться? — Куда? “

„Вамъ должно отправиться на нѣкоторое время въ Польшу, пока здѣсь пройдетъ вся опасность, и позабудется пеперешнее происшествіе.

Сверхъ того вы можете тамъ сдѣлаться полезными городу, а особенно вашему зяблю. “

„Ей Богу, любезный племянникъ, ты говоришь правду. Поступай какъ тебѣ разсудится, и какъ будешь для всѣхъ насъ лучше; я съ своей стороны готовъ съ почтоспїю во всемъ тебѣ слушаться. “

Обѣщавъ Веллингу постѣпить его снова, Гизе съ нимъ проспїлся, и очень обрадовалъ все его семейство извѣспїемъ о согласїи спарика на бракъ его съ Полиною, и увѣренноспїю, съ которою говорилъ о близкомъ освобожденїи Синдика. Всѣ скоро успокоились и предались приятной надеждѣ. Съ сего времени спарались какъ можно болѣе огласить тайный бракъ Гизе, умалчивая однакожъ, что Синдикъ въ шюрмѣ своей его одобрилъ.

Между тѣмъ Ейке, Канне и Нейнертъ покойно жили въ замкѣ, откуда открывли нуть узнавать все, что дѣлается въ городѣ. Не безъ опасенія свѣдали они о заключеніи Таспіуса въ тюрьму и пышкѣ его; страхъ ихъ увеличился, когда они слышали объ его признаніи, а еще болѣе когда до нихъ дошелъ слухъ, что и Синдикъ подвергся той же участи, что онъ въ допросѣ своемъ, безъ всякаго испуганія, не только подтвердилъ показанія своего товарища, но и сложилъ большую часть вины на Канне и Нейнерта, а Бургграфа объявилъ виновнѣ всѣхъ прочихъ. Распространилась неясная молва о близкой казни обоихъ заключенныхъ. Ейке разсудилъ, что пришла насюющая пора отправиться въ Польшу, какъ для безопасности собственной и своихъ товарищей, такъ и для того, чтобы постараться объ освобожденіи двоихъ задержанныхъ Сопѣтниковъ. Но какъ они знали,

что каждый ихъ шагъ горожане наблюдаютъ внимательнымъ окомъ, по приговору къ отъезду были сдѣланы съ возможною скрытностію. Кардиналъ же съ своей стороны обѣщаль назначить въ сопровожденіе имъ, соопвѣстственно сану Королевскаго Бургграфа, сильный охранительный отрядъ, до самой границы.

Въ одно утро увидѣли граждане, назначенные для наблюденія, что ворота замка отворились, и изъ нихъ выѣхали, подъ сильнымъ коннымъ прикрытіемъ, Бургграфъ, Канце и Оберъ-Паспоръ, которые, съ насмѣшкою кланяясь имъ, спокойно проѣхали мимо. Будучи слишкомъ слабыми, чтобы сколько нибудь воспрепятствовать этому поѣзду, они удовольствовались изъясненіемъ своей злобы въ угрозахъ и ругательствахъ; наконецъ имъ не осталось ничего болѣе, какъ передать своимъ согражданамъ извѣстіе о случившемся. Это пробудило съ новою силою едва укрощенное бѣшенство. Чтобы чрезъ какую нибудь хитрость не выпустишь изъ рукъ и заключенныхъ жертвъ, почти нужнымъ посчитавъ по крайней мѣрѣ надъ ними удовлетворить жажду мщенія. Съ запальчивостію требовали граждане, чтобы произнесли приговоръ надъ преступниками, обвиненными, по собственному ихъ признанію, въ измѣнѣ противъ опечестива. Принужденная необходимостію высокая Дума

должна была уступить ихъ желанію. Законы назначали измѣнникамъ четвертованіе; въ нихъ смягчили только то, что обоимъ пресупникамъ пришили опсѣчь головы. Когда имъ объявили эпитъ приговоръ, въ полномъ собраніи Думы, и въ присутствіи городскихъ старшинъ и чиновниковъ, Веллингъ поблѣднѣлъ, и сильный пренетъ пробѣжалъ по его членамъ; однакожъ казалось онъ нѣсколько успокоился, увидѣвъ въ собраніи своего зятя, который безпрестанными знаками давалъ ему разумѣть, что ему нѣчего бояться. Таспіусъ, который, казалось, также искалъ Прокурапора глазами, въ продолженіи всего времени сохранялъ спокойное, даже гордое выраженіе лица.

Узнавъ о послѣднемъ происшествіи, семейство Веллинга снова предалось мучительному страху, который Гизе умѣлъ однако смягчить своими священными увѣреніями, и наконецъ совершенно разсѣялъ, упорно настаивая, чтобы г-жа Веллингъ созвала къ 28 Іюня, дню назначенному для казни, ближайшихъ своихъ родственниковъ и друзей, праздновать освобожденіе своего мужа и бракосочетаніе самого его съ Полиною.

Наконецъ насталъ спрашный день, при такой погодѣ, какъ будто бы природа приготавлилась праздновать день мира и радости. Она украсилась всѣмъ очарованіемъ наступающаго времени

года, какъ бы въ намѣреніи сдѣлать для осужденныхъ распаваніе съ жизнію, сколь можно тяжело. Крошко и ласково улыбалось солнце на безоблачномъ небосклонѣ; казалось все чему то внимало, и было погружено въ усладительное чувство благодѣтельного его присущества; лишь жужжаніе беззаботныхъ мухъ и трудолюбивыхъ пчелъ прерывало торжественную тишину; неспрыя бабочки весело порхали и носились въ благораспоренномъ, благоуханномъ воздухѣ. Ахъ! какъ веселось и блескъ окружающихъ предметовъ пропигурчавъ часно неизяснимой скорби спраждащаго человеческого сердца. Грозно возсталъ на площади поспѣшно успроенный ночью эшафонъ; началъ быть уже гошовъ, и безчисленное множество любознательствующихъ собралось насладиться ужаснымъ зрѣлищемъ. У самыхъ ступеней эшафона стоялъ Гизе, завернувшись въ широкій бѣлый плащъ, не смотря на дневный жаръ; подле него были Бринкенъ и Спенгензенъ, а около послѣдняго шлона самыхъ вѣрныхъ его сообщниковъ. Вдругъ раздался съ Рапуши протяжный звукъ роковаго колокола; двери темницы распворились, и оба несчастные, каждый въ сопровожденіи духовной особы, назначенной утѣшать его въ послѣднія минуты, и опряда вооруженной спражи, были приведены, для кровавой развязки сего позорища.

Сперва приблизился къ покрытому краснымъ сукномъ помосту Таспиусъ, которьй, при этомъ видѣ, не могъ удержаться отъ невольнаго содроганія; однако онъ скоро опять укрѣпился, и съ нѣкоторою смѣлою увѣренностію взошелъ по ступенямъ. Когда же палачъ раздѣлъ его, и собирался обрѣзать ему на запятыи волосы, имъ овладѣлъ страхъ невыразимый. — „Оспановись! — вскричалъ онъ задыхающимся голосомъ, съ лицомъ обезображеннымъ отъ винупреннаго волненія: — Измѣна! — Я невиненъ. — Гизе.“

Но палачъ схватилъ его уже за волосы; съкира блеснула по воздуху, опразивъ лучи солнечныя; струя крови брызнула вверхъ, и горячія красныя капли упали на лице Гизе, и запяли бѣлый плащъ его. На обширной, покрытой народомъ площади господствовала ужасающая тишина, которую наконецъ прервалъ палачъ обычнымъ восклицаніемъ: „въ точности ли исполненъ приговоръ?“ — Вслѣдъ за сими словами, онъ поднялъ высоко вверхъ окровавленную голову несчастнаго. Тогда настала очередь Веллинга всходить на эшафотъ; его поддерживалъ бывшій при немъ духовникъ; ибо онъ каждую минуту, казалось, готовъ былъ упасть въ обморокъ. Вдругъ Гизе возвысилъ голосъ, среди продолжающагося всеобщаго молчанія: „поспѣйте друзья! — Довольно пролило крови. Вы слышали,

что эпошь человекъ, въ минушу смерти, объявилъ себя невиннымъ; можетъ бытъ въ самомъ дѣлѣ виноваты одни тѣ, которые убѣжали въ Польшу. Я ручаюсь за Синдика, пока мы приберемъ къ рукамъ Бургграфа. — Невняпный говоръ былъ опивѣпомъ на сіе обращеніе; но Гизе, потчасъ накинувъ широкій свой плащъ на прещущаго Веллинга, поднялъ съ Бринкеномъ его на руки; сообщники ихъ сославили около нихъ тѣсный кругъ, и очистили себѣ дорогу сквозь народъ. Сей послѣдній, всегда спошь непоспоянный, издавъ радоспный крикъ, и двинулся какъ бы съ поржеспвомъ провожая челоука, котораго крови, за минушу вредъ тѣмъ, жаждалъ съ оспервенѣніемъ, къ его жилищу. Здѣсь испуганный до крайности спрададецъ пришелъ въ себя, и возвращенная ему жизнь разлилась съ такою силою по вновь опкрывшимся жиламъ, что онъ спалъ похожъ на пьянаго. Онъ плакалъ и смѣялся въ одно время, бросался изъ однихъ объятій въ другія, падалъ на колѣна, молился и ломалъ себѣ руки, опять вскакивалъ, цѣловалъ спошь и ешуля, и говорилъ совершенный вздоръ. Наконецъ мало по малу укропилось дѣйствіе сильнаго потрясенія, успунивъ мѣсто сердечной, смѣшанной со скорбію радоспн. Скоро домъ наполнился пришедшими съ поздравленіями родспвенниками и друзьями, въ числѣ кото-

рыхъ былъ и Георгъ. Чрезъ нѣсколько времени Полина, оставившая общую комнату, когда начали собираться гости, вошла въ брачномъ нарядѣ, руку объ руку съ Гизе. Мать представила ихъ обществу, какъ жениха и невесту, оправдывая предположенное торжество, довольно несообразное съ настоящимъ случаемъ, скорымъ опѣздомъ своего супруга. Вслѣдъ за тѣмъ Даленъ, въ священническомъ облаченіи, приблизился къ красивой чепѣ, и произнесъ приличную обстоятельную изящную, сильную рѣчь, совершилъ надъ молодыми людьми, въ присутствіи всего собранія, торжественное бракосочетаніе. По окончаніи обряда, начались снова обычныя поздравленія; отецъ возложилъ руки на голову новобрачной; Анна Веллингъ обливалась слезами; Варвара съ тихимъ плачемъ прижимала къ груди бѣдную Герспруду, ласково припля ей щеки; во всемъ обществѣ господствовало свойственное подобнымъ обстоятельствамъ расположеніе духа торжественно печальное, которое однакожь скоро измѣнилось въ непринужденную веселость, сдѣлавшуюся напоследокъ споль всеобщей и спремительной, что прошедшее и будущее исчезли въ роскошномъ наслажденіи настоящего.

Одна Анна Веллингъ мало принимала участія въ общемъ празднествѣ, будучи слишкомъ озабо-

чена, частію угощеніемъ посѣпителей, частію сборами къ опъзду ея мужа. И Синдикъ, посреди шума веселящихся, былъ угнѣшенъ и огорченъ мыслию, что онъ скоро, и можетъ быть на долго, принужденъ будетъ разспаться съ людьми ему любезными. Наконецъ наступила гореспная минута; зажженные восковыя свѣчи, принесенныя въ тяжелыхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ, напомнили, что благопріятнеспвующая бѣспсву темнота уже наступила. Заботливая Анна, въ избѣжаніе поспороннаго вниманія, давно уже выслала за городскія воропа повозку, которая должна была переселить ея мужа въ далекій край безопасности. Гизе начиналъ безпокоиться, и убѣждалъ медлющаго спарика ускорить свой опъздъ. Почти плача, вскрикнулъ Веллингъ: „и такъ въ самомъ дѣлѣ я долженъ опсюда уѣхать, я долженъ разспаться со всѣмъ, что есть на землѣ мнѣ дорогаго и милаго? Не будь такъ жестоко, Гизе! Позволь мнѣ еще побыть здѣсь. Опасность, по крайней мѣрѣ на нынѣшній день, ужъ вѣрно миновалась.“

„Можетъ спаться миновалась, а можетъ быть и нѣтъ, — возразилъ Гизе. — Кто поручится, хопя на одну минуточку, за чернь, перемѣчивую какъ вѣтеръ? Лучше предупредишь всякій случай. Авось, по милоспни Божіей, эта разлука будетъ непродолжительна.“

„Ахъ! кто знаетъ? — отвѣчалъ со вздохомъ Синдикъ. — У меня такъ тяжело на сердцѣ; я долго, долго не увижусь съ своими.“

„Э! бросьте такія мысли! — Спѣшите скорѣе оплкаясь городу; о скоромъ вашемъ возвращеніи мы здѣсь ужъ позаботимся.“

Но спарикъ все еще медилъ; еще не могъ онъ расшаться съ домомъ, какъ вдругъ явилось убѣжденіе другаго рода, которое положило конецъ всякой нерѣшимости.

На улицѣ снова послышалось смяшеніе, почто такое, какъ въ ту бурную ночь, которой ужасы еще живо предспавлялись воображенію. Тихо и оспорожно опворилъ Гизе одно окно, и увидѣлъ собравшуюся предъ домомъ вооруженную шолпу, а впереди ея съ ужасомъ замѣнилъ нѣсколько самыхъ несповыхъ, опчаянныхъ головорѣзовъ, съ которыми не было ни одного изъ людей ему преданныхъ.

„Скорѣе, скорѣе! — закричалъ онъ Синдику. — Ради Бога скорѣе, или вамъ не избѣжать несчастья!“

Въ то же время схватилъ онъ связку ключей, попребовалъ пошашаго фонаря, и пошашилъ за собою расперяшагося Веллинга, почти не давъ ему времени обнять жену и благословить дѣшей, къ подземному проходу, уже однажды спасшему бѣгле-

цовъ. Здѣсь всунуль онъ въ руки своему шестю фонарь, поспѣшно проснулся съ нимъ, заперъ за нимъ дверь, и немедленно возвратился къ обществу, которое нашелъ очень встревоженнымъ и испуганнымъ. Снизу раздались угрозы и ругательства, и возмущенная чернь, казалось, готовилась къ насильственнымъ поступкамъ. Гизе быспро выбѣжалъ на улицу. — „Тише, дѣти, тише! — закричалъ онъ. — Или вы опять хопните навлечь на городъ несчастіе, и повредите нашему дѣлу безпорядками и буйствами?“

Вмѣсто отвѣта раздался грубый голосъ: „прорвите, бранцы! Нападайте на домъ! — Кто здѣсь имѣетъ право намъ приказывать?“

„Молчать! — прогремѣлъ Гизе. — Спрашиваю васъ: чего вамъ надобно?“

„Измѣнника Синдика! — Вы дайте его намъ, шакъ мы уйдемъ.“

„Ваше желаніе могло бы исполниться безъ шума и крика, — отвѣчалъ Гизе — если бы вы пришли пораньше; а теперь ужъ Синдика нѣтъ дома.“

„Неправда! — раздалось съ разныхъ сторонъ. — Впередъ, ребята, ломайте домъ!“

„Спой! — вскрикнулъ Прокураторъ громовымъ голосомъ. — Кто смѣетъ сказать, что Марьяны Гизе лжетъ? — Даю вамъ честное слово, что Синдика нѣтъ дома, и потому совѣтую вамъ больше не буинить, а не по вы — знаете Гизе!“

Вліяніе его было еще столь сильно, что толпа, казалось, начинала укрощаться и уступать. Но потомъ прежній голосъ вскричалъ снова: „за мною, брашцы! Если лисица ушла изъ норы, то опъ насъ не спрячется; я знаю ея слѣдъ.“

Съ сими словами говорящій поворотился, и все скопище шумно успремилось за нимъ. Съ безпокойствомъ преслѣдовалъ Гизе направленіе толпы, и въ задумчивости возвратился въ общество, гдѣ былъ осыпанъ вопросами и похвалами. Теперь, когда опасность миновалась, двойнѣ радовались удавшемуся бѣгству Синдика; сама хозяйка дома казалась веселѣе, и скоро возобновилось общее ликование. — Тогда вошелъ въ комнату слуга, и сказалъ Прокуратору, что кто то въ сѣняхъ, въ большемъ страхѣ, его спрашиваетъ. Гизе поблѣднѣлъ какъ смерть, и хотѣлъ итти за слугою, какъ Полина, опъ котрой не скрылось внезапное измѣненіе въ его чертахъ, схватила его за руки, въ пляжкомъ помленіи спрашивая его: „ради Бога, Марпынь! Что съ тобою? — Что такое случилось?“ — „Ничего, ничего, милая! — опвѣчалъ онъ, потчасъ скрѣпясь, — очень нужное дѣло пребуешь моего присупствія. Не показывай предъ госпами никакого безпокойства, даже и тогда, если бы я не пришелъ цѣлую ночь.“ — Сказавъ это, онъ хотѣлъ опъ нея освободиться, но взгля-

ювь еще разъ въ лице молодой своей супругъ ,
 увидѣль крупныя капли слезъ , капающіяся по блѣд-
 нымъ ея щекамъ . Тронутый , прижалъ онъ ее къ
 груди , и прибавилъ : „упѣшься , любезная Полина ,
 молчи и надѣйся на лучшее .“ — Онъ еще разъ съ
 нежностію обнялъ ее , еще разъ поцѣловалъ ее въ
 глаза и щеки , и исчезъ съ ожидавшимъ его слугою .
 Со слезами пошла Полина въ уединенную свою
 комнату . Всего этого происшествія веселящіяся
 госпни нисколько не замѣтили , и когда немного
 позже хвапились Гизе , и не могли найсти ни его
 ни молодой супруги , то разсынались въ оспро-
 шахъ и шуткахъ , на счетъ *противузаконнаго* ух-
 да молодыхъ . До утра продолжалось пиршество ,
 и только тогда можно спало хозяйкѣ и ея домаш-
 нимъ подумать о постели , и на нѣсколько ча-
 совъ успокоиться .

Когда Гизе вышелъ въ сѣни, ожидавшій его человекъ поспѣшно сказалъ ему нѣсколько словъ, и оба, не теряя ни минушы, оправились изъ дома. На улицѣ первый спросилъ своего спутника: „скажи же мнѣ, Ганеъ: какъ это все было?“

„Ахъ, эпопъ проклятый Боне! — отвѣчалъ Бринкенъ — онъ ио и подыалъ оянь все спарос дѣло.“

„Боне? — Да! онъ несносная пварь; однакожь рассказывай все по порядку, какъ что происходило.“

„Вошь видишь: когда мы опинесли сегодня по упру Синдика домой, и я возвратился на мѣсто, то весь народъ сполнился въ разныя кучи; куда оправилась самая большая, шуда и я за нею. Они пошли въ домъ подъ вывѣскою синей кошки; я шуда же; а наши къ Варедомею-Бочкѣ. Боне

повелъ рѣчь, и бранился, не на живошь, а на смерть; онъ говорилъ, что ты Иезуишь и водишь градское общесство, какъ медвѣдя на веревкѣ; сперва многіе прошивурѣчили, но наконецъ согласились съ нимъ. Я былъ одинъ одиухонекъ изъ своихъ, и не смѣлъ рта разинушь. Наконецъ Боне рѣшилъ, что ты распощалъ всѣ права гражданъ ногами, что ты насильспивеннымъ образомъ избавилъ Синдика отъ заслуженной казни; между тѣмъ слушащелли все больше и больше разгорячались. Ужь смерклось, какъ вошелъ спорожь отъ городскихъ ворошь, и сказалъ, что принесъ добрую вѣсть. Отъ него узнали, что слуга Веллингвъ выѣхалъ съ повозкою за городскія вороща, и спража сочла нужнымъ дасть о томъ знашь сословіямъ. Отъ этого извѣспія поднялась страшная сумашоха. Боне говорилъ о тайномъ заговорѣ и измѣнѣ, и наконецъ все собраніе согласилось, что надо иппи къ дому Синдика, чтобы запереть ему всѣ пупи къ бѣгспву. “

„Ну, да это я знаю; — прервалъ Гизе съ неперпнїемъ — скажи, какъ дальше было. “

„Вотъ какъ они пришли къ дому, ужъ ппичка улештѣла. Но Боне зналъ по какой дорогѣ она опсправилась: на дворѣ еспь проходъ; ему доспался шамъ однажды госпинець; такъ онъ съ тѣхъ поръ ему памящень. Когда Синдика не нашли въ

домъ , Боне съ однимъ оправдомъ пошелъ къ задней споронѣ сада , а другой послалъ къ городскимъ въ рошамъ . Не долго дожидались , пока Синдика поймали и посадили въ шюрму . “

„Ахъ , какое несчастіе ! — вскрикнулъ Гизе . — А гдѣжь были наши ? “

„Большая часть была у Вареоломея , — отвѣчалъ Бринкенъ . — Да и изъ нихъ многіе измѣнили ; нынѣшнее дѣльцо кажется имъ не понравилось . “

„Ну , такъ спунайже и спарайся , чпобы они не расходились — сказала Гизе съ досадою . — Чпю будетъ выпишо — на мой счетъ ; завтра , въ 6 часу послѣ обѣда , будь у меня ; до пѣхъ поръ съ Богомъ ! “

Съ сими словами Прокураторъ удалился , а Бринкенъ отправился , по данному приказу , въ питейный домъ Вареоломея-Бочки . Первый пошелъ ближайшею дорогою къ шюрмѣ ; хопя шемничный спражъ и не соглашался было впустишь Гизе , но онъ умѣлъ склонить его на свою спорону . Войдя , онъ заспалъ бѣднаго Веллинга , сидящимъ у стола , при свѣтѣ пусклаго свѣщильника , и прилѣжно пишущимъ . Услышавъ шумъ , онъ взглянулъ и подалъ своему зашю руку , хопя печально , но довольно спокойно . — „Видишь ли , любезный Марпынь ? — сказала онъ — предчувствіе мое слишкомъ оправдалось . Я на долго , на всегда проспился съ своими . “

„О, Боже мой! — вскричала Гизе съ прискорбіемъ. — За чѣмъ вамъ было медлить, до шѣхъ поръ, какъ спало ужъ поздно? “

„Успокойся, добрый Маршынъ, успокойся! — Это ужъ Божеское поущеніе. — Человѣкъ никогда не избѣгнешь своей судьбы. Да будетъ воля Господня! “

„Я нахожу васъ шверже, нежели надѣялся, любезный бапюшка, и потому можете быть мнѣ еще разъ удастся спасти васъ. “

Ты обольщаешь и меня и себя пустою надеждою. Не шрудись по напрасну. Часъ мой пробилъ; чувствую это въ полной мѣрѣ; со мною будетъ такой же конецъ, какъ съ Тасіусомъ. Но ччтобы покрайней мѣрѣ память моя сохранилась безъ пятна, я осшавляю эту рукопись; по смерти моей она должна быть предшавлена высокой Думѣ. Я слабый старикъ; мученія пышки могутъ испоргнуть у меня признаніе въ прешупленіяхъ, о которыхъ душа моя не знаетъ, не вѣдаетъ. Но эта бумага очистишь меня въ глазахъ всѣхъ справедливыхъ. “

„Ради Бога, не говорите такъ, бапюшка! — Вы раздираете мнѣ сердце. — Ахъ, вы не знаете какъ мнѣ дорого ваше спасеніе. — Самая жизнь моя зависить опъ вашей. “

„Я вижу, ччто ты мнѣ желаешь добра, Гизе.

— продолжалъ Велингъ, съ большимъ чувствомъ пожавъ ему руку. — Но ты бы худо сдѣлалъ, если бы пробудилъ во мнѣ снова любовь къ жизни. Рассчепь мой со свѣтомъ конченъ. “

„Нѣтъ, я больше не выдержу! — вскричалъ Гизе — прощайте, бабюшка! вы обо мнѣ услышите. “ — Съ этими словами онъ побѣжалъ, какъ опчаянный.

Синдикъ оспался одинъ. — „Тихе, — сказала онъ самому себѣ — тише старое сердце! — Не рвись оная къ міру, къ которому ты ужъ не принадлежишь, и опъ котораго бы ты давно уже съ радостію отказалось, если бы тебя не оковывали узы нѣжной любви. О, бѣдная Анна, милая, сердечная моя дѣшн! Что съ вами спанется, когда меня не будетъ? — Помилуй васъ Господи! “ — Онъ погрузился на минушу въ горестное молчаніе, и нѣсколько крупныхъ слезъ скапилось по щекамъ его. Вдругъ бросился онъ на колѣна, поднялъ вверхъ обѣ руки, и произнесъ въ сильномъ волненіи: „о, Создатель небесный! Прими сиротъ подъ покровъ свой; будь имъ опцемъ и заступникомъ, и если ты, въ неизмѣримой благости своей, не отвергнешь горячей молитвы умирающаго, то возкагради ихъ за потерю меня, и допусти оная бѣдную мою Герспруду въ кругъ пварей мыслящихъ, чптобы она могла быть опорой несчастной

своей матери, и заплашишь любовію доброй Варварь! “ — Чудно утѣшенный, онъ вспалъ, и въ задумчивости началъ ходишь взадъ и впередъ по тѣсной комнаѣ. — „И что такое жизнь? — продолжалъ онъ, въ пихомъ размышленіи. — Частая пикань заблужденій, по которой мы прилѣжно спѣшимъ впередъ, пока очутимся предъ темною дверью, дверью скрывающею опъ насъ единственныя свѣтъ и истину. — Ахъ! и моя жизнь была безпреспаннымъ колебаніемъ, непрерывною смѣною заблужденій; и теперь, когда я уже спущусь въ темную дверь, можетъ бытъ я вязну въ заблужденіи, которое лишитъ меня вѣчнаго спасенія. Кто освѣтитъ меня въ этой темнотѣ? Согрѣшилъ ли я предъ Господомъ, опложася опъ природной своей вѣры, или принесъ достойную жертву благодарности? “ — Погрузаясь въ глубокую думу, онъ остановился, сложа крестообразно руки, и молчалъ нѣсколько времени, потомъ, вскрикнувъ съ внезапною рѣшимостію: „пусти будешь такъ! пусть, за отсутствіемъ во мнѣ внупреннаго свѣта, рѣшишь случай! “ — быспрыми шагами подошелъ къ двери, и постучалъ въ нее какъ могъ ерѣнче, чтобы призвать спорожа. Когда послѣдній явился, онъ сказалъ ему: „сдѣлай одолженіе, любезный Фишеръ, сходи въ Іезуитскую коллегію, къ опцу Кампанусу, и попроси его ко мнѣ. Если

жъ его нѣтъ дома, или онъ не захочеть прийти, по дойди до Пастора Далена, и скажи, что я прошу его посѣтить меня на нѣсколько минуць. Трудъ твой, любезный Фишеръ, не останется безъ награды. — Съ удивленіемъ взглянулъ Фишеръ на Синдика, и покачавъ головою, пошелъ исполнить данное ему порученіе. Черезъ нѣсколько времени онъ воропился съ извѣстіемъ, что отецъ Кампанусъ, не за долго предъ нимъ, вышелъ съ Гиве, и отправился, какъ онъ слышалъ, къ Кардиналу, въ замокъ, гдѣ останется на ночь, а Пасторъ Даленъ будетъ вслѣдъ за нимъ. Скоро послѣ того дѣйствительно вошелъ въ комнату заключеннаго достойный пастырь. Веллингъ чувствовалъ себя чрезвычайно успокоеннымъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, не онъ, а судьба опредѣлила, на что ему рѣшишься. Съ большою радостію принялъ онъ давнишняго своего друга, и рассказалъ ему съ дѣтскою откровенностію, какъ въ первую свою повѣзку въ Польшу, ослѣпленный увлекательнымъ краснорѣчіемъ Кампануса, и успрашенный ужаснымъ его изображеніемъ вѣчной муки, ожидающей, въ наказаніе за грѣхъ проптивъ Святаго Духа, тѣхъ, которые, познавъ истину, презрѣли ее, онъ, оставя Люперанскую вѣру, перешелъ въ Каполической, и какъ онъ съ тѣхъ поръ, не имѣя покоя, шерзался безпрестаннымъ сомнѣніемъ. — Внимательно вы-

слушалъ Далея Веллинга, и чтобы уничтожить въ немъ сомнѣнiе, и успокоить его, развилъ предъ нимъ чистохристианское ученiе перниности, хотя нисколько не свойственное тому вѣку, но глубоко проникшее въ сердце несчастнаго. — „Предъ Богомъ — говорилъ онъ между прочимъ — все равно, посредствомъ какихъ наружныхъ знаковъ мы ни чпимъ его. Тихая молитва въ уединенной комнатѣ, какъ училъ самъ Христосъ, лучшая жертва, какую мы можемъ принести Создателю, и постоянная, усмремленная ко благу нашихъ ближнихъ дѣятельность, достойнѣе лепетанiя языка.“ — Такимъ образомъ удалось ему довести колеблющаго до совершеннаго, спокойнаго убѣжденiя. Онъ прознесъ, вмѣстѣ съ нимъ, сильную и протавительную молитву, и предложилъ ему, съ приличнымъ торжественному дѣйствию достоинствомъ, святое причастiе. Когда онъ оставилъ заповорника, уже забрезжилось утро, и успокоенный Веллингъ повергся въ объятiя усладительнаго сна.

Между тѣмъ Гизе, прямо изъ пемницы своего песпя, поспѣшилъ въ Иезуитскую коллегiю, къ Кампанусу. — „Святой отецъ! — сказалъ онъ, входя къ нему въ комнату, съ сильнымъ волненiемъ, изображавшимся въ чертахъ его — вы увѣрили меня въ своей дружбѣ, и ясно обнаружили расположенiе свое въ пользу Синдика Веллинга:

докажете шеперь и то и другое спасеніемъ жизни несчастному моему шеспію. “

„Вы говорите загадками, любезный г. Прокураторъ. Если я пакъ васъ понимаю, то вы называете своимъ шеспіемъ Синдика Веллингъ, и ему просите спасти жизнь; но сколько мнѣ извѣстно, онъ уже давно внѣ всякой опасности, и я вообще не вижу связи въ этомъ дѣлѣ. “

Гизе разсказалъ ему, съ возможною краткостію, происшествія послѣднихъ дней, и объяснивъ спеченіе обспояшельспивъ, снова убѣждалъ его употребить все свое вліяніе, для спасенія несчастнаго опъ погибели. Іезуиты показали себя на все гошовымъ, и послѣ долгаго совѣщанія, они рѣшили, чшобы Кампанусъ въ шопъ же вечеръ отправился къ Правителю, въ замокъ, и старался уговорить его испитить Синдика у буншующихъ гражданъ, вооруженною рукою. По шому же условію, Польскіе войны должны были на разсвѣтѣ пробраться въ городъ, по одиначкѣ, чрезъ разныя ворота, собраться въ Іезуитской коллегіи, и отправиться опшуда съ Прокураторомъ Гизе, когда наспанеть время. Послѣ сего уговора, они разспались; Кампанусъ посѣщилъ въ замокъ, а Гизе въ шѣ мѣсна, въ которыхъ почишалъ нужнымъ свое присушество.

На другой день Анна Веллингъ, довольно поз-

до вставъ съ постели, нашла Полину одну въ ея комнапѣ, сидящую у окна, съ изнуреннымъ опъ бессонницы лицомъ и заплаканными глазами. На нѣжные вопросы мапери она опвѣчала лишь жалобами на нестерпимую головную боль; когда наконецъ первая спросила Полину о своемъ зяпѣ, у ней полились ручьемъ слезы, и Анна узнала, что Гизе не былъ со вчерашняго вечера. Сколько ни встревожило ее это извѣстiе, она испугалась гораздо больше, услышавъ, что слуга, котораго она выслала съ повозкою за городъ, возвратился упромъ, напрасно прождавъ Синдика всю ночь. Она послала къ Гизе, но ей опвѣчали, что онъ вовсе не приходилъ домой. Тогда шомпительность неизвѣстности сдѣлалась для сего семейства еще мучительнѣе, и достигла бы высочайшей, ужасной степени, если бы, подобно Ангелу упѣшителю, не явился посреди его Георгъ Мёллеръ. Онъ употребилъ все, что представляли ему разумъ и вѣра, чтобы успокоить и упѣшить горько рыдающую Анну и погруженную въ безмолвное опчаянiе Полину, но не скрылъ опъ нихъ однако, что Синдика схватили и заперли въ шюрму, ибо очень хорошо зналъ, что легче перенести неизбежное несчастiе, нежели жестокою неизвѣстностью; даже самую надежду на спасенiе представилъ онъ имъ въ темной доли, какъ весьма невѣрное по-

бочное обещательство, думая, что лучше въсполь важномъ случаѣ, приучить несчастныхъ къ самой ужасной мысли, нежели обольстительною надеждою усыпить боязнь ихъ, и тѣмъ сдѣлать ударъ, когда оны послѣдуютъ, еще смертельнѣе. Онъ безпрестанно упоминалъ о невѣдомыхъ пуняхъ провидѣнія, которое наилучшимъ образомъ знаешь, что намъ, бѣднымъ, слѣднымъ смертнымъ, прилично и полезно.

„Разсудите сами, любезная креспная мапушка, что можетъ вся человѣческая мудрость, все напряженіе человѣческой силы, противъ предвѣчной воли Господа силъ небесныхъ? Если оны захочетъ продлить земное поприще вашего супруга, то проведетъ его невредимо сквозь всѣ угрожающія опасности, среди всѣхъ раздраженныхъ враговъ его; если же иначе определено въ святомъ его совѣтѣ, то упомянутый пруженикъ освободится отъ всѣхъ земныхъ скорбей, и вкушитъ вѣчное веселіе на лонѣ отца, который и вамъ подастъ силы перенести краткую разлуку, и самую эту минушнюю потерю можетъ замѣнить какимъ нибудь неожиданнымъ счастьемъ.“

„Ахъ, любезный Георгъ! — возразила съ слезами, ужъ не споль сильными, Анна Веллингъ — какого счастья ожидаешь мнѣ еще на землѣ, когда

и должна лишиться моего добраго, вѣрнаго супруга? “

„Пупки Господа неисповѣдимы.“ — опивчалъ Георгъ, и такимъ образомъ ему дѣйствительно удалось возбудить по крайней мѣрѣ въ Аннѣ и Варварѣ, если не веселость, по крайней мѣрѣ ту переплывую покорность воли сущесива вышняго, которая одна можетъ пролить бальзамъ въ спираждущее сердце, и которая есть исключительный даръ души испинно кропкой. Лишь на Полину слова его, казалось, не произвели никакого впечатлѣнія. Безъ всякаго учаспія, вперивъ воспаленный, ни одною слезою не облегченный взоръ въ землю, сидѣла она въ мрачномъ молчаніи, какъ живой образъ опчаянія.

Не прежде вечера явился Гизе. При видѣ его, Полина сильно испугалась, однако не произнесла ни слова, и не поднимая глазъ, оспалась на своемъ мѣстѣ. Молодой супругъ посѣвшиль къ ней, и нѣжно сжалъ ее въ объятіяхъ. Не опивчая на его ласки, она встала и спросила глухимъ безчувственнымъ голосомъ: „Гизе, гдѣ мой отецъ? “ — Онъ измѣнился въ лицѣ, и снова посадилъ ее колеблющуюся на стулъ; прочіе приспустили къ нему, всѣ вмѣстѣ, съ тысячью вопросовъ. Казалось Гизе лишился всего мужесива; онъ опивчалъ кропкой и разсѣянно; во всѣхъ чертахъ его выра-

жалась попка необыкновенная, непреодолимая; наконецъ вскричалъ онъ, какъ бы въ отчаяніи: „ради Бога, пустише меня! — Но я клянусь: или спасу Синдика, или вмѣстѣ съ нимъ найду желанную погибель.“ — Съ этими словами, онъ бросился въ двери, какъ бѣшеный, не слушая зова мапери, ни просьбъ доброй Варвары. Полина опять погрузилась въ безчувственное молчаніе; неулыбная Анна обратилась въ слезахъ къ Георгу, съ просьбою не оставиши ихъ въ несчастіи, и какъ онъ оспались безъ мущины, проведши ночь въ ихъ домѣ; молодой человекъ согласился пѣть охотнѣе, чпо не безъ горести ожидать близкой минушы разлуки, получивъ нѣсколько времени пому назадъ давно желаемый вызовъ въ Вецларъ, въ качествѣ члена тамошняго Верховнаго Судилица. Когда день отпѣзда былъ уже у дверей, почувствовавъ онъ въ полной мѣрѣ какъ привыкъ къ этому семейству, и какъ любезна его сердцу нѣмая, можно было сказать, заживо мертвая Герспруда; въ этой необычайной, едва не чудесной склонности онъ не могъ дать себѣ отчета.

Между пѣть Гизе посѣщилъ въ Іезуитскую коллегію; но пуда еще не прибыло ни одного человека изъ Польской дружины, и даже Кампанусъ не возвращался изъ замка. Наконецъ узналъ онъ, чпо еще со вчерашняго дня, неизвѣстно по чьему

приказанію, городскія ворота заперты, такъ, что всякая помощь, ожидаемая изъ замка, сдѣлалась невозможною. Это извѣстіе раздражило Прокуратора, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудило въ высочайшей степени его рѣшимельность и дѣятельность. Онъ привелъ въ движеніе всѣ пружины, перебивалъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ надѣялся найти соучастниковъ, и употребилъ всю силу своего краснорѣчія, чтобы расположить сколько можно болѣе гражданъ въ свою пользу. Но казалось, что со смертію Таспиуса его звѣзда померкла, что ему болѣе ни въ чемъ не будетъ удачи. Большая часть его слушателей, казалось, превратилась въ ледяныхъ испукановъ, коихъ не могъ болѣе согрѣть пламень рѣчей его; иные даже объявили ему начисто, что они бы сочли за грѣхъ, хотя малѣйшимъ образомъ содѣйствовать освобожденію Синдика; не многіе оспались ему вѣрными, и увѣряли его въ неограниченной своей преданности. Такимъ образомъ онъ провелъ цѣлый день до поздней ночи въ неутомимомъ движеніи, и наконецъ пришелъ опять въ пещицу, гдѣ сидѣлъ несчастный Веллингъ, сообщивъ ему все, что до тѣхъ поръ случилось, и давъ нужныя наставленія. Но шпоремный спорожъ на опрѣзъ онказался внуспивъ его, увѣряя, что, по прочненіи Синдику приговора, ему спрожайше приказано не допускать

болѣе къ заключенному ни одного челоуѣка, кромѣ духовника.

„Опѣ всей души, г. Прокурапорь, — сказала спорожь — желалъ бы я, чпобѣ вы вошли къ почтенному спарцу, но за это можно понаспѣ, Богъ знаеспѣ, въ какую бѣду. По чеспи мнѣ очень жалъ его; правда, сперва онъ очень посковалъ и сокрушался, какъ всякій бѣдный грѣшникъ, но съ пѣхъ поръ, какъ увѣрился въ своей смерпи, такъ спокоеспѣ и такъ шерѣливъ, чпо почти можно счеспѣ его за невиннаго.“

„Онъ въ самомъ дѣлѣ невинеспѣ, любезный Фишеръ; — опѣвчалъ Гизе — попому шо я и прошу тебѣ: впуспи меня. Я принесъ ему извѣспѣ о жепѣ его и дѣшахъ.“

„Ахъ, бѣдный, бѣдный! О помѣ только онъ шеперь и крушптся, чпо долженъ распашься съ ними, не выдавъ и не благословивъ ихъ. Но все это не пособишь; я не смѣю исполнить вашей просьбы; ночь эта послѣдняя.“

„Какъ! — спросилъ Гизе, съ ужасомъ — и такъ завтра?“

„Ахъ, Боже мой! какъ же? — Развѣ вы не знаепте, г. Прокурапорь? — Хошя въ первомъ допросѣ Синдикъ ушверждалъ, чпо онъ совершенно невинеспѣ во всемъ случившемся, но когда его повели къ пынкѣ, шо во всемъ признался, чего опѣ него

ни требовали. И такъ прежній приговоръ подтвержденъ и завтра по упру будешь исполненъ. “

Гизе предлагалъ спорожу все возможное, спараясь вынудить его позволеніе хотя одну минуточку поговорить съ заключеннымъ; но подарки, просьбы, угрозы — все оспалось щепетнымъ. Спарикъ былъ непоколебимъ. Въ величайшемъ огорченіи, и наконецъ опчаясь въ успѣхъ своего предпріянія, Гизе удался.

Анна Веллингъ провела ночь безъ сна, въ чрезвычайномъ безпокойствѣ. Войдя, рано по упру, въ общую комнату, она нашла ужъ въ ней молодого Мёллера, котораго также не воспользовался посланною для него поспелью. Скоро собрались и прочіе домашніе, и въ сумной тишинѣ, часъ проходилъ за часомъ. Вдругъ на улицахъ сдѣлалось шумно; слышались смѣшанные звуки многихъ голосовъ, и шаги бѣгающихъ взадъ и впередъ людей. Голоса и бѣготня часъ опть часу умножались. Георгъ, предчувствуя ихъ причину, со спрахомъ подошелъ къ окну; безмолвная, глубокая скорбь Полины, казалось, еще усилилась, а Анна, въ испугѣ, спрашивала, опть чего такой необыкновенный шумъ, но не получила никакого отвѣта. Приблизясь къ ней, Георгъ замѣнилъ, что Герпируда, чего никогда не случалось, вспала безъ посторонняго содѣйствія, и ему показалось какъ будто скор-

бное чувство мелькнуло въ чертахъ ея. Удивясь, сообщилъ онъ свое замѣчаніе шепкѣ Варварѣ; но она опивчала со вздохомъ: „ахъ, любезный? Мёллеръ, на нее вся надежда пропала; еслибы Господь Богъ въ другомъ по надъ нами смилвался.“

Между тѣмъ внезапно возникшее смятеніе также скоро и исчезло, и его смѣнила, около дома Беллинговъ, мершвая пишина, внушавшая еще болѣе боязни; все, казалось, чего по ожидало. Вдругъ отворилась дверь, и измѣнившійся до невѣроятности, въ разорванной одеждѣ, съ включенными волосами, блѣдный, вбѣжалъ въ комнату Гизе, въ шляпѣ и съ обнаженнымъ мечемъ. У Полины испоргся пронзительный крикъ; она гошова была унаспь со спуга; но мать и шепка посѣшли къ ней на помощь; разсудительный Георгъ, при этомъ зрѣлицѣ, почувсгивовалъ себя обяшнымъ необычайнымъ спрахомъ, но скрѣпясь, подошелъ къ Прокуратору, и спросилъ: „ради Бога, г. Гизе, что съ вами? — Вашъ видъ ужасенъ. Что случилось?“

„Что случилось? — повгпорилъ Гизе, съ рѣзкимъ смѣхомъ, какъ бы въ сумасшесгивн. — Что случилось, милоспивый государь? — Я игралъ, милоспивый государь, въ довольно большую игру, и проигралъ. — Проигралъ небо и землю!“ — прибавилъ онъ съ видимымъ шерзаніемъ души,

бросивъ окровавленный мечъ въ уголь, и сильно ударивъ себя кулакомъ въ лобъ. Потомъ прошелъ онъ, въ дикомъ испугѣ, нѣсколько разъ по комнашѣ, и остановился, какъ бы въ безмятежствѣ, какъ бы окаменѣлый, передъ Полиною, начинавшею мало по малу приходивъ въ себя. Въ эту минуту послышались приближающіеся шаги, и спукнули наружныя двери, будно растворясь насшежь; шаги приблизились ко внутренней двери; она также отворилась, и многіе друзья Веллинггова дома вошли, молча, съ пониженими головами, неся на плечахъ носилки, покрытые бѣлымъ пологомъ. Убийственный ужасъ, казалось, приковалъ всѣхъ присутствующихъ къ ихъ мѣстамъ; одна Полина, совершенно опомнясь, подобно богинѣ судьбы, приступила къ носилкамъ, и сорвала таинственный покровъ. Открылась кровавая голова Веллинггова, приложенная къ бездыханному, неподвижному туловищу. Безгласно упала дѣвица на землю. Въ эту минуту раздался пронзительный крикъ Герспруды, какъ будто бы въ ней вдругъ оборвались всѣ нити ея существованія, какъ струны на инструментахъ; необычайный, никогда не виданный блескъ освѣтилъ глаза ея, и она, съ поднятыми руками, со взоромъ, въ первый разъ усмреленнымъ къ небу, подошла къ одру обезглавленнаго опца своего. Въ радости,

смѣшанной съ испугомъ, приблизился Георгъ, и взоры его, исполненные удивленія, вперились въ небесный ликъ красавицы. Варвара, съ помощію Гизе поднявшая несчастную Полину, и все еще занятая ею, также съ изумленіемъ и воспоргомъ глядѣла на преображенную дѣвицу, которая произнесла, какъ бы по вдохновенію: „о, Боже! — Ты всемогущъ и милосердъ! Да славится во вѣкъ великое имя твоё.“

Анна Веллингъ поднялась со смертнаго одра своего супруга, осыпавъ еще шеплую его голову поцѣлуями, и оросивъ ее слезами, бросилась, рыдая, на грудь возвращенной ей дочери, и вскричала разшиельнымъ голосомъ скорби: „о, бѣдное, бѣдное дитя! — Для того ли тебѣ было выходить изъ безчувствія, чтобы увидѣть эти ужасы? — О! лучше бы тебѣ оставалась въ своемъ счастливомъ положеніи, нежели испытать такое бѣдствіе!“

„Мапушка, любезная мапушка! — отвѣчала Герпруда, сжавъ ее въ своихъ объятіяхъ. — Не согрѣшайте пропивъ благоспи Всевышняго. Мое оспояніе было бы тогда вдвое достойнѣе сожалѣнія. Оспаваясь, по прежнему, свидѣтельницаю всего, что вокругъ меня происходило, я не могла подасть ни малѣйшаго наружнаго знака моего сочувствія; живымъ мерлицомъ бродила я между

людьми. — О, мапушка! это состояніе было ужасно. “

Какъ бурный попокъ, съ кипѣніемъ лепящій съ крупнаго утеса въ глубину, и, раздробляясь о камни и древесные пни, перяющій свою силу, такъ жестокая скорбь безвредно ославляетъ душу человѣка, когда ее неожиданно ослабляютъ и разсѣваютъ происшествія болѣе или менѣе важныя. Такъ сбылось и въ настоящемъ случаѣ. Неожиданнымъ исцѣленіемъ Гершруды, заботами и хлопотами около опасно больной Полинны, приготовлениями къ погребенію, Анна Веллингъ отвлеклась отъ мысли о невознаградимой своей потерѣ, пока все исцѣляющее время успѣло излитьъ бальзамъ на ея кровавыя раны.

Для Гершруды жь, хотя сильно потрясенной внезапною смертію любезнаго родителя, но упѣшаемой восхищительнымъ чувствомъ участія въ человѣческомъ обществѣ, настала новая жизнь, освѣщаемая и согрѣваемая солнцемъ любви.

вашельничій коверъ. Съ холма зрѣніе услаждалось, съ одной стороны, поверхностію прелестной цвѣтущей долины, а съ другой видомъ старыхъ башенъ Вецлара, зависливо смопрѣвшихъ на эпоху прекрасное мѣсто. Здѣсь споялъ довольно пожилой, но еще очень свѣжій человекъ, склонясь на посохъ, и казалось съ большимъ удовольствіемъ смопрѣлъ предъ собою на группу, находившуюся на правѣ. Она соспояла изъ молодаго человека, которій, небрежно проспершись, пропянувъ объ руки, какъ бы хопгъ чпо нибудь обнятъ, и двухъ женщинъ, изъ коихъ одна, цвѣтущая молодостію и красотою, съ смѣшеніемъ скорби и восхищенія въ чертахъ, спояла на колѣнахъ, пропянувъ руки въ томъ же направленіи, какъ и мушца, и устремивъ взоры, съ неописанною нѣжностію, на предметъ бывшій предъ нею. То былъ мальчикъ, по видимому не больше какъ одного года съ нѣсколькими мѣсяцами, которій уже десяный разъ невѣрными шагами начиналъ далекій переходъ изъ однихъ объятій въ другія. Когда жъ мальчикъ падалъ, лицомъ внизъ, по старшая изъ женщинъ, сидѣвшая на правѣ, подлѣ младшей, стараясь не смятъ и не замарать щцанельно вымытаго и выглаженнаго своего наряда, съ боязнію вскрикивала, или просподушно бранила опца и машь, пока ее не успокоивалъ веселый смѣхъ малюпки. Онъ ско-

ро снова упалъ, слегка пронулся головою объ опцовскую ногу, и испугавшись заплакалъ. Тогда добрая спарушка не могла болѣе вытерпеть. — „Герспруда! — закричала она — ты до пѣхъ поръ будешь играшь, пока ребенокъ вывихнешь себѣ руки и ноги.“ — Молодой человекъ громко засмѣялся и отвѣчалъ: „но скажите жѣ, добрая, любезная пепушка, какъ же онъ спанешь бѣганъ, не выучившись напередъ упопробленію ногъ? А при эпомъ ему нельзя не падашь.“

„Да, да! Такъ и въ жизни нашей.“ — приговилъ бывшій Ректоръ Рижской школы. — Всѣ спопыкающся и падающъ, пока наконецъ упадущъ въ послѣдній разъ въ могилу.“

Но Герспруда вскочила, взяла малюпку на руки, и опдала его прежней своей нянькѣ, или лучше вшорой своей мащери, поцѣловавъ ее. Успокоясь и обрадовавшись, что любимецъ ея вне опасности, Варвара спала съ нимъ играшь и рѣзвишься. Георгъ съ нѣжностію заключилъ любезную Герспруду въ свои объятія, и она, склонивъ голову на плечо его, вскрикнула съ восторгомъ: „о, мой Георгъ! Какъ я невыразимо счастлива! — Ахъ! — прибавила она печально, послѣ минушнаго молчанія, — за чѣмъ мой бѣдный родителъ не могъ бытъ свидѣтелемъ моего счастья?“

„Блаженный духъ его царить надъ нами, и на

насъ смоприть. — опвѣчалъ Георгъ, снявъ поцѣ-
луями слезы съ прекрасныхъ очей своей супруги. —
Опцу своему теперь нѣчего опасаться земныхъ
бурь; онъ достигъ мирной пристани, и опдѣ-
хаепть въ ней опть здѣшнихъ прудовъ. Но иногда
меня беспокоитъ судьба Полины. “

„Ахъ, да! А добрая моя мапушка? Чпо то
опъ теперь дѣлаютъ? “

„По послѣднимъ письмамъ изъ Риги, онѣ обѣ
были здоровы. Только соспоянiе Полины испин-
но жалко; сердце ея въ беспреспанной борбѣ съ
ненависпью и любовью, кошорья обѣ споль силь-
ны, чпо снѣдаютъ жизнь ея. Съ самага дня ужа-
сной развязки, она, не смопря на всѣ просьбы и
убѣжденiя, поспоянно пропивилась видѣть своего
мужа, называя его убiйцею ея опца. “

Въ эту минупу послышался шорохъ въ цвѣ-
нущемъ кустарникѣ, покрывавшемъ ихъ своею
тѣнью. Они взглянули въ эту спорону, и увидѣли
выходящаго изъ него молодаго человекъ, и съ нимъ
двухъ спройныхъ, прекрасныхъ женщинъ.

„Франць! “ — вскрикнулъ Георгъ съ радо-
спiю, и бросился пришельцу на встрѣчу.

„Полина! “ — закричала Герспруда, заклю-
чивъ сеспру въ объянiя, орошая ее слезами и
осыпая поцѣлуями. Полина громко зарыдала, и
это рыданiе сдѣлалось скоро какъ бы испери-
ческимъ.

„Слава Богу! — сказала Ниевшпедтъ. — Полина плачетъ. Теперь все кончилось благополучно.“

Между тѣмъ подошли Варвара и Ректоръ, и Францъ представилъ имъ свою молодую супругу, въ которой они узнали любезную, спарую ихъ знакомку. Въ шуму радости и привѣтствій, слышны были только смѣшанные вопросы и столь же безпорядочные отвѣты, какъ наконецъ Георгъ пригласилъ всѣхъ въ близкое опшуда свое жилище, чпобы въ спокойныхъ разговорахъ сообщить другъ другу событія прошедшаго.

Придя въ домъ, женщины собрались въ особой комнаѣ, и предались искренней бесѣдѣ, а Георгъ повелъ опца и друга въ уединенный свой кабинетъ. Когда упомянутому путешественнику хозяинъ доставилъ всѣ возможные удобства къ отдохновенію, онъ началъ свой рассказъ слѣдующими словами:

„Ты знаешь уже изъ писемъ моихъ, что когда ты, вмѣстѣ съ своими, оставилъ Ригу, спокойствіе въ городѣ несовершенно еще было восстановлено. Случилось еще нѣсколько опдѣльных машежныхъ происшествій; между прочимъ, пещерный песнь мой, почтенный спарикъ Каспаръ фонъ Бергенъ, былъ посаженъ въ тюрьму, и преданъ суду. Вѣдь онъ также ѣздилъ въ Польшу,

вмѣстѣ съ другими. Великодушная его супруга опправилась въ Рапушу, со всѣми 22 своими дѣтьми, какъ бы въ поржеспвенномъ шеспвин, просить за мужа; но ее не допустили. Можно себя предспавить спрахъ всего семейспва, когда, послѣ случившейся казни, ему должно было опасаться спакон же учаспи за благороднаго спарца. Я не выходилъ изъ ихъ дома, и помогаль мапери дѣдомъ и совѣпомъ, сколько могъ, но къ сожалѣнню былъ не въ соспояннн измѣннть въ чемъ нибудь споль запрудннпелъннхъ обспоянелъспва. День допроса былъ уже близокъ. Вдругъ несравненной моей Бригннпнъ прншла одна мысль, копорую она споччасъ соопцнла мапери, прося позволнть ей прнвестн ее въ исполненне; но г-жа фонъ Бергенъ нашла пренрнятне дочери сплшкомъ смѣлымъ, для спакон молодой дѣвушки, и не спопря на всѣ возраженнн и убѣжденнн, рѣшнлась исполннть его сама. Ты знаешь, что наши почеспнѣншнн женцнны упопрелблнющъ для выѣздовъ, лѣпомъ и зимою, родъ крыпныхъ розвалъней, и что выѣзжая, онѣ спакъ укуппывающъ сплпсками и покрывалами, что оспавлнющъ опкрыпными однн глаза. Точно спакнмъ образомъ спруга Бургонспра опправнлась, въ назначенный для допроса день, къ заключенному въ спюрму; ее безъ спуда впустнли, и она уговорнла мужа обмѣннться съ нею сплпьемъ;

г. Каспаръ вышелъ изъ тюрьмы, не будучи узнавъ, и переправился за Двину. Когда на слѣдующій день за нимъ пришли, и вмѣсто него нашли великодушную супругу, ее тотчасъ выпустили и даже нѣсколько Совѣтниковъ проводили домой къ сопровождаемому семейству. Самое дѣлопроизводство объ обвиненномъ совершенно прекратили; ибо въ печеніи многихъ лѣтъ, онъ сохранилъ непоколебимое свое правдолюбіе свободнымъ отъ всякаго упрека, и въ невинности его нельзя было сомнѣваться. Въ продолженіе этого времени, передо мною больше и больше открывалась превосходная душа Бригитты; я отважился смѣлѣе къ ней приблизиться, и открылся въ любви; мое признаніе было принято и вознаграждено взаимностию. Когда отецъ ея, пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ опсупсхвин, возвратился, то съ радостию благословилъ нашъ союзъ. Между тѣмъ Ейке, Канне и Нейнертъ жаловались Королю, который прислалъ повелѣніе Кардиналу изслѣдовать дѣло; но какъ оно приобрѣло новую важность отъ казни двухъ Совѣтниковъ, то Радзивиль, не отваживаясь произнести своего мнѣнія, просилъ разрѣшенія Короля, который потребовалъ къ себѣ на судъ Думу и градское общество. Со стороны сего послѣдняго былъ назначенъ депутатомъ, какъ и должно было ожидать, Гизе, а съ нимъ вмѣстѣ и

Бринкенъ. Тогда Прокураторъ получилъ, какъ говоряшь, записку отъ начальника коллегіи, съ сильнымъ предостереженіемъ не ѣздить въ Польшу, гдѣ, по словамъ записки, ожидала его неизбежная гибель; Гизе объявилъ объ этомъ случаѣ во всеобщее свѣденіе, и его не пустили. Последовалъ новый и спрожайшій вызовъ Королевскій; Гизе впорично былъ назначенъ, но изъ тѣхъ же рукъ получилъ другое извѣщеніе, подобное первому; онъ и на этотъ разъ оспался, и общество, не рѣшаясь вѣрять своего дѣла другому, опять не отправило депуташовъ. Стефанъ чрезвычайно прогнѣвался, объявилъ городу и гражданамъ опалу, и велѣлъ поспроить, со стороны Курляндіи, укрѣпленіе, дабы смирить спротивный городъ. Сіи распоряженія распроспранили во всемъ народѣ опасеніе и страхъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе о кончинѣ Бапорія. Дерзость безпокойныхъ умовъ пробудилась снова; они вздумали овладѣть укрѣпленіемъ, но были опражены съ большою потерею.

По возшествіи Сигизмунда, послѣ того, на престолю Польскій, Дума и градское общество послали въ Краковъ уполномоченныхъ, для принесенія новому Королю присяги, и упомясь отъ продолжительныхъ распрей, распротившихъ всѣ дѣла ихъ, просили его, чрезъ посредство сихъ по-

сланныхъ, о содѣйствіи къ возстановленію въ ихъ городѣ спокойствія. Первымъ послѣдствіемъ сей мѣры было то, что Король, снявъ съ Думы и гражданъ опалу своего предшественника, объявилъ немилость Бринкену и Гизе. Въ это время я спарался сблизиться съ симъ послѣднимъ, и хотя недавно приобретенный имъ характеръ, казалось, располагялъ его убѣгать человѣческаго общества, однакожь мнѣ удалось, если не снискать его дружество, то по крайней мѣрѣ сдѣлаться для него сносимъ. Но я не нашелъ въ немъ ничего, кромѣ развалинъ зданія, нѣкогда прекраснаго, возвышавшагося къ небесамъ; духъ въ немъ совершенно упалъ; ниспроверженіе всѣхъ его смѣлыхъ надеждъ, кораблекрушеніе любви его, потеря супружескаго счастья — исполнили его ожесточеніемъ, приближавшимся къ человѣконенавидѣнію или, лучше сказать, къ ненависти противъ самого себя. Если бы Полина могла рѣшиться, въ утѣшеніе несчастному, съ любовію допустить его къ своему сердцу, то конечно еще спасла бы его; но всѣ просьбы были передъ нею напрасны; какъ сильны ни были надъ нею священныя права прежней любви, она ни какъ не соглашалась видѣть Гизе. Вообще будная, казалось, вела безпреспанный, мучительный раздоръ съ самою собою, и перзалась самыми противоположными чувствованіями.

Наконецъ получили извѣщеніе отъ Короля, что онъ назначилъ особыхъ чиновниковъ, для изслѣдованія и прекращенія городскихъ несогласій. Сіе предложеніе Рига приняла съ радостію. Скоро въ нея прибыли, съ большою свитою, Липовскій Канцлеръ Левъ Сапѣга и Краковскій Каспелянъ Северинъ Бонапъ, которые и поселились въ домъ Правителя.

Какъ граждане все еще оспавались вооруженными, и на валахъ, какъ въ военное время, содержали городскую стражу, Польскіе вельможи опікались въѣхать въ городъ, и послали гуда письмо такого содержанія, что хопя они и прибыли, для усмиренія распрей между Думою и обществомъ, но какъ граждане, ходя день и ночь съ оружіемъ, показываютъ не расположеніе къ миру, но скорѣе упорство въ духъ мшшежа, то они не прежде вступаютъ въ городъ, какъ когда Рижане, оставивъ оружіе, докажутъ имъ покорность воли правосуднаго своего повелителя. Съ тѣхъ поръ какъ Гизе не принималъ участія въ дѣлахъ, и ни о чемъ болѣе не заботился, гражданамъ недоставало главы, и пошому они согласились на это условіе. Уполномоченные въѣхали въ городъ, и были приняты съ большими почестями; но между тѣмъ данъ былъ приказъ расположеннымъ въ окрестностяхъ Польскимъ войскамъ на слѣдующій день за-

нятъ Ригу, какъ для наблюденія надъ жителями, такъ и для того, чтобы немедленно подавить всякое возмущительное движеніе. Господа уполномоченные созвали Думу, и приказали присуствовать въ засѣданіи градскимъ депутатамъ, въ числѣ которыхъ находились Гизе и Бринкенъ. Польскіе чиновники объявили ихъ виновными въ государственной измѣнѣ, и поспѣшь велѣли задержать подъ стражей. Между гражданами возникло сильное волненіе; но одинъ взглядъ на многочисленное войско, окружавшее Рапушу, и занимавшее всѣ посты въ городѣ, убѣдило ихъ въ бесполезности всякаго сопротивленія, обвиненныхъ опвели въ тюрьму, и вслѣдъ за тѣмъ, безъ предварительнаго допроса, надъ ними былъ произнесенъ смертный приговоръ. Я не могъ удержаться, чтобы не навѣснить въ послѣдній разъ Прокуратора въ темницѣ. У двери ея встрѣтился мнѣ Кампанусъ, выходившій отъ него съ язвительною, злобно-радостною улыбкою; Гизе я нашелъ совершенно спокойнымъ и твердымъ; всѣ земныя справки въ немъ исчезли, и взоры его обращались только къ небу; онъ говорилъ съ чистосердечнымъ раскаяніемъ о своихъ заблужденіяхъ, и сказалъ, что съ радостію приноситъ въ жертву виновную жизнь, для искупленія проступковъ своего честолюбія. — „Еще въ эту самую минуту, — продолжалъ онъ, — въ моей власпи

спасши себѣ жизнь, и слова приобрѣсть почести и достоинства, если только я рѣшусь внять убѣжденіямъ Іезуита, котораго сей часъ опъ меня вышель. Тщеславный глупецъ почипаетъ мой приговоръ слѣдствіемъ коварныхъ своихъ расчетовъ, тогда какъ я жертвую жизнію единственно по собственой волѣ; ибо еще тогда какъ, подъ личиною дружества, онъ предостерегалъ меня запискою не ѣздить въ Польшу, я прониклъ всѣ его ухищренія, и смѣясь, былъ совершенно увѣренъ въ неизбежныхъ слѣдствіяхъ моего отказа. Одно только еще меня беспокоитъ: это судьба Полины. Примите въ ней участіе; будьте ей другомъ и братомъ, и если вамъ когда нибудь будетъ возможно, отвезите несчастную къ сестрѣ ея, въ Вецларъ. Это просьба умирающаго, которую вѣрно вы не оставите безъ исполненія. — Я далъ ему честное слово въ почтосши исполнить его желаніе, и просидѣлъ съ нимъ на вѣкъ въ здѣшней жизни. “

„Съ пѣмъ же спокойствіемъ и покорностію судьбѣ, пошелъ онъ на другой день къ казни. Еще на эшафонѣ говорилъ онъ къ народу, признался предъ всѣми, что заслужилъ свое наказаніе, увѣщевалъ своихъ согражданъ обратиться къ должному повиновенію, и изъявилъ желаніе оставаться для дѣтей и внуковъ назидательнымъ примѣ-

ромъ. Попомъ онъ спалъ на колѣна, самъ обнажилъ себѣ шею, и едва успѣлъ громко вскрикнуть: „Господи! въ рудѣ пивои предаю духъ мой,“ какъ смертный ударъ постигъ его. Это было 24 Августа прошлаго года (1589). “

„Придя въ Полинѣ объявить ей завѣщаніе ея супруга, я нашелъ ее въ гореспномъ положеніи: продолжительная борьба съ самою собою уничтожила ея душевныя силы. При извѣстіи о неизбежности смерти Гизе, ненависть погасла у нея въ сердца, и прежняя любовь пробудилась въ немъ со всѣмъ могущесивомъ; но послѣдній ударъ, слишкомъ внезапно и сильно поразившій ея духъ, и безъ того уже разспроенный, совершенно разрушилъ умспвенную жизнь ея. Она лишилась разсудка, и съ тѣхъ поръ не обнаруживала никакого признака ни скорби ни радости, даже и при недавней смерти своей матери, до самаго нынѣшняго дня. Нынче только, увидя сеспру свою, она въ первый разъ снова пролила слезы; это подаетъ надежду на улучшение ея состоянія, и даже, по словамъ врачей, пользовавшихъ ее, когда она жила у насъ въ домѣ, на совершенное ея выздоровленіе. “

Георга сильно огорчило извѣстіе о кончинѣ его плещи; однакожъ онъ просилъ Ніеншпедна продолжать рассказъ.

„Я почти уже кончилъ. — опвѣчалъ онъ. — Въ день Св. Северина былъ заключенъ договоръ, по которому городъ преданъ неограниченной власти Короля, и когда, кромѣ Гизе и Бринкена, Спентгензень и Боне принесли свои головы въ жертву правосудію, спокойствіе совершенно возстановилось въ Ригѣ. Эппингъ, который женился на знакомой тебѣ Анхенъ, единогласно избранъ обществомъ въ градскіе Главы, и пользуясь уваженіемъ и любовью своихъ согражданъ, наслаждается тихой обезпеченною жизнію въ нѣдрахъ своего семейства.“

Георгъ собирался оспорожно сообщить своей супругѣ полученное имъ горестное извѣстіе; но оно уже дошло до нея, и молодая женщина перенесла его съ большею твердосію, нежели какой можно было отъ нея надѣяться.

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, Францъ возвратился съ своею супругою на родину. Георгъ оспался въ Вецларѣ, и способностями, прилежаніемъ и неукоризненнымъ поведеніемъ возвысился до весьма почетной степени. Доживъ, съ своею Герспрудою, до преклонныхъ лѣтъ, онъ имѣлъ удовольствіе видѣть себя окруженнымъ дѣтьми и внуками. Хопя Полина и исцѣлилась отъ сумашествія; но червь горести подпочилъ нѣжные корни ея жизни; она умерла въ цвѣтѣ лѣтъ, а скоро

послѣдовала за нею всѣми оплаканная, добрая пещика Варвара.

Ректоръ пожелалъ окончить дни свои на родинѣ; онъ возвратился шуда, и скончался, въ глубокой старости, процоѣдникомъ въ одной Лиепядской деревнѣ.

Коспи людей, проходящихъ въ сей повѣсти передъ глазами чинашеля во всей полнотѣ жизни, давно уже превратились въ прахъ; самыя имена ихъ часпю забышы; но до нашего времени сохранились прочныя памятники ихъ жизни и дѣйспвій. Еще и теперъ сущесивуетъ въ Ригѣ заведеніе для бѣдныхъ, носящее имя своего основателя, Бургграфа Ейке, и выстченное изъ камня изображеніе его спомнитъ въ памошной соборной церкви не далеко отъ алшаря.

Также цѣла въ Ригѣ до нынѣ основанная Францомъ Ніеншпедтомъ богадѣльня, и сочиненная имъ лѣпопись до сихъ поръ оспаеетъ важнымъ и обильнымъ испочникомъ для испоріи его опечесшва.

Да падутъ разсѣянныя въ семь сочиненіи сѣмена на добрую землю, и да произрасшеть по

всюду, во всей полнотѣ и зрѣлости, цѣлебный
плодъ гражданскаго миролюбія и повиновенія за-
конамъ.

